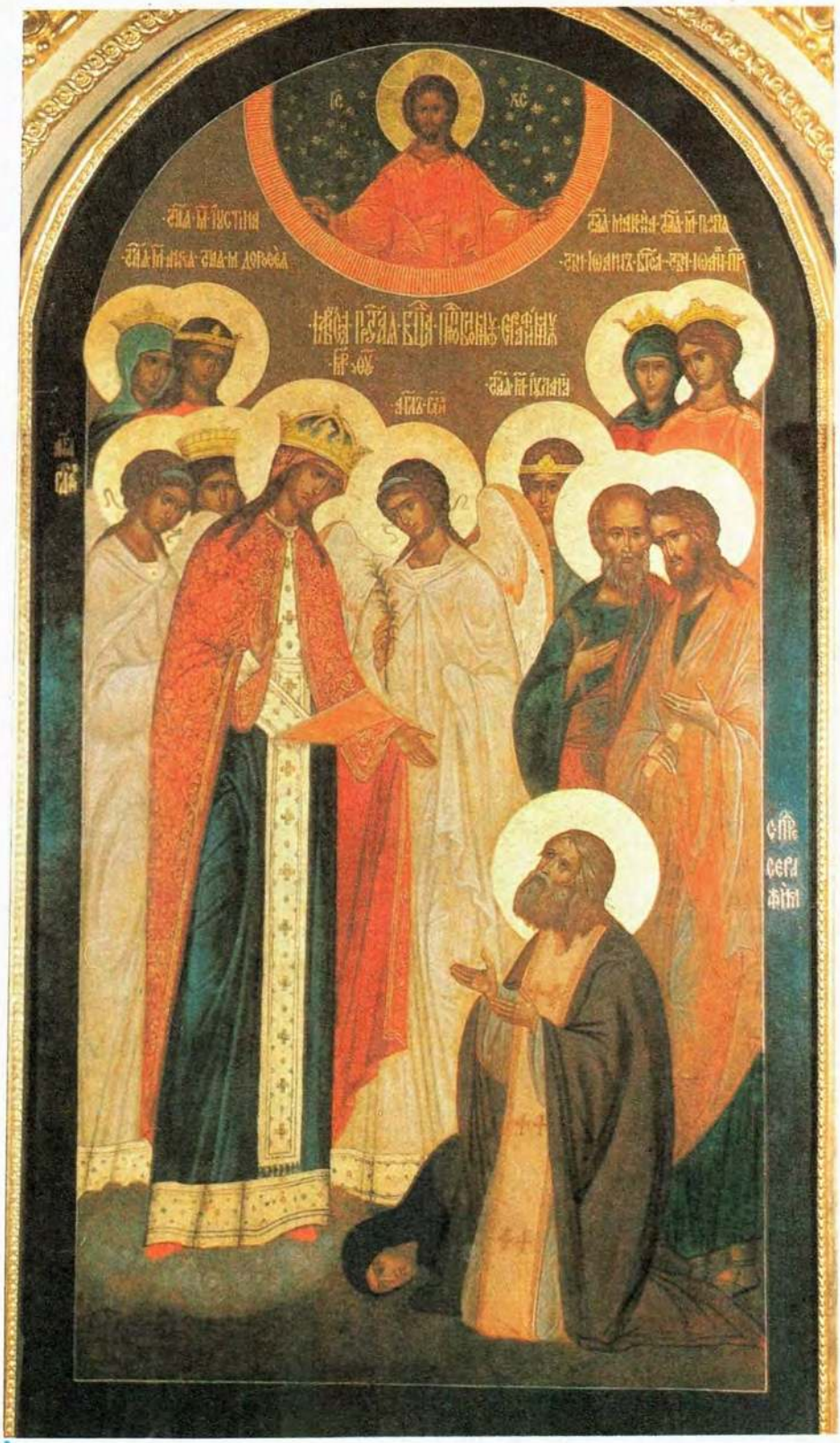
ISSN-0132-862X

8
1993

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ЯВЛЕНИЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ
ПРЕПОДОБНОМУ СЕРАФИМУ САРОВСКОМУ
Икона письма монахини Иулиании (Соколовой), XX век
Троице-Сергиева Лавра, Трапезный храм

1993 • 8

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Журнал выходит ежемесячно
Адрес редакции: 119435 Москва, Погодинская ул., 20

Главный редактор–председатель Издательского отдела Московского Патриархата МИТРОПОЛИТ ВОЛОКОЛАМСКИЙ И ЮРЬЕВСКИЙ ПИТИРИМ

СОДЕРЖАНИЕ

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

Заявление Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного Синода Русской Православной Церкви по современному положению на территории бывшей Югославии . . . 2
Л. К. Патриарх Тихон и Православная Русская Церковь (*Публикация М. Вострышева*) 3
М. Вострышев. На основе устных директив . . . 5
В. Лупандин. Претерпевший до конца — спасется . . . 10

ЦЕРКОВЬ И АРМИЯ

А. Серба. Нет казачества без веры . . . 15

ПРОПОВЕДЬ

Протоиерей Михаил Фарковец. Путь на Фавор . . . 19
Протоиерей Геннадий Нефедов. Сердце человеческое . . . 21
Протоиерей Вячеслав Полосин. Исцеления истинные и мнимые . . . 22
Святитель Григорий Нисский. О молитве (слово третье) . . . 24

ПРАВОСЛАВНОЕ БОГОСЛОВИЕ

Священник Георгий Зяблицев. Богословие святителя Григория Нисского . . . 29
Профессор Н. Покровский. Миниатюры Коккиновафского кодекса. К иконографии Богоматери . . . 38

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ

Е. Дементьев. Из далекого прошлого села Середы-Юрьевской . . . 48

ЦЕРКОВЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

В. А. Кошелев. «Хомяков жил в Церкви...» . . . 50
Из послания к сербам . . . 58

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ

Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. Церковные Соборы в Москве и Киеве. *(Продолжение следует)* . . . 63

ПИСЬМА МИРЯН

И. Недосекин. Страдания и любящий нас Бог . . . 85

ПУТЬ К ВЕРЕ

Протоиерей Христофер Классон. Моя жизнь в Святой Православной Церкви . . . 91

БОГОСЛУЖЕБНАЯ ПРАКТИКА

А. Самойлов. Пастырские советы отца Иоанна совершителю богослужения . . . 99

БИБЛИОГРАФИЯ

К. Тарасов. Выставка православной книги . . . 106
А. Г. Кравецкий. О достоверности Предания. (По поводу книги «Чин и устав, како подобает приимати приходящих от жидов к правей вере христианской. СПб., 1993) 108
Б. С. Христианская семья и брак . . . 111
А. Т. Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия . . . 111
Б. С. Митрополит Вениамин (Федченков). Божии люди. М.: Современник, 1991 . . . 112

ЗАЯВЛЕНИЕ

Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного Синода Русской Православной Церкви по современному положению на территории бывшей Югославии

Трагические события, происходящие ныне на территории бывшей Югославии, вызывают глубокую тревогу среди духовенства и мирян Русской Православной Церкви. Тревожные вести поступают к нам от Святейшего Патриарха Сербского Павла, который с надеждой обращался к нам, ища братского понимания и поддержки. Детальное представление проблемы было сделано прибывшими по благословению Святейшего Патриарха Павла к Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II в конце апреля с. г. Преосвященными епископом Зворницко-Тузланским Василием и епископом Бачским Иринеем.

Мы сопереживаем тяжким страданиям сербского народа, связанного с нами многовековыми узами братства, а также трудностям и подчас разрушительным нападениям, какие испытывает и каким подвергается Сербская Православная Церковь в регионах вооруженного конфликта. Общность православной веры и славянской крови, близость исторической судьбы скрепляет наше единодушие.

Одновременно мы свидетельствуем и о нашей любви к народам, населяющим земли бывшей Югославии, нашим братьям и сестрам, как чадам Римско-Католической Церкви, так и исповедующим ислам или не являющимся людьми религиозными. Мир, свобода и благоденствие предназначены Богом для каждой человеческой личности и должны стать всеобщим достоянием. Страдания, испытываемые любым народом, воспринимаются нами, как свои собственные. Особую боль приносят нам сообщения из зоны конфликта о жестокости, проявляемой вовлеченными в борьбу сторонами.

Нас огорчают попытки истолковать этот политический конфликт, как межконфессиональный и межрелигиозный и тем самым разжечь вокруг него вероисповедную рознь, использовать религиозные чувства людей для углубления вооруженного напряжения.

Мы в полной мере сознаем, сколь тягостным для народов стран Восточной Европы был длительный период тоталитаризма, сопровождавшийся целенаправленным насаждением атеизма, попранием общечеловеческих нравственных принципов. Долгом Православных Церквей в настоящее время является заполнение духовного вакуума в среде народов, исторически ими окормляемых, обновление в народе верности богоустановленному нравственному закону. Необходимо отсечь самый корень зла, рождающийся в сердце человека (Мф. 15, 19).

Церковь Христова отвергает насилие над волей народа, стеснение его национальных прав, ограничение свободы совести, любое небрежение по отношению к ближнему, каким для нас является каждый человек.

Только в процессе конструктивного межгосударственного, межнационального, межконфессионального и межрелигиозного диалога могут быть разрешены разделяющие народы проблемы и установлена их мирная, добрососедская жизнь в сотрудничестве и взаимопомощи. Только этим путем можно прийти к удовлетворению их чаяний.

Мы обращаемся ко всем руководителям народов, вовлеченных в вооружен-

ный конфликт, с призывом немедленно прекратить военные действия и перейти к мирному, посредством взаимных уступок, разрешению существующих спорных вопросов.

Мы молимся и призываем эти народы, в том числе и единоверный нам сербский народ, к жизни в мире и добром согласии друг с другом.

Мы призываем мировое сообщество отказаться от планов вооруженного вмешательства в конфликт, от односторонней военной поддержки или односторонней экономической блокады какой-либо одной из вовлеченных в него сторон.

Мы убеждены в том, что политические и общественные лидеры мирового сообщества должны избегать предвзятого отношения к какой-либо из сторон конфликта, ибо такое отношение способствует созданию вокруг балканской обстановки нездорового морального климата и тем тормозит приближение подлинного примирения.

Мы приветствуем любые мирные шаги, откуда бы они ни исходили, и молимся об их успехе.

Мы убеждены, что процесс переговоров, в том числе об устройстве границ и о правах меньшинств, должен проводиться таким образом, чтобы его результатом стало торжество справедливости для всех без исключения жителей спорных территорий. Все стороны, участвующие в переговорах, должны решительно отвергнуть насилие как средство достижения своих целей. Переговоры должны принести удовлетворение не на словах, а на деле.

Мы горячо молимся о том, чтобы как можно скорее все граждане вовлеченных в конфликт регионов, изгнанные военными действиями со своих родных мест, могли беспрепятственно возвратиться к домашним очагам и продолжить жизнь в мире и благополучии.

Исполненные глубокого сочувствия и любви к нашим страждущим братьям и сестрам, мы молимся о всесильной помощи Господа нашего Иисуса Христа всем ревностно труждающимся по восстановлению вожделенного мира и согласия среди народов, населяющих Боснию и Герцеговину и всю территорию бывшей Югославии. Мы молитвенно желаем скорейшего достижения благосостояния и процветания единоверному нам сербскому народу и всем другим южнославянским народам. Верим, что Господь не презрит наши смиренные мольбы.

12 мая 1993 года

Патриарх Тихон и Православная Русская Церковь

То, чего больше всего боялись православные русские люди, о чем они старались не говорить и даже не думать, случилось. Умер Святейший Патриарх Московский и всея Руси Тихон. В тяжелое время возглавил он Русскую Церковь. Уже обнаружилось, что нет православного русского царства и внешне связанного с Церковью, что оно, собственно говоря, давно перестало существовать, и русский царь, облачившись в иноземный мундир, сделал «венец и бармы Мономаха» маскарадной игрушкой. Ясно было, что Русская Церковь в эмпирическом явлении своем сильно пострадала от двухсотлетнего гнета под синодски-обер-прокурорскою властью, что в ней клир отрывался от мира, терялся дух бытового исповедничества и религиозно-нравственного делания, замирало подвижничество, что чада ее из свободных сынов Божиих становились рабами властей земных и поднебесных. Над нею уже занесена была рука новой антихристовой власти, и начинались кощунства всешутейшего комсомольского собора*. Однако ее иерархия и стоявшие на передовых ее постах не видели и не

Статья, подписанная инициалами Л. К., была помещена в берлинской эмигрантской газете «Руль» 15 апреля 1925 года.

* Имеется в виду собор живоцерковников 1923 года, на котором даже попытались лишить Патриарха Тихона его сана.

понимали всего происходившего и надвигавшегося. Многие из них приветствовали падение «царизма» и, не задумываясь над религиозным смыслом царства, отрекались от помазанника Божиего; «демократические» же священники, частью составившие потом контингент разных «живых» и «апостольских» церквей, радостно встречали «зарю свободы». Многие верили, что только теперь и наступает время свободной Церкви, конечно, «отделенной от государства», и не задумывались над простой истиною свободы. Свобода же не приходит и не дается извне, но возрастает из глубины человека: тому, кто внутренне не свободный, а раб, даже освобождение не дает свободы. И прежних лукавых рабов манили новые владыки, прельщала искаженно отражаемая бездонной идеологией социализма правда. Многого ли стоили в этой среде наивные романтические надежды на наступающий расцвет церковной жизни, надежды умилительные, конечно, но бессильные, безвольные? Ведь прежде должно было произойти отделение добра от зла. Ведь прежде эмпирическая церковь должна была очистить себя в гонениях и кровью мучеников омыть свои ризы.

В избрании Патриарха мы видели торжество Православия в России, понимаемое нами внешне и сочетаемое с возрождением русского государства настолько, что сама Церковь для многих превращалась в орудие для возрождения русской царской власти, такой же, какой была и погибшая, которая в воспоминаниях внезапно оказалась только хорошей. Мы надеялись, а время уже говорило об исповедничестве и мученичестве. Правда, мы считались с их возможностью и... возлагали их бремя на избираемого. Мы верили в магическую силу мученической крови. Но Церковь Христова, в которой являет Себя Сам Господь, может требовать мученичества, отдельные чада ее могут и смеют, каждое за себя, быть готовыми к мученичеству, от других же ожидать и требовать его не смеют. Ибо, когда Церковь зовет к мученичеству своего архипастыря, это значит, что все члены Церкви, каждый за себя, готовы к нему и молят Бога о спасении своих пастырей. Мы же, как лукавые рабы, надеялись, что избранный и стесненный в действиях своих условиями избрания Патриарх осуществит те задачи, приступить к которым у нас самих решимости не хватает и которых мы сами не передумали и не перестрадали. Мы хотели, чтобы он явил «героизм» Церкви (нарочно употребляя это слово, иноземное, как иноземные были и сами мечты наши об «эффектной» смерти за веру и «магическом» действии крови), то есть наш героизм (о себе самих мы больше всего думали), но так, чтобы нам-то пострадать не пришлось. Насыщая свою гордость, мы заранее надевали на его голову мученический венец и мысленно призывали его на борьбу с безбожной властью, с которой сами бороться не смели. Он должен был во главе «свободной» (точно «отделение от государства» есть уже внутренняя свобода!) и единой (внутреннее единство скоро объявилось в «церковных» новообразованиях) Церкви восстановить Русское государство, то есть произвести реставрацию. Если бы Патриарх выполнил наши ожидания, мы увидели бы то же самое старое, показавшее свою негодность государство и ту же старую, не искупившую грехов своих эмпирическую церковь. Если бы он (что вероятно) погиб в борьбе и принял мученическую кончину, эмпирическая церковь наша (то есть мы сами), оставшись без пастыря, вступила бы в худшие времена, чем пережитые ею во время заточения Патриарха, и, может быть, стадо без пастыря и совсем бы рассеялось.

Таким образом, мечтая о мученичестве Патриарха, мы сами отнимали у него мученический венец, ибо ему запрещала оставить нас Святая Православная Церковь, в коей нет пятна и порока. Мы слабостью нашей и грехами нашими лишали его высшей земной радости православного пастыря — права на мученическую кончину. И Святейший Патриарх, готовый на мученичество, принял и понес нами возложенный на него крест. Он не прельстился суетным блеском земного героизма, но смиренно принял на себя наши осуждения. Ведь мы о с у ж д а л и его, нашего архипастыря, когда не ради себя, а ради нас, ради Тела Христова — Церкви подписал он никого, даже и большевиков, не введшую в заблуждение бумажонку*. Высокоумные головы, самозванные «столпы» Православия кричали о компромиссе, иные с сокрушением (не с досадой ли?) поматывали го-

* Заявление в Верховный суд РСФСР от 16 июня 1923 года, написанное в тюрьме, в котором Патриарх признавал законность новой власти.

ловой. А православный народ понял исповедника и почтил его как святого. Даже до нас, за рубеж, донеслись вести о толпах, встречавших и сопровождавших Патриарха по освобождении, о лобызавших следы его ног и за это шедших в Нарымский край. И земною честью наградил Господь отвергшего земную честь ради Тела Его. Победа над собою, победа великого смирения воссияла в гонимой Русской Церкви и уже принесла неисчислимые плоды. Обличены ложь и тщета «коммунистических церквей», называющих себя живыми из страха перед неизбежной смертью. Православный народ собрался около своего пастыря и ощутил единство церковное. И тому, у кого есть глаза, явно это единство и в мире и в братском разногласии, когда поколебавшийся Патриарх уступил своему народу и отказался от введения нового стиля, а народ соблюл веру своего отца, исповедничеством своим соблюдшего его веру.

Не восстановлено, далеко еще не восстановлено внешнее единство Русской Церкви, все еще гонимой! Но с освобождением Патриарха она уже есть, уже являет свое единство духовное. И можно сказать: она там, где Святейший Патриарх Тихон, она в тех, кто с ним. Она явила себя в этом смиренном архипастыре, всегда благостном, всегда веселом, встречающем шуткою и улыбкою и ими умеющем дать ощущение всей святости его сана и почиющей на нем благодати. Он не говорит громких и пышных слов, стыдясь всякого показательства. Он не спешит и не стремится человеческими домыслами и попытками опережать волю Божию. Но он тихо и твердо делает все, что нужно. Так отлучил он коммунистическую власть, то есть ясно заявил (таков смысл отлучения, провозглашаемого Церковью, которая не судит внешних), что эта власть богоотступническая, хотя Богом и попускаемая. И своего отлучения, которого не могут и не станут отвергать и коммунисты, он не снимал. Он отклонил реставрационные попытки и несчастные решения Карловацкого Собора и с твердым достоинством восстал против всяких «автокефалий». Его появление было достаточно для того, чтобы, как дым, рассеялось наваждение мнимых новых церквей. Церковь Русская стала Церковью Патриарха Тихона.

Эта победа Церкви есть победа духа. И если почил в Боге Патриарх, дух его остался с нами, и прежде всего в России.

Патриарх, положивший за нас душу, то есть жизнь свою, не оставит нас своими молитвами. Коммунисты и так называемые христиане, связавшие себя с ними, могут верить в бессилие духа и победу материи. Мы же верим в силу духа и являемой духом и в духе Христовой Истины. Как, какими путями и средствами поможет нам и победит дух усопшего святителя — мы не знаем. Но то, что он победит и что мы должны быть с ним, это мы знаем наверное. Пастырь добрый, он простит и нашу гордыню, и непосильное бремя, возложенное нами на него, и даже то, что мы отягчили и сократили его жизнь. Он дозволит нам и ныне, когда волею Божией оставил он нас, считать себя его чадами и поминать имя его в ряду великих святителей Русской Православной Церкви.

Л. К.
Публикация М. ВОСТРЫШЕВА

На основе устных директив

Подготовка к полному уничтожению Православия в СССР началась еще до 1921 года, когда во время обрушившегося на страну санкционированного голода начался усиленный сбор фискальных материалов на духовенство. В декабре петроградское ГПУ распространило среди своих доносителей «общую схему информации» и потребовало «в каждом информационном докладе указывать вкратце, ясно, отчетливо и конкретно следующее»: (см. схему вопросов на с. 6).

Упомянутый в «общей схеме» протоиерей Комаринский на основе агентурных сведений, как и многие другие священнослужители и миряне, был арестован 28 марта 1922 года во время петроградской «операции по служителям культов», проведенной спустя девять дней после ленинских директив. Начались бесконечные допросы с целью организовать открытые судебные процессы и перестрелять побольше духовенства (председатель СНК настаивал, чтобы указа-

Общая схема вопросов и примерных ответов

1. Местность, название и адрес (деревни, учреждения и квартиры)	Благовещенский собор
2. Количественный и качественный состав собравшихся (детей, женщин, мужчин, их возраст, военные, штатские, рабочие, крестьяне, интеллигенция и т. д).	80 человек, из них 12 интеллигентных, одна сестра милосердия, 1 священник, 4 детей до 13-летнего возраста, 4 кулака, 3 военных, 1 моряк, остальные обыватели и один буржуй. Адрес: Красная ул., д. 23, кв. 5. Перехлесткин.
3. Перечислить выступающих, записать, по возможности, их фамилии, наружные, внешние признаки, начиная сверху вниз, т. е. рост, голову, лицо и т. д. Указать ораторские способности выступающих и их влияние на массу. Выяснить, постоянный, или местный, или приезжий оратор, в последнем случае указать, откуда прибыл.	Отец Николай Комаринский, настоятель собора, постоянно здесь, рост средний, рыжеватый, довольно солидный, с длинной бородой, хороший оратор, на массу действует своими восклицаниями и усердными молитвами.
4. Краткое содержание речей, обязательно дословно подчеркивать места, касающиеся современной жизни, в частности Советской власти и коммунистической партии, национальный шовинизм и еврейский вопрос.	Речь о покаянии, где прежде всего взял клятву с молящихся в верности, что среди них нет предателей. Речь шла о том, что мы должны очиститься и быть, как вода, чистыми, прозрачными, и такой должна быть вся наша жизнь. Громко восклицает: что мы сделали с нашей жизнью, настроили фабрик и заводов и этим омерзили и загрязнили весь наш виноградник, мы все здесь собравшиеся — оборванные и голодные, чем были вызваны слезы женщин.
5. Указать результаты речей на массу и чем последние выражаются (возбуждение, выкрики, критика и т. д.).	В результате просит никому не говорить о ночной беседе, о таинстве причащения, что только будут знать Христос и те, кто был на молитве. Дали слово молчать, расцеловались со священником и ушли в 4 часа ночи.
6. Дата составления доклада (число, месяц, год). Подпись (псевдоним).	9 декабря с. г. Новиков

ния о необходимости расстрелов давались судебным властям только устно).

На помощь следователям пришли советские газеты, извергавшие горы хулы на Церковь. Не дремала и организация «Живая Церковь» — верная спутница ГПУ, с помощью доносов и подлогов добивавшаяся привилегий для своего «прогрессивного духовенства».

Процесс петроградского духовенства проходил с 10 июня по 5 июля в здании Дворянского собрания на углу Михайловской и Итальянской улиц. Наконец после столь долгого «судебного» разбирательства революционный трибунал объявил приговор: десятерых — расстрелять, еще сорок девять человек приговорить к различным срокам заключения. Верховный трибунал ВЦИК шестерым, приговоренным к смертной казни, смягчил приговор. Четверо — митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин, архимандрит Сергий, профессора И. М. Ковшаров и Ю. П. Новицкий — в ночь с 12 на 13 августа 1922 года были расстреляны, а их имущество конфисковано в уплату судебных издержек.

За что же их убили? Убили, соблюдая все внешние приличия: открытый процесс с судьями, обвинителями, защитниками. Обратимся к стенограммам допросов, сохранившимся до наших дней, и попытаемся уяснить вину перед Советской властью одного из четырех страдальцев за веру — архимандрита Сергия.

Архимандрит Сергий, в миру Василий Павлович Шеин, родился в 1866 году в деревне Колпна Новосельского уезда Тульской губернии. Его государственная служба началась еще в юношеском возрасте. Он был помощником обер-секретаря в Правительствующем Сенате, помощником статс-секретаря Государственного Совета. Февральскую революцию встретил в чине действительного статского советника, члена Государственной думы. С 15 августа 1917 года Шеин — участник Всероссийского Церковного Собора.

Когда для служителей Церкви настали лихие времена, Шеин решил всего себя отдать на служение Богу и 30 августа (12 сентября) 1920 года, в день памяти благоверного князя Александра Невско-

го, был пострижен в монашество, став вскоре после этого настоятелем церкви Троицкого подворья в Петрограде. Не прошло и года монашеской жизни, как отец Сергий был арестован, и ему предъявили стандартное обвинение в том, что он в числе других решил «не допускать изъятия ценностей Советской властью, но самостоятельно от лица Церкви снестись с заграницей и продать ценности самим». Но во время допроса председатель ревтрибунала и обвинители не вспомнили об этом чудовищном обвинении. Даже им оно, наверное, показалось абсурдным, и, за неимением фактов для обвинения, они решили их раздобыть во время судебного разбирательства. Было, видимо, решено, что лучше всего обвинять людей в сговоре, в создании организации, которая ставит своей целью свержение Советской власти. В крупных городах удобнее всего было признать таковой правление приходских советов, которое решало вопросы о сборе пожертвований, охране церквей, вело переговоры с Советской властью о нуждах православных прихожан. Степень участия в этой-то «антисоветской» организации и постарались выяснить у Шеина.

Архимандрит Сергий (В. П. Шеин) — секретарь Поместного Собора Православной Российской Церкви 1918 года. Рисунок сделан В. Богдановичем на заседании Собора

Председатель: Обвиняемый Шеин, скажите: вы членом правления состояли?

Шеин: С последних выборов.

Председатель: Когда?

Шеин: В конце декабря или начале января.

Председатель: Какие обязанности в правлении вы исполняли?

Шеин: Был товарищем председателя. Но когда меня об этом известили, я, конечно, поблагодарил за честь то лицо, которое меня известило, и тут же предупредил, что никакого участия в правлении принять не могу, потому что собрания бывают по понедельникам, а в этот день в церкви торжественное богослужение. Я бывал на собраниях фактически очень редко, урывками, и в конце концов должен был подать заявление, что за невозможностью для меня принимать участие в делах правления я прошу себя товарищем председателя больше не считать.

До «активного участия в антисоветской организации» подобное заявление подсудимого не дотягивало, что, впрочем, председателя не удручило, он был уверен, что «подловит» отца Сергия в беседе о «контрреволюционном» письме митрополита Вениамина в Петроградскую комиссию помощи голодающим, где Владыка указывал на три условия, при которых духовенство примет участие в передаче церковных ценностей властям:

«1) Что все другие средства помощи голодающим исчерпаны,

2) что пожертвованные ценности действительно пойдут на помощь голодающим и

3) что на пожертвование означенных ценностей будет дано разрешение Святейшего Патриарха».

Председатель: Вы считаете, что первое письмо могло внести успокоение среди населения?

Шеин: Несомненно.

Председатель: Могло ли это письмо, распространенное среди населения, внести успокоение?

Шеин: Я нахожу, что письмо должно было внести успокоение, но думаю, что письмо не предназначалось для населения, а поэтому я не могу подходить к нему с этой точки зрения.

Председатель: Я не спрашиваю, для какой цели оно предназначалось. Считаете ли вы, что оно, будучи распространенным, могло внести успокоение в умы населения?

Шеин: В широкие массы населения я его не пустил бы.

Председатель: По каким причинам вы его не пустили бы?

Шеин: Обыкновенный обыватель, верующий, получил бы это письмо, и у него могла бы создаться принципиальная точка зрения на изъятие церковных ценностей.

Председатель: Какая? Как бы он отнесся к изъятию?

Шеин: На этот вопрос как можно отвечать?! Я думаю, что я человек, имеющий свой взгляд. Как могу я представить себе, как другой отнесется? Я отказываюсь отвечать.

Председатель: Для вас, которому много приходилось бывать среди верующих, должно быть известно, как эта мысль об изъятии церковных ценностей, изложенная в письме митрополита, преломлялась в их сознании.

Шеин: Я у себя в храме письма не оглашал, и потому, как эта мысль преломлялась и что из этого произошло бы, ответить не могу. Я могу отвечать в области фактов, а не в области предположений.

Председатель задумался. Фактов явно не хватало, чтобы «законно» вынести архимандриту смертный приговор. А ВЦИК требует расстрелы обставлять по закону, по революционной справедливости. Вот и возись теперь. Что ж, может быть, нужный компромат притечет сам собой, при обсуждении второго письма митрополита, в Петроградский губисполком, в котором неугомонный Владыка настаивает на предоставлении Церкви права самостоятельной организации помощи голодающим.

Председатель: Второе письмо митрополита. Где с ним ознакомились?

Шеин: Здесь.

Председатель: А до этого времени?

Шеин: Я его не знал.

Опять осечка. Председатель ревтрибунала чувствовал, что тонет, а этот контрреволюционный архимандрит не желает протянуть руку помощи. Неужто придется помиловать? Но ведь за это по головке не погладят...

Выручил общественный обвинитель Крастин, ставший задавать вопросы отцу Сергию о его отношении к Патриарху Тихону. Ведь не посмеет же сказать духовное лицо, что не уважает своего высшего иерарха! Ведь если он имел контакты с врагом № 1 советской власти, то, значит, сам он — враг № 2.

Крастин: В каких вы отношениях с патриархом Тихоном?

Шеин: Теперь ни в каких, а состоял как духовное лицо.

Крастин: Вы были в Петрограде в качестве представителя патриарха Тихона?

Шеин: Я был настоятелем церкви Троицкого подворья, но никаких представительств не знаю.

Крастин: А подворье было подчинено митрополиту или патриарху?

Шеин: Здесь надо различать два вопроса. Подворье подчинено Патриарху непосредственно, а поскольку в подворье находится приход, постольку я подчинен по приходским делам митрополиту.

Крастин: Значит, вы посредственно или непосредственно были подчинены патриарху Тихону?

Шеин: И Патриарху. Подворье составляет часть Троице-Сергиевой Лавры, которую уподобляют собору.

Крастин понял, что этот монах может окончательно сбить его с толку, выставить на посмешище за неосведомленность в церковной жизни. Необходимо произвести революционный выстрел — точный, громкий, наповал. Агенты докладывали, что Шеин зачитывал первое письмо митрополита Вениамина в своем приходе. А ведь в письме поставлены условия, без которых Церковь отказывается принимать участие в изъятии своих ценностей. А раз условия — значит, бунт, неподчинение декрету Советской власти.

Крастин: Вы у себя в приходе не оглашали послание митрополита?

Шеин: В храме не оглашал.

Крастин: А в приходе?

Шеин: Я прошу конкретизировать вопрос. Что такое приход? Я просто прочел, огласил, ознакомил с ним на заседании приходского совета.

В бой уже рвался другой общественный обвинитель — Драницын. Ему не терпелось доказать, что именно он, а никто другой, лучший исполнитель устных приказов начальства, самое бдительное око революционного судопроизводства. А для этого надо лишь выудить у подсудимого зацепочку, чтобы обвинить его в распространении письма митрополита с тайным умыслом оказать этим сопротивление изъятию церковных ценностей.

Драницын: Только что вы сказали: «Я огласил в своем приходском совете». Что значит «огласил?»

Шеин: Огласил — прочитал. Не вдумываясь, поверхностно прочитал.

Драницын: Вы, всесторонне образованный человек, как могли так отнестись к этому документу?

Шеин: Да-да, потому что есть разница изучить документ или огласить.

Драницын: Вы огласили по приказанию?

Шеин: Ничего подобного. Я огласил его в приходском собрании. Как раз я докладывал приходскому совету такой вопрос и все, что у меня было в руках, огласил.

Драницын: Почему огласили?

Шеин: Как я мог скрыть документ, который у меня есть? Я со своим приходским советом в прятки не играю.

Допрос затягивался. Ни на себя, ни на других Шеин не давал компрометирующего материала. А белая колонная зала бывшего Дворянского собрания переполнена присланными по наряду рабочими и красноармейцами, которые ждут подтверждения передовых газетных статей, где утверждается, что духовенство — «насильники, именем Христа благословляющие людоедство», «контрреволюционеры с изуверскими предрассудками», «негодяи в черных ризах, прикрывающие свою волчью шкуру религией». Надо их не просто расстрелять — надо показать, что Советская власть карает по справедливости, по закону. Может быть, подсудимый споткнется на национальном вопросе? Ведь все церковники — отпетые черносотенцы.

Драницын: Вы по убеждению поступили в монахи?

Шеин: Я считаю такой вопрос для себя оскорбительным. Монашество — дело моей совести.

Драницын: Вы имеете право не отвечать.

Шеин: Я знаю, что имею право.

Драницын: Вы были членом партии националистов. А принимаете ли вы текст: «Несть еллины и иудеи»?

Шеин: О, весьма, весьма.

Драницын: Вы в церкви призываете к миру своих прихожан?

Шеин: Сколько могу, всегда призываю.

Драницын: Больше вопросов не имею.

«Каков архимандрит! Ведет себя так, будто не он, а мы должны быть расстреляны,— возмутился третий обвинитель — Смирнов. Откуда у него это достоинство? Сразу чувствуется — дворянская кровь. Вот такие больше всего и вредны для построения нового общества, потому что они темному народу нравятся и те с них пример берут. А брать пример надо с товарища Ленина».

Обуреваемый жаждой революционного террора третий обвинитель ринулся в бой.

Смирнов: В бытность вашу в Государственной думе вы принадлежали к партии националистов. Вы порвали сейчас связь с этой партией?

Шеин: Со времени роспуска Государственной думы, естественно, порвал. Даже раньше. Я мою политическую деятельность окончил в начале февраля, потому что тяжело заболел, два месяца болел.

Смирнов: Вы идейно проповедовали взгляды националистов?

Шеин: Раз примкнул к известной партии — значит, разделяю ее взгляды.

Смирнов: Чем объясните, что перестали разделять?

Шеин: Я не говорю — перестал. Я говорю, что прекратил свою политическую деятельность.

Смирнов: Вы теперь продолжаете разделять эти взгляды?

Шеин: Теперь обстоятельства настолько изменились...

Председатель: Покороче, Шеин.

Шеин: Я говорю, как хочу. Ныне применять политические взгляды совершенно невозможно.

В бой вновь рвался Крастин. Было обидно, что Смирнов вытянул у подсудимого признание, что он националист. Ведь это уже почти готовое обвинение: почему он примкнул к монархистам, когда в Думе существовала прогрессивная фракция социал-демократов? Но и мы сумеем нанести по преступнику неплохой удар. Ведь он наверняка не любит духовенство «Живой Церкви»: с нами сотрудничают, доносы на Патриарха в газетах печатают, петроградское духовенство, что сейчас сидит на скамье подсудимых, обвинили в контрреволюционности. Вот мы его и ущучим за нетерпимость к инакомыслящим. Нравственное, так сказать, превосходство заимеем, чтобы больше не смел задирать нос этот бывший дворянин.

Крастин: Вы знакомы с расколом теперешней Церкви?

Шеин: Очень мало.

Крастин: Но слышали, интересовались им?

Шеин: Так, не особенно.

Крастин: Разницу в направлении так

называемой Живой Церкви, которая обвиняет старую Церковь в контрреволюции, вы понимаете?

Шеин: Живую Церковь я знаю только одну, ту, о которой сказано: «Церковь Бога живаго — столп и утверждение истины».

Крастин: Нет, я об этом не спрашиваю, здесь не проповедь. Я спрашиваю о реальном явлении жизни, я спрашиваю о реальной фракции Церкви, которая называется «Живой Церковью» и которую представляют Введенский, Боярский, Красницкий, это направление.

Шеин: Я с ним мало знаком.

Крастин: Вы в Церковь пришли идейно. Вас должны бы, как человека с высшим образованием, сенатора...

Шеин: Я никогда не был сенатором.

Крастин: ...члена Государственной думы, интересовать эти вопросы более глубоко.

Шеин: Церковь так богата разносторонней духовной жизнью, что можно найти в ней интерес и удовлетворение и вне вопросов церковно-общественной жизни. В Церкви есть огромная мистическая сила.

Крастин начал выходить из себя. И было из-за чего: подсудимый не раскаивается, не дает возможностей суду уличить себя в совершенных преступлениях, не сваливает вину на других. Терпения больше не хватало возиться с ним — хоть оскорбить напоследок.

Крастин: Чем вы объясните такое повальное вхождение и надевание ряс со стороны сенаторов, профессоров, студентов, инженеров, бывших адвокатов и так далее? Как вы это объясните? Между прочим, это касается и вас.

Шеин: Это касается лично меня. Я скажу: это дело моей совести. Я в Церкви с детства, постоянно около Церкви вращался, с ней сроднился. Поэтому для меня это естественно.

Более никаких «обвинений» архимандриту Сергию предъявлено не было. Витийствовали, украшая свои речи пышными революционными фразами, обвинители. Старались доказать кошмарный идиотизм обвинений защитники. Все это было не нужно: участь подсудимых была предрешена. Ревтрибунал — это вам не суд присяжных в царской России, который в свое время Ленин и его соратники клеймили позором. Здесь не судили, а исполняли устную директиву. Так, на основании вышеизложенного допроса отца Сергия обвинили в том, что он входил «в активную группу, действовавшую под видом легальной организации правления приходов Православной Русской Церкви, принимал активное участие в совещаниях и собраниях означенной группы, в коих обсуждали и разрабатывали вопросы противодействия Советской власти в проведении декрета об изъятии церковных ценностей с целью возбуждения народных масс».

После приговора — «расстрелять» — в своем последнем слове отец Сергий сказал, что он — монах, то есть человек, отрекшийся от собственной воли, всего себя посвятивший Богу, и лишь слабая физическая нить связывает его с мирской жизнью. «Неужели же трибунал думает, что разрыв и этой последней нити может быть для меня страшен? Делайте свое дело. Я жалею вас и молюсь за вас».

Когда в ночь с 12 на 13 августа большевики «делали свое дело», архимандрит Сергий — новомученик Русской Православной Церкви — перед смертью молился: «Прости им, Боже, не ведают бо, что творят».

Михаил ВОСТРЫШЕВ

Претерпевший до конца — спасется

25 мая 1877 года в деревне Малые Подберезы под Свияжском, Казанской губернии, в семье крестьянина Киприяна Васильевича Овечкина родился сын Дмитрий. Семья была малограмотная, но детям стремились привить любовь к знаниям и веру. Не случайно Дмитрий Киприянович, уже в девятнадцатилетнем возрасте окончивший Казанскую учительскую семинарию, определил свою судьбу — нести свет знаний своему народу, плоть от плоти и кровь от крови которого он был.

В Казани молодой учитель встретил свою будущую жену, купеческую дочь Ольгу Григорьевну Китаеву. Несколько лет они вместе учительствовали на Урале. На оборотной стороне своего фотопортрета, сделанного в 1901 году в Кунгуре, Дмитрий написал будущей же-

Семья Овечкиных в 20-е годы

не Ольге наивные, но трогательные стихи, в которых были такие строки:

«Тебя ждут испытания,
Но счастье — впереди,
И ты, моя красавица,
Смелей вперед иди!»

Ольга Григорьевна всю жизнь хранила эту фотографию и передала ее детям.

Перед свадьбой Дмитрий и Ольга переехали на родину Ольги Григорьевны, в город Осу под Пермью, где жили ее родители — уважаемые в городе купцы Китаевы. Оса, ранее называемый Осинским Острогом, стоял на высокой горе на берегу реки Камы. С первых лет существования города его украшал благолепный каменный храм Успения Пресвятой Богородицы. Вор и богоотступник Емельян Пугачев, окружив Осинский Острог, яростно штурмовал город, но долго не мог его взять — он больно жалил, как оса, за что и получил, говорят, свое имя. С этим городом и с этим храмом была связана вся дальнейшая жизнь Дмитрия Киприяновича, ее самые радостные и горестные страницы.

Свадьбу сыграли в селе Буткеево под Осой, где Дмитрий Киприянович преподавал математику, а Ольга Григорьевна — русский язык. Один за другим родились семеро детей: Елена, Геннадий, Валентин, Августа, Лидия, Алексей и младшая, «последыш», как называла ее Ольга Григорьевна, Ангелина, Аля.

За несколько лет до революции Дмитрий Киприянович принял решение поступить в Духовную Семинарию и стать священником. Это произошло во многом под влиянием родителей жены — глубоко верующих людей. Нелегко было отцу большого семейства на четвертом десятке лет так круто изменить свою жизнь, да и время было тяжелое, военное. Но решение было твердым.

Окончив Семинарию, отец Димитрий стал служить в Успенском храме города Осы. Дети с малых лет помогали отцу в храме: Геннадий чтецом, Елена, Августа и Лидия пели в хоре, а при архиерейской службе втроем исполняли *Ис полла эти, дэспота*. Ангелина в это время стояла со всеми на хорах и смотрела вниз на сестер. «Вырастешь, и ты у меня исполатчицей будешь»,— говаривал регент Сперанский. Вся семья отличалась музыкальностью и красивыми голосами, были и альт, и дискант, и меццо-сопрано, и баритон, и тенор. Семья часто собиралась вместе, и тогда звучал домашний хор в сопровождении гитары, балалайки. Люди останавливались под окнами, особенно летом, когда окна были открыты, и подолгу слушали.

Отец Димитрий в бытность учителем математики. Кунгур, 1901 год

Отец Димитрий служил и в огромном летнем Троицком соборе. В 1917 году его строительство было закончено — купцы и жители города и окрестных сел не жалели средств на храм. Архиерейские службы в Троицком соборе были торжественны и благолепны.

Овечкиных в городе уважали и любили, да и было за что — семья была небогатая, но благочестивая и дружная. Отношения между родителями и детьми всегда были самые добрые. Даже в тяжелые времена в семье никогда не кричали и не ссорились. Дети помогали родителям не только в храме, но и по хозяйству — смотрели за коровой, козой, кроликами. Животных в доме всегда было много: кошки, собаки, даже домашний скворец, который сопровождал хозяев во всех прогулках, перелетая с плеча на плечо.

Детей в семье учили не только читать Евангелие, но и жить по-евангельски. «Когда я была маленькой,— вспоминала Ангелина Дмитриевна Овечкина,— нашла однажды около дома беленькую блестящую денежку и, радостная, прибежала домой сообщить об этом маме с папой. Сказав, увидела по папиному лицу, что сделала что-то нехорошее. Отец никогда не поднимал руку, не повышал голоса, ему достаточно было только посмотреть — и мы понимали. Он сказал: «Ты, Аличка, пойди и положи ее там, где нашла, потому что не ты ее потеряла и она не твоя. Тот, кто потерял, придет и возьмет». Я все сделала так, как он сказал. Позже, когда подросла, я поняла, что никто за теми деньгами не пришел, но для меня, четырехлетней девочки, это был, наверное, первый нравственный урок, и я на всю жизнь запомнила: чужое брать нельзя.

Потом, когда немного подросла, помню, любила сидеть с подружками на лавочке, а мимо, по дороге, ходили барышни и дамы с детьми, хорошо одетые. Время было тяжелое, иногда и надеть было нечего, почти весь город в лаптях ходил, а тут — первые сандалии у богатых девочек появились. Увидела я их однажды, пришла домой и говорю маме: «Девочки ходят в таких красивых сандалиях — как бы мне такие!» Папа услышал и сказал: «Аличка, это называется зависть. Завидовать никогда никому не надо. Довольствуйся тем, что у тебя есть. Придет время, будет и у тебя что-нибудь хорошее».

Много таких уроков дал мне отец. Когда я пошла учиться в школу, со мной вместе учились дети из разных семей, в том числе и других национальностей. Коля Бабынин, с которым я занималась как с отстающим, дразнил одну мою подружку «еврейкой», другую «татаркой», и это меня очень огорчало. Увидев это, отец однажды сказал: «Аличка, скажи Коле и сама знай, что каждый человек Богом создан, еврей ли он, татарин, русский — все люди одинаковые». Если бы каждый в детстве получил такие уроки и впитал их в себя, может быть, не было бы в России ни революции, ни войны, ни разрухи».

В 1922 году храмы уральского городка Осы, как и тысячи других российских храмов, подверглись ограблению, именуемому советской властью «изъятием церковных ценностей». Отец Димитрий отказался работать в «Комиссии по передаче церковных ценностей» и, согласно решению местного ГПУ, был осужден на шесть месяцев условно. Несмотря на это решение, он был заключен в острог почти на год, а после освобождения работал бухгалтером в одном из советских учреждений.

В 1923 году, когда революционные бури немного утихли, отцу Димитрию было разрешено вернуться к обязанностям священнослужителя. Храмы были уже разграблены и почти пусты, но богослужения отца Димитрия были все также ревностны и проникновенны. Он ходил безотказно на все требы днем и ночью, в зной и в стужу. Его неоднократно вызывали в Осинский ОГПУ и предлагали сотрудничество с властью. Однажды, это было в 1925 году, отец Димитрий, придя домой, выложил на стол что-то завернутое в материю и сказал Ольге Григорьевне: «Вот, панагия». Это было предложение стать «красным архиереем». Отец Димитрий его не принял. Всю жизнь учивший вере и верности Церкви, он не мог допустить и мысли о предательстве того, что было для него святым, хотя и понимал, что отказ от сотрудничества с властью может обернуться бедой не только для него, но и для всей семьи.

В доме у отца Димитрия, в то время уже настоятеля храма и благочинного, начались обыски. Вскоре Овечкиных выселили из дома церковного причта, и началось их скитание по чужим квартирам, которые приходилось снимать, выкраивая деньги из небогатого семейного бюджета. Батюшку, обладавшего большой физической и духовной силой, эти трудности сломить не могли. Гораздо больше страданий ему как пастырю причиняли разнузданная атеистическая пропаганда и отход народа от веры отцов. В конце 20-х годов в моду вошли так называемые научные диспуты между представителями советской науки и священнослужителями. В столице блистали своим остроумием обновленец Введенский и нарком А. В. Луначарский. В то время как слово истинных поборников веры не могло просочиться сквозь советскую цензуру, диспут обновленца и атеиста был напечатан большим тиражем как образец «научного спора». Отец Димитрий, единственный из местных священников, участвовал в трех диспутах (больше не допустили), организованных в Перми. Ольга Григорьевна увещевала: «Митя, зачем ты участвуешь в этих диспутах, тебя опять посадят! Что мы делать-то будем?» «Ученые» из Перми и Свердловска защищали атеистические лозунги, а отец Димитрий стоял за веру крепко, один. И посадили его одного.

Произошло это в 1929 году. Тюрьма находилась на горе, рядом с бульваром,

Отец Димитрий в заключении.
Фото 1930 года из архива КГБ

где прогуливались горожане. Сюда, на бульвар, приходили Ольга Григорьевна с младшей дочерью Ангелиной. По записке жены батюшка в условленный час стоял на четвертом или пятом этаже у окна с решеткой. Имущество их конфисковали, ничего из ценных вещей Ольга Григорьевна спрятать не успела, и на жизнь у семьи не осталось никаких средств. «Ничего мне из вещей не жалко,— говорила матушка,— только корову жалко».

В марте 1930 года полномочными представителями ОГПУ Урала священник Димитрий Овечкин был приговорен по статье 58-10-11 УК РСФСР к трем годам лишения свободы без конфискации имущества (все конфисковано было сразу после ареста).

Матушка отца Димитрия, Аля и инвалид Алексей (в детстве повредил ногу и с тех пор ходил на костылях) переселились в маленькую избушку в три окна. Остальные дети повзрослели и разъехались. «В этот домик к нам приезжали по разнарядке «кантарить» картошку по Каме»,— вспоминала Ангелина Дмитриевна.— Они ночевали у нас на полу, утром шли на пристань, где ожида-

ла их изнурительная работа на весь день, а вечером, приходя с работы, рассказывали, у кого посадили, у кого угнали на работы родных и близких».

Кругом разруха, голод, да еще клеймо членов семьи «врага народа» — много горя хлебнула семья. Аля заканчивала четвертый класс первой ученицей, но дальше ей учиться было нельзя как дочери «лишенца», разве что только отрекшись от родителей. Многие в те годы писали такие заявления об отречении, публиковавшиеся в местных газетах, но Аля этого не сделала. Она уехала к сестре Августе в Бигбарду и там доучивалась.

Отбыв срок в Соликамске на соляных шахтах и став инвалидом, отец Димитрий должен был жить на поселении в Кудымкаре. Туда приехали и Ольга Григорьевна с сыном Алексеем. В 1936 году они втроем перебрались в Майкоп, к старшей дочери Елене. Ольга Григорьевна скучала по родине, говорила: «Митя, поедем умирать в Осу». Он сначала не решался, но осенью 1937 года согласился на уговоры жены.

Весть о возвращении Овечкиных сразу разлетелась по городу, но встретиться с отцом Димитрием многие так и не успели. Его, инвалида с больными ногами и поврежденным позвоночником, арестовали по обвинению в участии в якобы существовавшей в Осинском районе контрреволюционной повстанческой организации, проводившей антисоветскую пропаганду и агитацию. На основании этого обвинения УНКВД по Свердловской области приговорил отца Димитрия к высшей мере наказания — расстрелу. Решение было приведено в исполнение 14 ноября 1937 года. В архивных материалах нет сведений о месте расстрела и захоронения. Как правило, подобные приговоры исполнялись по месту их вынесения...

Семья не знала ни о приговоре, ни о расстреле. Ольга Григорьевна ждала, что муж вернется, как уже не раз возвращался: «Пока у меня нет официального извещения, я буду ждать...» Она отправила запрос на Лубянку и получила ответ: «Овечкин Д. К. умер в 1942 году». Пермская епархия назначила Ольге Григорьевне пенсию — дети, сами в то время живущие бедно, мало чем могли ей помочь. Умерла Ольга Григорьевна в 1961 году, в день полета Юрия Гагарина. Похоронили ее за кладбищенским Казанским храмом, за алтарем справа, там, где хоронили священников.

Когда Ангелина Дмитриевна пятьдесят лет спустя приехала в родной город Осу (а уехала она двенадцатилетней девочкой), город она не узнала: нет бульвара, театра, острога, к которому она бегала посмотреть на отца... Нет даже могилы матери на кладбище — одна ямка на том месте осталась. А где могила отца Димитрия — наверное, никто никогда не узнает. Да и мало ли их на российской земле — безвестных могил мучеников, погибших за веру в тюрьмах, лагерях, от болезней, от пули «идейных» убийц? Претерпевшие за веру до конца спаслись (ср.: Мф. 10,22; 24,13; Мк. 13,13). Подумаем же о себе, забывших отеческие могилы, осквернивших святыни, но имеющих еще возможность раскаяться в содеянном и вернуться в Отчий дом.

Владимир ЛУПАНДИН

* * *

Когда готовилась к печати эта статья, в адрес Ангелины Дмитриевны пришло письмо из «Синодальной Комиссии по изучению материалов, касающихся реабилитации духовенства и мирян Русской Православной Церкви, пострадавших в советский период», следующего содержания:

«Христос Воскресе!

Здравствуйте, уважаемая Ангелина Дмитриевна!

Благодарим Вас и Вашего сына Владимира за подробные и хорошие письма, в которых много сведений об о. Димитрии. Наша Комиссия занимается сбором сведений о священниках-мучениках для дальнейшего их прославления. Поэтому для нас все ценно, самые мельчайшие подробности. Благодарим за присланную фотографию о. Димитрия.

Простите, что задержались с ответом. После получения Вашего письма (еще первого), нами был послан запрос в правоохранительные органы, откуда Вам должны были сообщить все, что известно об о. Димитрии. **И сразу же имя Вашего отца было записано в синодик и направлено в 4 православных монастыря для постоянного поминовения: Троице-Сергиеву Лавру, Киево-Печерскую Лавру, Свято-Данилов монастырь и Оптину пустынь.**

Божие благословение да будет с Вами.

Храни Вас Господь!

С уважением, член Синодальной Комиссии

иеромонах ДАМАСКИН (Орловский)»

А. И. СЕРБА,
член штаба Союза казачьих войск России

Нет казачества без веры

«Христолюбивое воинство православное» — так издавна на Руси называли казачество. «За веру, царя и Отечество!» сражались казачьи войска. Охрана рубежей Отечества, готовность первыми принять бой с вторгшимся на родную землю неприятелем требовали от казаков не только мужества, отваги, воинского умения, но и веры в правоту своего дела, особой нравственной силы. Именно Православие и являлось основой военной и нравственной силы казачества.

Уже первый из широко известных защитников рубежей Русской земли, былинный «удалой казак» Илья Муромец, прославился не только многочисленными подвигами в брани с врагами, но и духовной силой. С наступлением старости он стал иноком Киево-Печерской Лавры, являл образец послушания и истинной веры, за что после смерти был причислен Церковью к лику святых. Мощи преподобного Ильи и ныне покоятся в пещерах Киево-Печерской Лавры, его память почитается в первый день нового года.

С Донской иконой Божией Матери пришли в 1380 году на Куликово поле под стяги великого князя Димитрия донские казаки, не мысля себя вне общего дела защиты Руси и веры Православной.

Святой долг отстоять Православие от нашествия католиков и униатов вел запорожских казаков в походы против польской шляхты и эмиссаров Папы Римского. Слова Иисуса Христа: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13) — стали для казачества первейшей заповедью в ратном деле. Из обретенных в сражении трофеев десятую часть казаки выделяли Церкви, восемь частей — семьям погибших товарищей, и лишь десятая часть доставалась живым. Исполнение нравственного долга прежде всего перед Святой Церковью и павшими товарищами — вот непреложный закон, которым веками руководствовалось казачество.

Постоянное участие в войнах способствовало развитию в казаках сильного религиозного чувства. Так, несмотря на довольно разгульную жизнь в Сечи, запорожцы дважды в году отправлялись «на прошу» (поклонение святыням) в

Казаки за богослужением в храме.
Фото Мещерякова А. А.

монастыри Самарский Пустынно-Николаевский, Межигорский Спасо-Преображенский, Лебединский Троицкий, Мотронинский Троицкий, Киево-Печерскую Лавру и другие. Некоторые из казаков отправлялись даже в монастыри дальних стран — греческий Афонский или Драгомирновский в Молдавии. Зачастую старые либо увечные казаки уходили в монастыри и там доживали свой век в монашестве. Среди запорожской старши́ны был распространен обычай отписывать имущество в пользу Церкви, делать богатые пожертвования монастырям. Например, в 1755 году Запорожский кош заказал для своей сечевой церкви серебряное паникадило весом в пять пудов и стоимостью в три тысячи рублей (для сравнения: годовое жалованье всего Запорожского войска составляло 4660 рублей). В Межигорском монастыре запорожцы содержали за свой счет больницу и госпиталь, а кошевой атаман Петр Калнышевский построил в этом же монастыре на собственные средства каменную церковь во имя Петра и Павла.

Вера и церковные установления пронизывали все стороны жизни запорожского казачества: преступников не казнили под Великий пост, всякое важное дело начинали с молитвы, верили в спасительную силу нательного креста, особенно с изображением Николая Чудотворца, с которым шли в военные походы, имена погибших записывали в помянники. Поднимаясь в походы против униатов, запорожцы призывали: «Кто хочет за веру христианскую быть посаженным на кол, кто хочет быть четвертован, колесован, кто готов претерпеть всякие муки за святой Крест, кто не боится смерти — приставай к нам!» Православие настолько естественно и органично вошло в жизнь казачества, став его неотъемлемой частью, что это превратилось чуть ли не в образец для представителей других ветвей христианства. Когда в 1632 году на войсковой раде запорожцы решили изгнать всех живших среди них католиков, те, почти до единого, приняли Православие и остались в Запорожье.

В истории «вольного казачества» случались ситуации, когда казакам приходилось поднимать оружие на братьев по вере. В подобных случаях казаки стремились не допустить пролития крови, а если это случалось, они затем глубоко и искренне раскаивались. В Смутное время украинское казачество

в составе польской армии приняло участие в походе на Москву, но впоследствии оно признало это ошибкой, а гетман П. Сагайдачный от имени всего Запорожского войска обратился к Иерусалимскому Патриарху с прошением об отпущении «греха разлития крови христианской». Этот случай послужил запорожцам уроком на будущее, в частности сыграл свою роль в событиях 1775 года, когда русские войска, выполняя распоряжение Екатерины II, окружили Запорожскую Сечь с целью ее уничтожения. К готовившимся к обороне казакам обратился с речью архимандрит Владимир Сокальский, призвавший запорожцев не сражаться против «москаля»: «...он хотя и недруг, но все же православной веры человек». И казаки согласились.

После «огосударствления» казачества — включения казачьих войск в состав русской армии — религиозная жизнь находившихся на действительной военной службе казаков мало чем отличалась от религиозной жизни всей армии. В каждом полку русской армии имелся храмовый день, и такие же храмовые дни появились и в казачьих полках. Многие русские полки располагали своими храмами (у Семеновского полка — Троицкий собор, у Преображенского — Преображенский), подобные же полковые церкви возникли у казачьих формирований. Как и во всех военно-учебных заведениях России, в казачьих военных училищах преподавался Закон Божий, а выпускникам в день производства их в первый офицерский чин, как и в других военно-учебных заведениях, начальник училища лично вешал на шею маленькую серебряную Казанскую икону Божией Матери. Казачьи войска праздновали общие для русской армии духовные праздники. Скажем, все казачьи войска отмечали «Юрьев день весенний», являвшийся и для русской армии «праздником среди праздников» и приходившийся на день памяти Георгия Победоносца, покровителя воинства российского. 21 ноября обязательно праздновался Собор Архангела Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных. Этот день являлся праздником для всей кавалерии русской армии. Помимо общих торжественных дней, каждое казачье войско праздновало память своего Небесного покровителя: например, Николай Угодник был покровителем Сибирского казачества, Архистратиг Михаил — Оренбургского и Уральского.

В казачьих войсках имелись полковые священники, авторитет которых среди личного воинского состава был высок как в мирное, так и в военное время. История знает немало случаев, когда военные священники покидали тонущие корабли последними, вместе с командиром, а в сухопутных войсках заменяли в бою убитых или раненых офицеров. Так, во время первой мировой войны военный священник Кавказской казачьей бригады, заменив убитого комбрига, возглавил конную атаку, а священник казачьей Пластунской бригады, когда в ней все офицеры вышли из строя, под жесточайшим огнем противника поднял и повел в штыковую контратаку казачьи батальоны. Сотни военных священников были убиты и ранены на фронтах первой мировой войны, сотни получили военные ордена и медали. Примечательно, что только русских военных священников враг приравнивал к военнопленным и содержал в офицерских концлагерях.

После октябрьского переворота 1917 года необузданный террор обрушился одновременно и на казачество, и на православное духовенство...

Большевизм пытался уничтожить Православие и казачество вместе, вместе, видимо, им и возрождаться, вместе служить крепости Русской державы. Но если сегодня взаимосвязь казачьего населения с Православием ясна, ибо мало чем отличается от взаимоотношений Церкви с другими слоями населения, то с духовным воздействием Православия на казаков-военнослужащих дело обстоит сложнее. Согласно Указу Президента России от 15 марта 1993 года, в Российской армии предусмотрено создание казачьих частей и соединений. При этом казачеству необходимо помнить слова генералиссимуса Суворова: «Безверное войско учить, что ржавое железо точить». Если государственно-нравственным принципом казака-военнослужащего является триада «Народ, Родина, Держава», то его верой должно быть Православие (автор имеет в виду только казаков-христиан, признавая полное равенство с ними казаков-мусульман, казаков-буддистов), ибо нет казачества без веры. Казалось бы, необходимо возвратиться к прекрасно зарекомендовавшему себя институту военных священников, однако решить эту проблему не просто.

Дело в том, что, согласно ст. 44 Конституции России, государство «не несет

обязанностей по удовлетворению потребностей военнослужащих, связанных с их религиозными убеждениями и необходимостью отправления религиозных обрядов». Закон России «О статусе военнослужащих» позволяет военнослужащим участвовать в богослужениях и религиозных церемониях лишь «в свободное от службы время» и только «как частным лицам».

И тем не менее религия все глубже проникает в жизнь Российской армии. По данным пресс-службы Министерства обороны, четверть военнослужащих считают себя верующими, хотя лишь 5 % полностью соблюдают обрядность Церкви. Рост численности верующих заставил высшее командование Российской армии держать этот процесс под своим контролем, делаются даже попытки подменить институт военных священников собственной штатной структурой по работе с личным составом.

По инициативе православного духовенства и с согласия командования на ряде кораблей в Кронштадте и Севастополе проходили богослужения: при закладке кораблей на военных верфях служили молебны, однако подобные факты являются, к сожалению, пока не правилом, а исключением из него.

В ожидании вступления в силу Указа Президента о создании казачьих соединений казачество не бездействует. По рекомендации Союза казачьих войск России в духовных семинариях обучается группа казаков, которые должны стать военными священниками в казачьих частях. При отборе кандидатов на учебу учитывались и знание армейской жизни (как минимум на уровне собственной срочной службы), и участие в церковной жизни, желание посвятить себя служению Богу. Уже и сейчас почти во всех казачьих регионах проводы казаков-призывников в армию происходят с участием священника.

Помимо подготовки кадров будущих казачьих военных священников, Союз казачьих войск России уже сегодня заботится о тех, кому не сегодня-завтра предстоит надеть погоны, старается приобщать к Православной Церкви молодежь и детей. Когда в станице Мартанской на Кубани прихожане своими силами возводили новый храм, на его строительстве трудились верующие женщины (казачки и жители других мест) и мужчины-казаки, которые по просьбе станичного атамана брали с собой на возведение храма своих детей.

Создаются казачьи учебные заведения (воскресные школы, кадетские корпуса, юнкерские училища). Так, в городе Подольске Московской области существует Лицей славянских культур, в создании которого принимал участие атаман Подольской казачьей станицы В. П. Мелихов. Директор Лицея Р. Э. Агафонова отметила: «В своей работе с детьми-лицеистами мы широко используем казачьи духовные традиции. На мой взгляд, при воспитании детей вообще необходимо обращаться к казачьей истории... Ведь не зря казачество называлось рыцарством, это свидетельствует о наличии целого ряда качеств, которые так нужны современной молодежи — мужество и честность, коллективизм и личная инициатива, патриотизм и воинское служение Родине...»

Казачьи землячества крупных городов стараются поддерживать тесную связь с казаками-военнослужащими в их городах, в том числе посещать с ними богослужения, устраивать встречи со священнослужителями, помогать в приобретении религиозной литературы. Даже при отсутствии в сегодняшней армии военных священников казачество использует все возможности, дабы возвратить казакам-воинам их исконное наименование «христолюбивого воинства православного».

От автора. Гонорар за статью прошу перечислить на счет восстановления храма Христа Спасителя в Москве.

Путь на Фавор

Да воссияет и нам грешным свет Твой присносущный...

(тропарь празднику)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогие во Христе братья и сестры!

Сегодня вместе со Святой Православной Церковью мы торжественно прославляем Преобразившегося Господа и Спаса нашего Иисуса Христа. Это один из великих двунадесятых праздников Церкви Христовой.

В Святом Евангелии повествуется о том, что Господь наш Иисус Христос незадолго до Своих спасительных крестных страданий явил ученикам славу Своего Божества, ту славу, которую Он имел прежде бытия мира (Ин. 17, 5) как Сын Божий.

Господь неоднократно говорил Своим ученикам, что *Ему должно... много пострадать... и быть убиту, и в третий день воскреснуть* (Мф. 16, 21), что Царство Его *не от мира сего* (Ин. 18, 36), *а внутрь вас есть* (Лк. 17, 21), *духовное, вечное* (ср.: Пс. 144, 13; Дан. 2, 44; Лк. 17, 21). И кто хочет унаследовать жизнь будущего века, тот должен отвергнуть себя, взять крест свой и следовать за Господом, ожидая славы не земной, а небесной.

Но ученики Иисуса Христа, будучи в то время еще не просвещенными Духом Святым, не в состоянии были вместить этих слов. Они склонны были думать, что Иисус Христос откроет Себя земным царем. И для того, чтобы развеять ложное представление учеников о Себе и показать, кто Он и чей Он Сын, Господь явил им Божественную Свою славу. Некоторые из них *не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого грядущего в Царствии Своем* (Мф. 16, 28) (ср.: Лк. 9, 27),— сказал им Господь.

На тридцать третьем году Своей земной жизни, в последний год проповеди Евангелия, Господь взял Петра, Иоанна и Иакова и возвел их на высокую Фаворскую гору, расположенную на севере Палестины, чтобы там помолиться. Здесь Господь немного отошел от них на вышний холм горы и, отрешившись от всего земного, в ночном безмолвии молился *Отцу Светов* (ср.: Иак. 1, 17).

Утомленные ученики Господа уснули. Приближалось утро. И вот *Господь преобразился пред ними: просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет. И вот явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие* (Мф. 17, 2—3). Они беседовали с Христом о предстоящих Ему вольных страданиях в Иерусалиме (Лк. 9, 29—31).

От беседы и Божественного Света, исходящего от Христа, Апостолы пробудились и увидели неизреченную славу Господа, насколько могло вместить их телесное зрение. Беседа Господа с пророками приближалась к концу. Апостол Петр, не желая расставаться с зрением Христовой славы, сказал: *Господи, хорошо нам здесь быть!* (Мф. 17, 4; ср.: Лк. 9, 33).

Небесная слава Богочеловека так восхитила Апостолов, что они, испытав восторг и неизреченную духовную радость, пожелали всегда созерцать ее, пребывая на горе, и Апостол Петр предложил Христу: *Сделаем три кущи: одну Тебе, одну Моисею и одну Илии,— не зная, что говорил* (Лк. 9, 33).

Когда он еще говорил, се, облако светлое осенило их; и, се, глас из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте (Мф. 17, 5; ст.: Лк. 9, 35).

Устрашенные Апостолы пали лицом на землю. Преобразившийся Господь *коснулся их и сказал: Встаньте и не бойтесь. Возведя же очи свои, они никого не увидели, кроме одного*

Преображение Господне.
Икона XV века

Иисуса (Мф. 17, 6—8; ср.: Лк. 9, 36).

В праздновании Преображения Господня Святая Церковь исповедует и прославляет соединение Бога и Человека в Лице Иисуса Христа и Его добровольные страдания нашего ради спасения. Господь показал ученикам Свой Божественный Свет прежде, чем Он был взят руками беззаконных: *Сего ради Бог на землю сниде,*

да нас на небеса возведет.

Преподобный Ефрем Сирин учит, что Господь возвел учеников на Фаворскую гору для того, чтобы открыть им, а через них и всему человечеству, что Он есть *воистину Отчее Сияние.*

Преображение Господне служит для нас прообразом и началом нашего преображения.

Господь наглядно показал нам, как через усердную молитву и мы можем преображаться, то есть просветляться,— преображать, спасать свою бессмертную душу, чтобы войти нам в ту Божественную славу, в которой *праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их* (Мф. 13, 43).

Но для этого нам нужно духовно обновляться — восстановить в себе искаженный образ Божий, взойти духом на Фавор. Гора духовного преображения зовет к себе каждого из нас.

Где же этот духовный Фавор? Он везде: в святом храме, молитве, посте и добрых делах, в принесении достойных плодов покаяния и святом причащении.

Дорогие братья и сестры!

Воздохнем к Преобразившемуся Господу из глубины души и помолимся Ему словами праздничного тропаря: Господи, *да воссияет и нам грешным Свет Твой присносущный, молитвами Богородицы. Светодавче, слава тебе. Аминь.*

Протоиерей Михаил ФАРКОВЕЦ

Сердце человеческое

Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне (Евр. 1, 1—2),— пишет святой апостол Павел. И если мудрость слов человеческих может быть вписана в книги, то премудрость Божию необходимо постигать сердцем. Так Преблагословенная Дева Мария *сохраняла все слова* о Сыне Своем *в сердце своем* (Лк. 2, 19). Ее отличало особое сердечное внимание к тайнам и славе Иисуса Христа, и слагаемое в сердце Она сумела сохранить от похищения забвением, разрушения любопытством и собственным мудрованием, ибо вера не любопытствует, а любовь не допускает в сердце мудрования и забвения.

Сохраняя пророческие слова о Христе, Дева Мария без недоверия и превозношения приняла высочайшее благовестие о бессеменном зачатии. Соблюдая в сердце глаголы обетований, Она прошла через трудности и бедствия, окружавшие рождение и младенчество Иисуса Христа. Она приняла в Свое сердце слова Сына Своего: *Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему* (Лк. 2, 49) и без сомнения и с преданностью перенесла Его удаление от Себя на проповедь во имя спасения людей. В часы страданий и смерти Сына Божия Она с мужеством и любовию перенесла их, будучи приуготовлена предсказанием праведного Симеона Богоприимца. И после Вознесения Господня в Ее сердце продолжал жить Христос и Его учение. Она в полноте жила жизнью веры, надежды и любви до того дня, когда путем, называемым обычно смертью, смогла перейти к Сыну Своему и Богу в жизнь любви, блаженства и славы. *...Преставилася еси к животу,*— поет в этот день Святая Церковь,— *Мати сущи Живота, и молитвами Твоими избавляеши от смерти души наша* (тропарь).

Избавляя от смерти, Матерь Божия учит нас благочестивому сердечному вниманию. Оно необходимо, братие и сестры, нам, когда стоим в Церкви и слышим слова песнопений и духовного просвещения, зовущие ко спасению и наставляющие в нем. Сердечное внимание необходимо и дома, когда есть возможность открыть священные книги и дать доступ глаголам жизни в наше сердце. Оно важно и тогда, когда мы видим людей, делающих добро, ибо через дела нисходит к нам глагол Божий.

Есть три рода внимания. Во-первых, внимание чувственное, когда прислушиваемся к слову и обращаем взор на предмет. В этом случае мы

* Проповедь произнесена в день праздника Успения Божией Матери.

видим оком, но не созерцаем духом, принимаем слово на слух, но не вникаем в его содержание, слушаем учение, но не восходим в разумение истины и не полагаем ее в основание жизни. Второй род внимания — разумение. Оно помогает углубленно размышлять о предмете и в слове находить истину. Этот род внимания полезен для приятия глаголов Божиих, но и он недостаточен для духовной жизни. Благотворна и спасительна третья разновидность внимания, тождественная вниманию доброго и благого сердца, когда ограничиваемся тем, что отверзаем слух навстречу слову Божию, но стараемся принять его в свое сердце, наполняя его любовью к Богу и Его учению и обретая душевный покой пребыванием в вере, преданности и смирении.

О Богоблагодатная Мати! Испроси нам радость сердечного слышания и верного хранения слов Божиих в сердцах и в жизни нашей. *Аминь.*

Протоиерей Геннадий НЕФЕДОВ

Исцеления истинные и мнимые

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Братья и сестры! Вы слышали сегодня евангельское повествование о том, как Спаситель исцелил в земле Гергесинской бесноватых и как жители этой земли просили Его уйти от них, ибо за исцеление им пришлось заплатить стадом свиней.

Все в Священном Писании имеет и буквальный, и иносказательный смысл. Случай в земле Гергесинской — реальная история, но это и образ того, как мир принимал и принимает Своего Спасителя, образ того, что происходит с нами сейчас, отражение состояния наших душ.

Сын Божий принял образ человеческий для того, чтобы исцелить человека, безраздельно отдавшегося греху и находящегося в плену бесовских искушений. Но Бог никогда не совершает насилия над нашей свободной волей. Дело духовного исцеления человека — это результат Божественного снисхождения и усилий и желаний самого человека. Господь Своим всемогуществом, через соединение Своей Божественной природы с природой человеческой освятил человеческое естество. Но для того, чтобы освятились, очистились от рабства греху наши мысли, чувства, желания, мы должны всей душой принять Христа, всем сердцем полюбить Его и исполнять Его заповеди, предпочесть любовь к Нему любви к себе и попечениям о своей плоти. *Ибо нельзя служить двум господам* (Мф. 6, 24).

Род человеческий во время первого пришествия Христова в целом не принял того исцеления от бесноватости, которое принес Христос. Стадо свиное — символ попечения о плоти в противовес попечению о Вечной жизни — оказалось для иудеев дороже. Вспомним: царь Ирод велел перебить всех младенцев мужского пола до двух лет, чтобы был убит среди них и Богомладенец, который, по пророчествам, должен был стать царем, то есть сместить Ирода. Забота о своем материальном благополучии, царском троне и славе была настолько сильна в Ироде, что ради этого он совершил ужасное преступление против человечности, истребив невинных младенцев; ради этого он совершил кощунственное преступление против Бога: решил воспротивиться Святому Духу и убить Того, Кого с упованием и надеждой ожидала вся ветхозаветная Церковь. Книжники — фарисеи, старейшины иудейские, правители тоже очень ревновали о своем достоинстве, о своих доходах. И когда появился Некто, Кто и учит людей истине, и от беснования исцеляет, книжники и фарисеи убоялись, как бы люди не пошли за Ним, оставив их без дохода. Потому они и старались постоянно уловить Христа в противоречии закону, чтобы доказать людям, что Он не есть Христос, Сын Божий, и чтобы сохранить свою власть и связанные с ней блага.

Сребролюбие, любовь к потребностям плоти более, нежели к устремлениям духа сделали людей того времени бесноватыми настолько, что они не хотели видеть явных чудес и знамений, совершаемых Христом во

исполнение пророчеств Ветхого Завета, а думали только о «свином стаде». Ради этого они и распяли Богочеловека на Кресте.

Не то ли происходит и с нами, братья и сестры, хотя уже две тысячи лет звучит евангельская проповедь и Спаситель мира в любой момент готов прийти в наши души изгнать из нас бесов. Но мы просим Христа отойти от нас и не исцелять наш дух для жизни Вечной, ибо боимся, что при этом погибнут ценности этой скоропреходящей жизни. Сделать карьеру, иметь высокий авторитет среди других людей оказывается для нас часто куда важнее тех ценностей духа, которые дает нам Господь.

Мы не просто просим отойти Господа Иисуса от нас — мы озлобленно гоним Его от себя, хулим, кричим: «Распни Его!» — когда ради скорейшего избавления от болезней, причиной которых являются наши грехи, обращаемся ко всякой силе, ко всякому человеку, даже открыто отрицающему Христа, чтобы те чудесным образом исцелили нас.

Спаситель, перед тем как исцелить человека, говорил: *Прощаются тебе грехи твои* (Мф. 9, 2). И после этого тот исцелялся. Спаситель никогда не порабощал, не подчинял Себе сознание человека, но, наоборот, возвращал бесноватым их самосознание, плененное диаволом. Мы же зачастую, не желая разобраться в самих себе, в своей душе, в своих грехах, которые привели нас к той или иной болезни, не желая со смирением нести свой крест, ищем облегчения у людей, занимающихся магией, «исцеляющих» силой диавольской.

Магия — это самое богопротивное, что только есть в этой жизни. Подумайте сами! Бог всемогущ, абсолютен, ни от кого и ни от чего не зависит, но все творит по Своему благому произволению. Бог — это абсолютная Личность. И человек — личность, созданная по образу и подобию Бога. Молитва — это общение двух личностей: сотворенной, ограниченной и абсолютной. Сотворенная личность — человек — может в молитве обращаться с просьбой к Творцу, и Тот, если эта просьба нам во благо (а только Творец знает, что нам во благо!), может выполнить нашу просьбу.

Приведем, хоть и грубый, пример. У сына нет денег, ему нужно попросить их у отца. Но вместо этого он решает: завяжу-ка я на веревочке 12 узелков, прошепчу над ними какое-нибудь заклинание, и тогда отец, сам того не желая, придя домой, сразу даст мне денег. Похоже, но только намного кощунственнее, действуют те люди, которые занимаются магией, как бы они ее ни называли. Они считают, что с помощью своих человеческих действий они могут заставить Всемогущего Бога делать то, что не Он хочет, а что хотят они сами. Подумайте, какое это кощунство! А начало такому кощунству положил отец греха — сатана, первый и падший ангел, который посчитал, что может стать всесильным без Бога и даже может победить Бога. И потому люди, которые даже по неведению начинают творить магические действия, хотя бы и под предлогом лечения, уподобляются, в той или иной мере, сатане и привлекают к себе бесовскую силу — бес же радуется всякому заблуждению и будет стараться усилить его, привести к массовому соблазну и духовной погибели. Вольно или невольно все, кто занимается магией, и черной и белой, сами становятся постепенно все более бесноватыми, теряют самоконтроль, превращаясь в послушное орудие диавола.

И если мы будем обращаться к таким людям за лечением, мы тем самым променяем исцеление духовное и вечную и блаженную жизнь с Богом на «исцеление» (если таковое и возможно) временное и погибельное, то есть на «стадо свиное» — образ резкий, нелицеприятный, но в действительности противопоставление временных благ и даже физического здоровья вечному блаженству еще низменнее, еще отвратительнее.

Мнимым исцелением, суть которого, как правило, сводится лишь к снятию боли — сигнала болезни (так что болезнь остается и прогрессирует, да человек этого не знает) маги, чародеи, колдуны, шаманы всех времен и народов соблазняли духовно нестойких людей, отвращая их от Христа и подчиняя их душу бесовской силе. Назывались они по-разному — на разных языках в разные эпохи,— но всегда эти названия преследовали одну цель: создать ореол таинствен-

ности, загадочности, произвести эффект большой силы, за ними стоящей. В наш век развитой техники и естественных наук этой цели более всего удовлетворяют такие названия, как «экстрасенс» или «гипнотизер». Им предоставлены экраны телевизоров и страницы газет. Дошло до того, что даже воду «заряжают» бесовской силой через телеэкраны и «зарядили» один из номеров газеты «Вечерняя Москва», который многие богоотступники потом съедали, совершая что-то вроде «бесовского причащения».

К несчастью, некоторые из нас, братья и сестры, тоже «освящали» воду перед телевизором, но затем покаялись и хорошо сделали, что покаялись. Ведь тот, кто так поступает, фактически уже не верит во Христа, Который Духом Своим Святым освящает воду на Крещение (да и на каждом водосвятном молебне). Такой человек больше верит Чумаку, чем Христу!

Церковь Божия во все века самым строжайшим образом предостерегала людей от магов и колдунов, предлагающих мнимое исцеление взамен души человека, переходящей в собственность диавола. Да если бы на самом деле колдуны и экстрасенсы могли исцелять, разве бы остались на земле хоть какие-то болезни? Сколько их было, столько и есть, ведь колдуны и экстрасенсы только обольщают, обманывают, губя души! Потому-то в ветхозаветной иудейской Церкви по закону Моисея было положено всех колдунов и чародеев побивать камнями — наказание страшное, но духовное здоровье рода человеческого было важнее. Вспомним: святой Илия-пророк предал смерти четыреста пророков Вааловых, которые магией соблазняли народ, ставя его на грань духовной, а значит и вечной, гибели. Новозаветная Церковь — Церковь любви — никого не предает смерти и гибели, но ради спасения душ прельщаемых и чистоты свидетельства она объявляет, что люди, обращающиеся к колдунам, экстрасенсам, гипнотизерам, стремящихся в противовес Христу подчинить себе свободу воли другого человека,— эти люди настолько исказили в себе образ Христов, что в течение пяти лет не должны причащаться Таин Христовых, чтобы это не стало им в осуждение. Пять лет отлучения от Причастия, а значит, и от Церкви! И это, разумеется, при условии покаяния. Конечно, наказание за совершенное по неведению может быть уменьшено, но грех не перестает быть грехом.

Не уподобимся, братья и сестры, жителям земли Гергесинской, которые ради свиней прогнали от себя Творца и Спасителя мира! Будем помнить, что только Бог, явленный нам через Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа, в силах дать нам то, что нам действительно полезно; если надо, то и от болезни исцелить, а главное — исцелить нас от духовной болезни — бесноватости, рабства плоти и греху, и даровать нам жизнь Вечную.

Протоиерей Вячеслав ПОЛОСИН

Святитель Григорий Нисский

О молитве

(слово третье)

Да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое
(Мф. 6, 9, 10)

Закон, сень имый грядущих благ (Евр. 10, 1) и некими преобразовательными гаданиями провозвещающий истину, когда во святилище вводит священника для принесения молитвы Богу, сперва очистительными некими жертвами и окроплениями очищает входящего, потом, украсив священническою одеждою, благолепно испещренною золотом, багряницею и красками других цветов, возложив

* Первое и второе слово «О молитве» см.: ЖМП, 1992, № 9; 1993, № 5.

на него кидар и ефод, прикрепив к краям одежды звонцы с пуговицами, а на раменах пристегнув верхнюю одежду, приукрасив главу диадемою, обильно излив миро на власы, вводит его наконец во святилище, чтобы совершать таинственные священнодействия.

Духовный же законоположник, Господь наш Иисус Христос, обнажая закон от телесных покрывал и приводя в ясность гадательный смысл прообразов, во-первых, не одного только избирает из целого народа, вводит в собеседование с Богом, но всякому равно дарует это достоинство, предложив желающим общую благодать священства, а потом не заимствованным убранством, найденным в какой-либо краске и ухищрении ткача, придает искусную красоту священнику, но возлагает свойственное и сродное ему украшение, вместо разнообразно испещренной одежды, делая цветоносным приятностями добродетелей; и грудь украшает не земным золотом, но непорочною и чистою совестию придавая лепоту сердцу. К ефоду же сему приноровляет и блеск драгоценных камней, а это, по мнению Апостола,— светлости святых заповедей. Привесил к ряснам жизни духовные звонцы, и пуговицы, и цветы (ср.: Исх. 28, 33, 34), а под ними иный справедливо может разуметь видимое в добродетельной жизни, чтобы прохождение сей жизни соделалось славным; а посему к ряснам сим вместо звона придал благозвучное слово веры, а вместо пуговицы — сокровенную готовность к надежде на будущее, прикрытую суровою жизнию, и вместо цветов — доброцветную красоту рая, и таким вводит его во святилище и внутренность храма. Святилище же это не неодушевленное и не рукотворенное, но сокровенная храмина нашего сердца, если действительно она непроницаема для порока и недоступна лукавым помыслам. Главу украшает небесным мудрованием, не изображение букв начертав на золотой дщице, но самого Бога изобразив во владычественном рассудке. А на власы разливает миро, душою внутри себя самой составленное из добродетелей; и уготовляет его к принесению Богу, в таинственном священнодействии, в благоухание и жертву не чего-либо иного, но себя самого. Так возведенный Господом в это священство, умертвив плотское мудрование мечом духовным, *иже есть глагол Божий* (Еф. 6, 17), потом пребывая во святилище, умилостивляет Бога, таковою жертвою посвятив себя самого и *представив тело свое в жертву живу, святу, благоугодну Богови* (Рим. 12, 1).

Но, может быть, скажет кто-либо, что смысл молитвы, предложенной нами для истолкования, по первому взгляду не имеет сего значения, а нами придуманы подобные понятия, не соответствующие понятиям, заключающимся в собственных словах молитвы. Посему пусть таковый снова приведет себе на память первые уроки молитвы. Ибо кто приуготовил себя к тому, чтобы с дерзновением осмелиться наименовать Бога отцом своим, тот в точности облечен тою одеждою, какая описана в слове, звучит звонцами, цветет пуговицами, блистает на персях лучами заповедей, на раменах носит патриархов и пророков, вместо имен обратив их добродетели в собственное свое украшение, и главу украшает венцом правды, власы имеет умащенные небесным миром и пребывает внутри пренебесного святилища, которое поистине непроницаемо и недоступно для всякого нечистого помысла. Но как надлежит приуготовлять себя посвящаемому, достаточно показано сие словом в исследованном доселе, остается же рассмотреть самое прошение, каковое пребывающим внутри святилища Господь повелел возносить к Богу.

Ибо кажется мне, что излагающий просто слова молитвы по первому взгляду не доставляет нам удобопонятного смысла. Сказано: *да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое.* Как относится это к моей потребности, скажет иной человек; или покаянием наказывая себя за грехи, или, чтобы бежать от преобладающего им греха, призывая на помощь Бога, потому что всегда пред очами у него борющий искушениями. Здесь раздражительность выводит рассудок из упорядоченного состояния, там пожелания неуместного ослабляют силы души, в другой раз наводят слепоту на зоркость сердца любостяжательность, кичливость, гордыня, ненависть и остальная толпа противоборствующих нам, подобно какому-то полчищу вок-

руг обступивших врагов, при самой крайности ввергают душу в опасность. После этого старающемуся при благом содействии избавиться от сих зол какие всего пригоднее употребить слова? Не те ли, которые употребил великий Давид, сказав: *да избавлюся от ненавидящих мя* (Пс. 68, 15), и еще: *да возвратятся враги мои вспять* (Пс. 34, 4), и еще: *даждь нам помощь от скорби* (Пс. 59, 13), и другия сим подобные, которыми можно восставить Божие против врагов содействие? Теперь же что говорит закон молитвы? *Да святится имя Твое.* Если и не будет это мною сказано, ужели возможно имени Божию не быть святым? *Да приидет Царствие Твое.* Что же изъято из-под власти Бога, Который, как говорит Исаия, объемлет дланию все небо, горстию всю землю, рукою содержит влажное естество, в объятиях носит всю тварь (ср.: Ис. 40, 12)? Посему, если имя Божие всегда свято, ничто не избегло державы владычества Божия, но всеми обладает и в святыне не требует прибавлений, во всем нескудный и совершенный, что выражает молитва словами: *да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое*?

Писание под видом молитвы не учит ли чему-либо подобному: природа человеческая для приобретения чего-либо доброго немощна, и потому о каком бы добре ни заботились, не достигали бы мы оного, если бы не совершало сего в нас Божие содействие. А главное для меня из всех благ то, чтобы жизнью моею прославлялось имя Божие.

Вразумительнее же сделается для нас этот смысл чрез предположение противного. Слышу, что Священное Писание осуждает где-то тех, которые делаются виновниками хулы на Бога. Ибо сказано: горе тем, *ихже ради имя Мое хулится во языцех* (Ис. 52, 5). А сие значит: не уверовавшие еще слову истины взирают на жизнь приявших веру в таинство, а посему, когда иные носят на себе имя веры, а жизнь их противоречит имени, или идолослужительствуют любостяжательности, или бесчинствуют в пьянстве и на пиршествах, или, наподобие свиней, валяются в тине распутства, тогда у неверных тотчас готов отзыв, осуждающий не произвол худо пользующихся жизнию, но таинство, как будто оно учит поступать таким образом и будто бы такой человек, посвященный в божественные таинства, не сделался бы или злоречивым, или любостяжательным, или хищником, или подверженным иному какому пороку, если бы грешить не было для них законно. Посему-то Писание обращается к таковым со строгою угрозою, говоря: горе тем, *ихже ради имя Мое хулится во языцех.*

Если это понято нами, то благовременно будет обратить внимание на то, что говорится с противной стороны. Ибо прежде всего, думаю, надлежит молиться и главным предметом молитвы поставлять то, чтобы жизнию моею имя Божие не хулилось, но прославлялось и святилась вера в таинство. Посему во мне, говорит молящийся, *да святится* призываемое мною *имя* Твоего владычества, *да видят* человеки *добрыя дела, и прославят Отца, Иже на небесех* (Мф. 5, 16). А кто столь звероподобен и неразумен, что в верующих в Бога видя жизнь чистую, преуспевающую в добродетели, свободную от всех скверн греха, чуждую всякого подозрения в худом, сияющую целомудрием, достойную уважения за благоразумие, мужественно отражающую приражения страстей, нимало не расслабляемую телесным сладострастием, всего более удаляющуюся от забав, неги и кичливой суетности, столько пользующуюся житейским, сколько это необходимо, концами только ног касающуюся земли, во время пребывания на земле не утопающую в наслаждениях удовольствиями сей земной жизни, но стоящую выше всякого чувственного обольщения и в жизни плотской соревнующую жизни бесплотных, признающую единственным богатством приобретение добродетели, а единственным благородством — усвоение себя Богу, единственным достоинством и единственным владычеством — обладание самим собою и нераболепство человеческим страстям, обременяющуюся продолжительностию жизни в нынешнем веке и, подобно бедствующим на море, поспешающую в пристань встретить там упокоение — кто, видя все сему подобное, не прославит имени, призываемого такою жизнью?

Посему, кто говорит в молитве: *да святится имя Твое во мне,* тот, по силе

произносимых им слов, молится о следующем: «при содействии Твоей помощи да соделаюсь неукоризненным, справедливым, богочестивым, буду воздерживаться от всякого лукавого дела, говорить истину, делать правду; ходить по правоте, отличаться целомудрием, украшаться нерастлением, мудростию и благоразумием, мудрствовать горнее, презирать земное, просиявать ангельским житием». Сие и подобное сему содержит в себе это краткое прошение, в молитве взывающее Богу: *да святится имя Твое.* Ибо не иначе возможно Богу прославляться в человеке, как разве когда добродетель его свидетельствует, что причина благ — в Божием могуществе.

В последующих словах молитвы содержится прошение о том, чтобы пришло Царствие Божие. Ужели теперь только желательно, чтобы соделался царем Царь вселенной, всегда Тот же, каким Он есть, для всякого изменения непреложный. Кому не возможно и найти что-либо лучше, во что мог бы измениться? Посему что же значит молитва, призывающая Царствие Божие? Но истинное о сем понятие ведомо тем, кому Дух истины открывает сокровенные тайны, а мы имеем такое разумение сего изречения: выше всего одна истинная Власть и Сила, которая державствует и царствует во вселенной, не насилием каким, не самоуправным властительством, не страхом, не принуждениями приводящая в подчинение, что покорено ей, потому что добродетели надлежит быть свободною от всякого страха, не по жестокому над собой владычеству, но по добровольному рассуждению избирать доброе, а главное во всяком добре — состоять под животворною властью. Посему, так как природа человеческая в суждении о добре обманом введена в заблуждение, то в произволении нашем произошла наклонность к противному, жизнь человеческая преобладает всем худым, потому что смерть тысячами путей вмешалась в природу; всякий вид греха делается как бы путем к смерти. Посему, так как состоим под таким самоуправством, как бы какими исполнителями казней или врагами, приражениями страстей порабощены смерти, то хорошо молимся, чтобы пришло к нам Царствие Божие. Ибо невозможно иначе свергнуть с себя лукавое владычество тления, пока не восприимет над нами снова владычество животворящая сила.

Посему, если просим, чтобы пришло к нам Царствие Божие, то в действительности умоляем Бога о следующем: «да избавлюсь я от тления, да освобожусь от смерти, да буду разрешен от уз греха, да не царствует более надо мною смерть, да не будет более действительным над нами самоуправство порока, да не водит меня пленником, порабощая грехом, но *да приидет* на меня *Царствие Твое,* чтобы отступили от меня, или, лучше сказать, обратились в ничто преобладающие и царствующие ныне страсти. *Яко исчезает дым, да исчезнут, и: яко тает воск от лица огня, тако да погибнут* (Пс. 67, 3). И дым, разлившись в воздухе, не оставляет по себе никакого признака собственного своего естества, и воска, побывавшего в огне, уже не найдешь. Но и воск, напитав собою пламень, претворился в пар и в воздух, и дым пришел в совершенное уничтожение. Так, когда придет на нас Царствие Божие, тогда все, преобладающее нами теперь, обратится в ничто, потому что тьма не терпит присутствия света, не остается болезни по возвращении здоровья, не действуют и страсти при появлении бесстрастия, бездейственна смерть, исчезает тление, когда воцаряется в нас жизнь и начинает обладать нетление.

Да приидет Царствие Твое. Какое сладостное изречение! Им ясно приносим Богу следующее моление: «да рассыплется сопротивная сила, да уничтожится дружина иноплеменников, да прекратится борьба плоти с духом, да не служит тело прибежищем неприятелю души, да явятся на мне царственное владычество, ангельская рука, тысячи исправляющих, тьма помогающих с правой руки, чтобы с противной стороны пала тьма враждующих. Сопротивник силен, но страшен и непреоборим для лишенных Твоей помощи, пока побораемый им один. А как скоро откроется Твое Царствие, *отбеже печаль и воздыхание* (Ис. 35, 10), на место же их входят жизнь и мир, и радование.

Что скажут на это дерзко отверзающие уста свои на Духа Святого? По какому разумению царственное до-

стоинство превращают они в рабское уничижение? Почему естество Духа низводят в подчиненную тварь, естество царственное причисляя к естеству, подвластному царской власти? Тварь рабствует, а рабство — не царская власть. Дух же Святый есть царствие. А если царствие, то, без сомнения, царствует, а не под царскою властию, но что не под царскою властию, то не тварь, потому что твари только свойственно быть в рабстве. Посему, если Дух есть царствие, то почему причисляют Его к естеству рабскому не научившиеся еще молиться, не знающие, кто очищает осквернённое, Кому принадлежит держава царства?

Сказано о Святом Духе: *прииди... и очисти ны.* Посему особая и преимущественная сила и действенность Святого Духа — очищать от греха. Ибо чистое и неосквернённое, конечно, не имеет нужды в очищающем. Но сие же самое свидетельствует Апостол и об Единородном, когда говорит: *очищение сотворив грехов, седе одесную... величествия* (Евр. 1, 3) Отца. Посему одно дело у Того и Другого: у Духа, очищающего грех, и у Христа, соделавшегося очищением. А у кого одно действие, у тех, конечно, и сила одна и та же, потому что всякое действо есть следствие силы. Поэтому, если и действо одно и сила одна, то как можно представлять себе инакость естества у тех, у кого не находим никакой разности ни в силе, ни в действе? Как по свойствам огня, когда два сии действа светить и сжигать равны и подобны, нельзя заключать об изменении предмета, так и никто из целомудренных, наученный Божественным Писанием, что одно действо у Сына и Духа, не дойдет до того, чтобы предполагать какое-либо различие в естестве.

Но ныне мнениями благочестивых предварительно уже доказано, что естество Отца и Сына одно и то же, ибо инородному невозможно называться именем Божиим, как, например, скамья не называется сыном плотника, и никто из здравомыслящих не скажет, что домоздатель построил сына, напротив того, наименованиями Отец и Сын означается единение их по естеству. Когда два существа состоят во взаимном свойстве с третьим, по всей необходимости надлежит не иметь им различия и одному с другим. Посему, если Сын по естеству в единении с Отцом, а тождеством действ доказано, что Дух Святой не чужд естества сыновнего, то вследствие сего оказывается, что естество Святой Троицы едино, между тем как в каждой Ипостаси личное свойство, по преимуществу в ней усматриваемое, не сливается, и отличительные признаки между собою не перемешиваются, так что признак Отчей Ипостаси не переносится на Сына или Духа, или так же признак Сына не применяется к Отцу и к Духу, или личное свойство Духа не обнаруживается в Отце и в Сыне. Но в общности естества усматривается несообщимое различие особенностей. Отцу свойственно беспричинное бытие. Сего нельзя видеть в Сыне и в Духе, потому что Сын от Отца изшел (ср.: Ин. 16, 28), как говорит Писание, и Дух от Бога (ср.: 1 Кор. 2, 12) и *от Отца исходит* (Ин. 15, 26). Но как сие — иметь беспричинное бытие, будучи свойством одного Отца,— не может прилагаемо быть к Сыну и к Духу, так, наоборот, и сие — иметь бытие от причины, что свойственно Сыну и Духу — неестественно быть усматриваемым в Отце. А как общее свойство Сына и Духа не быть не рожденным, то, чтобы не усматривалось в Них какой-либо слитности, можно опять найти несмешиваемое различие в их личных свойствах, так что и общее сохраняется, и особенные свойства не сливаются. Ибо Сын в Писании именуется Единородным от Отца, и сим Писание ограничивает личное свойство Сына. О Святом же Духе говорится, что Он от Отца, и свидетельствуется, что Он есть сыновний, ибо сказано: *аще кто Духа Христова не имать, сей несть Егов* (Рим. 8, 9). Посему, хотя Дух, сущий от Бога, есть и Христов Дух, однако же Сын, сущий от Бога, не есть и не называется Сын Духа, и относительная сия последовательность не имеет места в обратном порядке, так что можно было бы равным образом как Духа называть Христовым, так и Христа именовать Духовым. Посему, так как свойство сие ясно и неслитно отличает одно Лицо от другого, а тождество действия свидетельствует об общности

(Окончание на с. 90)

Богословие святителя Григория Нисского

Отличительной чертой святителя Григория Нисского как духовного писателя является его широчайшая философская эрудиция. По справедливому замечанию В. Несмелова, святителя «одушевляла идея введения философии в богословие» [1, с. 30], то есть стремление разрешить ту или иную философскую проблему с позиций Божественного Откровения и, наоборот, выразить идеи Откровения в философских категориях.

В настоящей статье прослеживаются связи античной философии и богословия святителя Григория в основных пунктах его доктрины.

Антропология. Важнейшей философской предпосылкой антропологии святителя Григория является, по мнению французского исследователя Э. Жильсона, «платонический» взгляд на природу человеческой души: «В религиозной жизни многое зависит от взгляда на душу. Платон рассматривал душу как субстанцию, Аристотель же отрицал ее субстанциональность: душа, по Аристотелю, есть лишь форма (энтелехия) тела. Немезий, епископ Эмесский, становится на сторону Платона против Аристотеля. Епископ Немезий пишет в книге «О природе человека»: «Платон говорит, что человек состоит не из души и тела, а из души, пользующейся телом. Платон направляет нас к познанию божественного происхождения души. Убежденные же, что мы являемся душами, мы будем искать духовных благ» [2, с. 17]. «Этот взгляд Немезия сыграет значительную роль в средние века, выступая под авторитетным именем святителя Григоря Нисского» [3, с. 73].

Действительно, при сопоставлении определения души в платонизме с определениями Немезия, епископа Эмесского, и святителя Григория Нисского выявляется сходство позиций. Платон говорит о душе как «пользующейся телом», «самодвижном начале, движущем тело». Плотин определяет душу как «истинную сущность, существующую саму по себе и вполне совершенную по отношению к телу [«Эннэады», IV, 2, 3]*. В том же духе рассуждает Немезий: «Душа есть сущность самоцельная и бестелесная» [2, с. 55]. И святитель Григорий Нисский считает, что «душа существует сама по себе, как особое естество, отличное от тела» [5, с. 212], что душа есть «умное и невещественное начало, посредством чувств соединенное с вещественной природой» [6, с. 132].

Тело святитель Григорий часто именует одеждой, «хитоном», причем первоначальную телесность, до грехопадения,— «световидной одеждой», а тело после грехопадения, следуя Оригену,— «кожаной одеждой» («мертвенный сей и гнусный хитон, наложенный на нас из кож бессловесных животных» [5, с. 316]. Эта аллегория, с одной стороны, опирается на текст книги Бытия: сделал Господь Бог Адаму и жене его ризы кожаные (Быт. 3, 21), с другой стороны, повод к аллегорическому толкованию этого текста, несомненно, был дан платонической традицией. У Филона и Плотина хитон является символом телесности, Порфирий именует тело «кожаным хитоном», Прокл противопоставляет «кожаные» хитоны «духовным».

Святитель Григорий, вслед за платониками, усматривает в душе разумное, чувствительное и вожделевающее начала. Согласно диалогу «О душе и воскресении», образ Божий в человеке являет разум, а чувствование и вожделение (страсти) «привзошли извне», являются следствием связи души с животным телом. Чуждые истинной природе чело-

* Здесь и далее «Эннэады» Плотина цитируются в переводе проф. Г. В. Малеванского (журнал «Вера и разум», 1898—1890 гг.).

века, страсти в случае подчинения разуму могут способствовать добродетели. Иллюстрируя этот тезис, святитель Григорий почти буквально воспроизводит образ из платоновского диалога «Федр», где душа уподобляется «крылатой парной упряжке и возничему» [4, с. 181]. Святитель Григорий пишет: «Если разум имеет господство над тем, что привзошло в нас извне, то ни одно из движений души не будет содействовать пороку... но гнев произведет мужество, а вожделение доставит чистое, божественное удовольствие. Но если разум кинет бразды и, подобно возничему, привязанному к колеснице, будет влачиться сзади нее, увлекаемый туда, куда понесет неразумный порыв коней, тогда стремления превращаются в страсти, как это можно видеть у животных» [5, с. 242].

Согласно этому рассуждению, апатия (бесстрастие) для святителя Григория — это не упразднение, а благоупотребление страстей вследствие подчинения их разуму. Как пишет Ж. Даниэлу, «это классическая концепция античной философии. Синезий, например, выражал ее следующим образом»: «Разум, растворившийся в демократии страстей, должен взять руководство и наслаждаться властью, подобающей ему по природе». В платонизме, в особенности у Прокла, мы тоже встречаем двойную оценку страстей: они чужды душе, но возможно их благоупотребление» [7, с. 63]. Что же касается различения святителем Григорием «стремлений» и «страстей», то оно, как отмечает Даниэлу, взято из словаря стоиков.

Апатия, по святителю Григорию, есть одновременно и «возвращение» души к себе самой, к своей подлинной природе. Этот образ используется им, в частности, в «Толковании на Песнь песней». В платонизме «возвращение» души к себе [«Эннэады», I, 6, 9; VI, 9, 7] означает осознание того, что свойственное душе по природе обладает гораздо большей ценностью, чем то, что ей чуждо. Эту идею Плотин иллюстрирует сравнениями со статуей, которую нужно отскоблить, и с глазом, который нужно очистить. Эти образы встречаются и у святителя Григория. (Ср. у блаженного Августина: «Когда душе предписывается познать себя, это означает, что она должна отсечь то, что присоединилось к ней. Ведь ее внутренний мир чужд не только чувственного, но и чувственных представлений» [8].)

Но в оценке души у платоников и у святителя Григория существует не только сходство, но и различие. Для Платона истинная природа души — та, которая была до ее связи с телом: «Чтобы узнать, какова душа на самом деле, надо рассматривать ее не в состоянии растления, в котором она пребывает из-за общения с телом и разным иным злом, как наблюдаем мы это теперь, а такой, какой она бывает в своем чистом виде» [9, с. 443]. Для святителя Григория, как христианского мыслителя, истинная природа души — образ Божий, еще не помраченный грехопадением прародителей, однако связанный с некоей первоначальной «райской» телесностью.

По мнению Даниэлу, взгляд святителя Григория отличен не только от платонической традиции, но и от традиционного взгляда западного богословия, «где первоначален «естественный человек» (животная природа), к которому присовокупляется духовное начало; у святителя Григория первоначален «образ Божий», к которому присовокупляется (вследствие грехопадения.— *Прим. ред.*) «естественный человек». Образ Божий — это истинная природа, а животная природа — следствие грехопадения» [7, с. 58].

Мистика. Одна из основных тем мистики святителя Григория — критика «интеллектуализма» в богопознании. «Ощупь умозаключений» [10, с. 320] для богопознания недостаточна: «Пределом движения человеческих помыслов служит время и бытие во времени, а что выше сего — остается непостижимым и неприступным для рассудка» [11, с. 145]. Символом божественной непостижимости служит «мрак», в который вступает Моисей на Синае: «Моисей исповедует, что видит Бога во мраке, то есть познает, что Божество выше всякого ведения и постижения» [12, с. 316]. «Намеревающемуся быть в общении с Богом должно выйти из всего видимого, устремляя разум свой к Незримому и Непостижимому, словно к вершине горы, уверовать, что Бог есть там, куда не восходит понятие» [12, с. 246].

В трактовке «мрака», как отмечает Ж. Даниэлу, святитель Григорий следует аллегорической экзегезе александрийского платоника Филона: «Мрак» для святителя Григория — это транс-

цендентность божественного бытия по отношению ко всякому тварному уму. Вот как эта идея была выражена у Филона в «Потомстве Каина»: «Моисей вошел во мрак, где был Бог, то есть в таинственные мысли о Сущем. Когда душа, близкая к Богу, ищет, чем является Сущий, она входит в область невидимого и бесформенного. В этих поисках душа обретает благо, заключающееся в понимании, что Бог совершенно непостижим. Возможно, на святителя Григория влиял и аллегорический метод экзегезы, которым широко пользовался Ямвлих» [13, с. 21].

Влияние мистики Платона Даниэлу видит преимущественно в характерном для святителя Григория ощущении нереальности материального мира и ностальгии по возврату к истинно-сущему» [13, с. 24]. Святитель Григорий использует, например, платонический образ «бегства» души к Богу. Он пишет: «Путь, ведущий на небо, есть не что иное, как бегство от земных зол, средство же к этому — уподобление Богу» [14, с. 410]. Платон тоже советовал «как можно скорее бежать отсюда, что означает уподобиться Богу» [15, с. 270].

Известное обозначение Плотином духовной жизни как «бегства единого к Единому» [«Эннэады», I, 2, 1] тоже отражено у святителя Григория. В толковании на «Песнь песней» он говорит о «едином оке души, которым она созерцает Единого — истинного Отца, Единородного Сына и Святого Духа... Тот, кто одним оком души смотрит на Единого, поистине прозорлив» [16, с. 222]. Образ единого ока, обращенного к Единому, возникший под влиянием Плотина,— это символ сосредоточения души, отказа от множественности восприятий ради духовного единства, являющегося условием познания Единого Бога.

Сосредоточиваясь, душа, согласно платонической традиции, обретает в себе Бога. Плотин пишет: «Кто, отрешившись от всего внешнего, устранит из сознания все вещи и представления, тот даже не заметит с отчетливостью того, что уже наступило для него лицезрение Бога [«Эннэады», VI, 9, 7]. Даниэлу классифицирует подобные выражения Плотина как «мистику имманентности Бога человеческой душе», находя сходные примеры и у христианских мыслителей. (Блаженный Августин: «Стремясь к внешнему, люди покидают свою сущность, в глубине которой находится Бог» [17].) В противоположность мистике имманентности, отмечает Даниэлу, «внутренний человек у святителя Григория открывает в себе Бога не как нечто, чем он обладает в глубинах своей души, но как реальность, которая ему сообщается, «отражается» в нем, то есть как благодать» [7, с. 45]. Даниэлу приводит в связи с этим следующий фрагмент из творений святителя Григория: «Только душа — отображение Сущего, подобие нетленной Красоты, отблеск истинного Света. Устремляя на Него взор, ты сама становишься тем же, чем Он, ибо Его сияние сверкает в тебе, отражаемое твоей чистотой» [7, с. 46].

Оценка Даниэлу идеи богообщения святителя Григория как благодатного дара не вызывает сомнений. Оценка же мистики Плотина как имманентной разделяется не всеми исследователями. По учению Плотина, «Бог — везде и нигде» [«Эннэады», V, 8, 16], то есть Он имманентно-трансцендентен тварному миру, присутствуя в нем не сущностью, но энергиями. Поэтому видение божественного света, ощущение богоприсутствия есть, по Плотину, не что иное, как восприятие божественных энергий. Вряд ли можно оценивать как выражение идеи имманентности Бога человеческой душе и следующее образное высказывание Плотина: «Бог ни для кого не является внешним. Он связан даже с теми, которые Его не знают, ибо они сами уходят от Него или, вернее, от самих себя» [«Эннэады», VI, 9, 9].

Характерно для мистики святителя Григория и платоническое описание Бога как «Прекрасного по природе». «Единое по природе Прекрасное,— пишет святитель Григорий,— есть Причина всякой красоты и блага. Оно прекрасно от Себя, через Себя и имеет в Себе Красоту всегда Себе равную, неизменяемую» [18, с. 340]. В тварном же мире все лишь «причастно» идее красоты, является ступенями к созерцанию «Прекрасного самого по себе» [18, с. 336]. (Ср. у Платона: «Все прекрасное прекрасно через Прекрасное само по себе» [19, с. 71].) Духовное восхождение от видимой красоты к красоте духовной святитель Григорий описывает следующим образом: «Душу,

исполненную каким-то пламенеющим любовью стремлением к Прекрасному по природе, от видимой красоты надежда всегда влечет к красоте высшей, доступным возжигая в ней вожделение сокровенного. Поэтому сильный любитель красоты, видимое принимая за образ вожделеваемого, желает насытиться видением Первообраза» [12, с. 344]. (Ср. у Плотина: «Истинный философ не останавливается на телесной красоте, но восходит от нее к красоте душевных добродетелей, а потом к Причине духовных красот, пока не дойдет до Первоначалия — Красоты самой в себе» [V, 9, 2].). Одно из описаний Божества в трактате святителя Григория «О жизни Моисея» является парафразой описания у Платона «Прекрасного самого по себе» в диалоге «Пир»:

«всегда одно и то же, не увеличиваемое и не уменьшаемое, ни в чем не имеющее нужды, Единое, всем вожделенное, Единое, которому все причастно, Единое, причастием причащающихся не уменьшаемое».
(«О жизни Моисея», т. 1, с. 266—267)

«вечное, то есть не знающее ни рождения, ни гибели, ни возрастания, ни уменьшения, всегда в самом себе единообразное, к которому все разновидности прекрасного причастны таким образом, что они возникают и гибнут, а его не становится ни больше, ни меньше». («Пир», т. 2, с. 142)

Любопытно, что парафразу этого фрагмента из «Пира» мы встречаем также в трактате священномученика Дионисия Ареопагита «О божественных именах» (гл. 4, § 7).

К созерцанию, по святителю Григорию, ведет сосредоточенная молитва, посредством которой ум «отрешается от всего», «становится вдали от изменяемого и превратного» [14, с. 404]. Затем, «силою Святого Духа вознесшись умом», «будучи как бы вне себя», созерцатель видит «одну невыразимую и непостижимую Красоту в блаженном исступлении» [18, с. 333]. Святитель Григорий называет виденное «умным светом», всячески подчеркивая его невыразимость: «Кто узрел [Красоту умного света] по некоему божественному дару и вдохновению, тот хранит неизъяснимое изумление в тайне сознания. Как выразить невыразимое? Собственных слов для выражения Красоты его мы не знаем, примера нет никакого, сравнением изъяснить его невозможно. Ибо какое отношение имеет капля к океану, такое же отношение и все, считаемое у людей прекрасным, имеет к той Красоте, которая усматривается в высочайшем Благе, превысшем всякого блага» [18, с. 322].

В целом, мистику святителя Григория роднит с Плотином, как отмечает Mariette Canévet, «общая концепция духовной жизни, вершиной которой является духовный экстаз, основанием — очищение и объединение души, принципом — порыв любви, возвышающий душу к Первообразной Красоте» [20, с. 980]. Как и у платоников, мистика святителя Григория опирается на онтологию в том плане, что истинно сущим признается лишь божественный, интеллигибельный мир (мир духовных сущностей). «Из всего, объемлемого чувствами и разумом,— пишет святитель Григорий,— ничто не есть сущее в подлинном смысле, кроме превысшей всего Сущности, которая всему причина и от которой все зависит» [12, с. 226]. Следовательно, стремление души к Богу есть, одновременно, и стремление к подлинному бытию. По мнению Марешаля, «мистика святителя Григория связана прежде всего с платонической идеей «причастия» Божеству, духовная жизнь изображается им как все возрастающее причастие божественному блаженству: «Блаженное, в собственном смысле, это потустороннее бытие. Блаженство же в человеке — это причастие истинно сущему» [7, с. 57].

Божественные имена. Еще один пример обращения святителя Григория к античной философии — полемика с Евномием в вопросе о сущности имен. Евномий считал, что «имена предметам даны были свыше» [10, с. 478], при этом приводил в пример буквально понимаемый им текст Книги Бытия: *назвал Бог свет днем, а тьму — ночью* (Быт. 1, 5). Имена вещей имеют, по Евномию, объективное значение: «достоинство имен зависит от именуемых предметов, а не от произвола именующих. Сам Творец насадил имена предметов в наших душах» [10, с. 479]. Святитель Григорий указывает, что это

учение заимствовано Евномием из диалога Платона «Кратил». Кратил действительно говорит о том, что «какая-то сила, высшая, чем человеческая, установила вещам первые имена, так что они непременно должны быть правильными» [21, с. 487]. Другой герой диалога «Кратил», Гермоген, считает, что все имена субъективно-условны. Сократ (а значит, и Платон) занимает среднюю позицию: имя не может адекватно выразить вещь, имя есть «подражание», интерпретация идеальной сущности вещи, обозначение ее отдельных проявлений, сторон. Поэтому «разумному человеку не свойственно, обратившись к именам, ублажать свою душу и утверждать, будто он что-то знает» [21, с. 490].

Учение об именах у Евномия должно служить доказательству его триадологии. По Евномию, единственным адекватным обозначением сущности Бога Отца служит имя «Нерожденный». Следовательно, если Сын рожден, то сущность Его иная, менее совершенная, чем у Отца.

Возражая Евномию, святитель Григорий развивает два положения: во-первых, все божественные имена неадекватны, условны, и, во-вторых, Бог познается и именуется не в Своем существе, но в энергиях (действиях).

1. По учению святителя Григория, человеку дана от Бога лишь способность мышления, а «изобретать предметам наименования принадлежит произволу людей» [10, с. 491]. Все имена условны, являются измышлениями человеческого разума, на что указывает хотя бы обилие синонимов, обозначающих один и тот же предмет. Человек не в силах найти соответствующих имен для обозначения божественных свойств. Все божественные имена — суть аналогии, взятые из тварного, пространственно-временного мира и постольку бессильны выразить совершенства его Творца. Именно поэтому «нерожденность» Отца нельзя противопоставлять «рожденности» Сына, так как рождение Сына вовсе не означает, что Его «некогда не было» [10, с. 101]. Божественное рождение безначально, ибо происходит вне времени. «Беспредельность Божия невыразима никакими именами» [10, с. 102], Евномий же предполагал одним именем «объять» сущность Отца. Но даже если согласиться с Евномием, то ведь «нерожденность» указывает лишь на то свойство, которого нет в природе Отца. Каким же образом мы «примем за сущность то, что указывает на неприсущее» [10, с. 103]?

Как Плотин и священномученик Дионисий Ареопагит, святитель Григорий делит божественные имена на положительные и отрицательные. **Положительные** имена указывают на связь Творца с творением: «Размышляя, что ничто из существующего не составилось самопроизвольно и случайно, но все зависит от Естества, превысшего всех существ, называем Создателем Творца смертных, Сильным — имеющего власть над таким творением, имея в виду благо нашей жизни, управляющему течением ее даем имя Благого и т. д. [10, с. 493]». **Отрицательные** имена выражают превосходство Творца над творением: «Мы называем Естество, превысшее веков, Предвечным; не имеющее начала — Безначальным; нескончаемое — Бесконечным; существующее без тела — Бесплотным; не подлежащее тлению — Нетленным; недоступное страданию или изменению — Бесстрастным, Неизменяемым» [10, с. 491]. (Ср. у святителя Василия Великого: «Нет ни одного имени, которое, объяв все естество Божие, способно было бы Его выразить. Из Божественных имен одни показывают, что́ в Боге есть, другие, напротив, чего в Нем нет. Этими двумя способами образуется в нас некое впечатление о Боге» [22, с. 470].)

Отрицательные имена, пишет святитель Григорий, показывают, «что такое Божество не есть, а что такое по природе то, что не есть,— это остается неведомым» [10, с. 492]. Положительные имена как будто указывают на то, что такое Бог есть, однако указывают лишь по аналогии, символически. [Ср. у Плотина: «Говоря о Первоедином, мы больше отрицаем то, что Оно не есть, чем выражаем то, что Оно есть» [«Эннэады», V, 3, 14].) Итак, имена Божии выражают лишь то, что Бог — «нечто иное» [23, с. 332] по сравнению с тварным миром. Слова бессильны выразить полноту божественной жизни: «Кто посредством наименований обещает дать понимание и разъяснение беспредельного Естества, не подобен ли тому, кто своей дланью думает объять все море? Ибо что значит горсть по отношению к морю, то же

значит вся выразительность слов по отношению к неизреченному и необъятному Естеству» [10, с. 92]. Святитель Григорий уподобляет Бога и воздушной стихии, а именующих Его — людям, вдыхающим воздух. Сколько бы человек ни вдохнул, он не сможет вместить всей стихии. «Так и богословские понятия Священного Писания, у богоносных мужей изложенные нам Святым Духом, для нашей меры разумения велики, но не достигают величины истинной» [24, с. 453].

2. Далее святитель Григорий призывает различать в отношении Бога понятия сущности и действий, утверждая, что Бог познается и именуется лишь в Своих действиях (энергиях), но не в Своем существе. Эта концепция напоминает Плотина: «Сущность Первоединого одна, энергии же множественны» [V, 3, 12]. Энергии — это та «сторона», которой Бог обращен к миру, существо же Его (существование, бытие) миру трансцендентно, стало быть непостижимо и невыразимо: «Если речь о Боге, то когда вопрос о сущности — время молчать, а когда о каком-либо благом действии, знание о котором доходит и до нас, тогда время «возглаголать силы» [23, с. 334]. (Ср. у Плотина: «Единый в своем существе непостижим, познается же в том, что от Него происходит» [VI, 9, 5].)

Из «Песни песней» святитель Григорий заимствует (вслед за Оригеном) изумительный образ для выражения этой идеи. Комментируя стих: *Миро излиянное — имя твое* (Песн. 1, 3), он пишет: «Вся выразительность имен не касается естества в Сущем. Какое ни примыслим имя, обозначим не само «миро», но только некий малый остаток испарений божественного благоухания. Самое миро Божества, каково оно в сущности, выше всякого имени и понятия; усматриваемые же во Вселенной чудеса дают содержание богословским именованиям, которыми Божество именуем Премудрым, Всемогущим, Благим, Святым, Блаженным, Вечным» [16, с. 32]. Подтверждение этому святитель Григорий находит и у апостола Павла: хотя и говорит Павел об усматриваемых в превысшей Сущности свойствах — мире, силе, жизни, истине,— но Ее Саму считает совершенно непостижимой, утверждая, что Бога никто никогда *не видел и видеть не может* (1 Тим. 6, 16) [25, с. 238]. Но почему же в «заповедях блаженства» сказано, что чистые сердцем узрят Бога? Это, объясняет святитель Григорий, тоже нужно понимать в том смысле, что «невидимый по естеству видим в действиях» [24, с. 442]. (Ср. у святителя Василия Великого: «Действия Божии многоразличны, а сущность проста. Мы познаем Бога из Его действий, но не знаем Его сущности. Ибо хотя действия Его нисходят к нам, сущность остается неприступной» [26, с. 283].)

В данном споре святитель Григорий не затрагивает тему троических (ипостасных) имен, которые «указывают не на многообразное домостроительство, а на высокую и неизреченную славу» [11, с. 427]. Однако и они выражают лишь соотношения Ипостасей, но не высказываются о божественной сущности, которая выше всякого представления об отличительных свойствах. «Божество» — это также имя не сущности, а деятельности: «Деятельность назирающую и наблюдающую, или, так сказать, зрительную положили мы от зрения называть Божеством» [27, с. 118]. Отсюда «видимое зримо и зрящее называем Богом» [27, с. 119]. (Ср. у священномученика Дионисия: «Божество — это всесозерцающее промышление» [28, с. 78].) Кстати, и «нерожденность», о которой шел спор, означает не божественную сущность, но лишь один из ее признаков: «сущность Божия есть нерожденна, а не нерожденность» [10, с. 227].

Итак, сущность Божия совершенно невыразима. «Одно выражает божественную сущность — именно само удивление, возникающее в душе при мысли о ней». Однако непознаваемость и невыразимость Божества не должны повергать в уныние: «Бессилие выразить невыразимое, обличая естественную нашу скудость, тем более доказывает славу Божию, служит свидетельством неизреченного величия» [10, с. 103].

Триадология. К триадологии святителя Григория, пожалуй, особенно применимо суждение немецкого исследователя античной философии В. Иегера, согласно которому «святитель Григорий, используя античные формы, создает христианскую доктрину, хотя и окрашенную в классические тона, но с иным содержанием» [29, с. 265]. Полемика святителя Григория с Евномием в области триадологии — конфликт христианского богословия с неоплатонизмом.

Евномий в своей триадологии следовал за Плотином: ипостаси неравночестны, их божественное достоинство идет по нисходящей по мере умаления простоты. Напомним, что, по Плотину, первый принцип бытия — Единое (или Благо) есть основа, или потенция, всех вещей; второй принцип бытия — Ум, истекая из Единого, как свет от солнца, содержит в себе весь мир божественных идей, или сущностей, является Причиной определенности всех форм бытия; Ум, в свою очередь, рождает третий принцип — Душу, которая воплощает все формы жизни. Благо по причине абсолютной простоты своего бытия совершеннее Ума, а Ум совершеннее Души, поскольку Она дает жизнь всему многоразличию тварного мира.

Евномий пишет: «сущность Отца представлял совершенно простой, сущность же Сына — не абсолютно простой, но имеющей в себе нечто сложное, а природу Святого Духа — имеющей еще большую сложность, так как степень простоты постепенно уменьшается» [11, с. 100]. Говоря о происхождении ипостасей, Евномий, также в согласии с Плотином, «называет сущность вторую делом первой, а третью — второй» [11, с. 89]. Евномий даже не считает возможным поставить третью сущность «в одном ряду с первыми двумя»: «Все наше учение,— пишет он,— ограничивается в собственном смысле так называемой сущностью; еще той, которая от нее существует и после нее первенствует над всеми иными; наконец, третьей, которая не состоит в одном ряду ни с одной из поименованных, но подчинена одной как причине, а другой — как действованию, которым пришла в бытие» [11, с. 69].

Возражая Евномию, святитель Григорий критикует учение о степенях совершенства во Святой Троице, настаивая на абсолютной простоте и непостижимости божественной жизни: «Простота Святой Троицы не допускает большего или меньшего» [11, 97]. «Неколичественное не меряется, невидимое не оценивается, бесплотное не взвешивается, беспредельное не сравнивается, несравнимое не допускает понятия о большем или меньшем, ибо большее познаем из взаимного сравнения вещей между собой, а в том, что бесконечно, немыслимо и большее» [30, с. 369].

Итак, невозможно премирную и непостижимую сущность различать посредством понятий «выше» и «ниже». По мнению святителя Григория, евномианство — лишь прикрытие «иудейского догмата» (отрицание Божественности Христа.— *Ред.*) [11, с. 77].

Божественная «икономия»: творение, искупление, апокатастасис. Творение мира святитель Григорий разъясняет в платоническом смысле, а именно как «осуществление умопредставленного» Богом [31, с. 10]. Впрочем, он предпочитает говорить об идеях как о «началах» или «силах» миробытия: «Бестелесным естеством произведены умопредставляемые начала бытию тел, потому что умопредставляемое естество производит умопредставляемые силы, а взаимное соединение сил приводит к бытию естество вещественное» [6, с. 175]. Первозданный человек наслаждался древом жизни, то есть божественной Красотой и Премудростью. «Жизнь человека была единообразной, то есть содержанием ее было только добро, без смешения со злом» [7, с. 39]. Следует отметить, что этот характерный для святителя Григория термин «единообразный» неоднократно встречается у Платона» [19, с. 78] и Плотина [«Эннэады», VI, 9, 3]. Человеку как «образу царственного естества» была дана свобода воли, включавшая в себя не только возможность блаженной любви к Творцу, но и возможность отпадения от Бога, познания зла. «Зло получило у нас начало оттого, что мы не захотели оставаться в неведении зла. Посему-то и было повелено прародителям не приобретать познания ни о добре, ни о том, что противоположно ему, но, удаляясь от познания как добра, так и зла, наслаждаться чистым, несмешанным и непричастным злу благом» [18, с. 348].

Зло у Плотина определялось как «не сущее» (то есть не имеющее сущности, ибо всякая сущность создана Богом), а также как «умаление (недостаток) добра» [III, 2, 5]. Святитель Григорий также понимает зло как недостаток добра: «Порок есть отсутствие лучшего» [32, с. 118]. Так, например, слепота есть отсутствие зрения, но нельзя сказать, что слепота есть нечто самостоятельно существующее. Так и «происхождение зла производится изъятием прекрасного» [6, с. 118]. Нет никакого самобытного зла вне свободного произволения тварей: «Зла, не зависящего

от воли, имеющего свое самостоятельное бытие, во всей природе существ нет никакого — *вся добра зело* (Быт. 1, 31) [18, с. 343]. Во фрагменте «De congnitione Dei» находим еще один аргумент святителя Григория против идеи субстанциальности зла: «Если бы зло было принципом жизни, то отрицание его было бы отрицанием самой жизни, было бы погибелью бытия» [1, с. 409].

«Несуществующее естество зла» [23, с. 326] осуществляется через грехопадение: ум, подобно искривившемуся зеркалу, перестает отражать красоту Первообраза и попадает под власть вожделения и гнева, над которыми призван был властвовать. Душа отвращается от созерцания божественной красоты, «прилепляется» к вещественному. Происходит «расторжение единения с Прекрасным» [6, с. 118]. В удалении от Бога — источника жизни — «оскудевает благословение» и человеческая природа подвергается страданиям и тлению.

Но вот происходит Боговоплощение. Особенно подробно о тайне единения во Христе божеского и человеческого естества, тайне обожения святитель Григорий говорит, полемизируя с Евномием по поводу фразы апостола Петра: *Бог соделал Господом и Христом, Сего Иисуса, которого вы распяли* (Деян. 2, 36). Евномий относил сказанное к Логосу, видя в этом подтверждение неравночестности Отца и Сына. Святитель Григорий относит сказанное к человеческой природе во Христе, которая обожилась через соединение с природой божественной: «Во Христе воспринятое из дольнего естества претворилось в божественное и нетленное» [10, с. 17], «тленное естество, через срастворение с божественным, претворилось в преобладающее, сделалось причастным силе Божества» [10, с. 32], «человеческое естество соделалось Господом и Христом» [10, с. 31].

Христологические идеи святитель Григорий выражает и при помощи образов. Выразителен, например, образ лабиринта, из которого Христос «выводит» человеческую природу. «Лабиринтом же,— поясняет святитель Григорий,— называю иносказательно неисходное тление смерти, в котором заключен жалкий род человеческий» [32, с. 90]. Святитель выразительно «христианизирует» и платоновский символ пещеры из 7-й книги «Государства». Он пишет: «Церковь воспринимает свет истины через оконный проем, открытый пророками в стене Закона. Но с приходом Евангелия истина разрушает стену разделения. С этой поры становится ненужным проникновение света через окна, ибо само Солнце истины освещает все находящееся внутри лучами Евангелия» [16, с. 201]. По словам Ж. Даниэлу, «платоновский миф о пещере становится у святителя Григория символом входа Света-Логоса в темную пещеру человеческой жизни и исхода из нее христиан в результате воскресения Господа» [20, с. 979]. Вочеловечение Господа святитель сравнивает также с вознесением пророка Илии: «Как огонь, по природе стремящийся вверх, силою Божией приближается к земле, и Илия, охваченный небесным огнем, вновь устремившимся вверх, и сам возносится с ним, так невещественная и безвидная сущность, восприяв зрак рабий — естество, родившееся от Девы,— возвела его на собственную высоту, преобразовав в божественное и совершенное естество» [33, с. 112].

Обожив человеческое естество, Христос тем самым «вложил в него силу воскресения из мертвых» [11, с. 304]. Здесь в христологию «врывается» эсхатология. Употребляя известный термин Оригена, святитель Григорий пишет: «Воскресение есть восстановление («апокатастасис») нашего естества в первоначальное состояние (до грехопадения)» [5, с. 314]. В отличие от Оригена, это не означает бесплотного состояния душ. Тела восстанут в нетлении, ибо человек изначально был сотворен как существо психофизическое. Размышляя о судьбах грешников в диалоге «О душе и воскресении», святитель Григорий высказывает мнение, что вечность адских мучений не может означать их бесконечности, ибо тогда они лишались бы смысла, который состоит в очищении души от пороков «огненным врачеванием». Таким образом, святитель Григорий понимает ад как некое чистилище, в котором «мере порочности будет соответствовать продолжительность врачевания... От этого будет зависеть, раньше или позднее приобщится человек уповаемого блаженства» [5, с. 318].

Русский исследователь богословского учения святителя Григория Нисского М. Ф. Оксиюк различает три пред-

посылки апокатастасиса у святителя: метафизическую, психологическую и телеологическую. Метафизическая предпосылка состоит в учении о зле как не сущем: если зла нет вне произволения, а произволение будет в Боге, то зло будет уничтожено. Психологической предпосылкой является «восстановление равновесия душевных сил в связи с прекращением господства материи над духом» [34, с. 519]. Телеологической предпосылкой является предназначение человека, являющегося образом Божиим: человек прекрасен и предназначен быть еще более прекрасным.

Не только человек, но и падшие духи должны измениться, поскольку они злы по направленности злой воли, а не субстанционально, ибо их субстанция (ангельская природа) сотворена Богом. Ведь если зло будет существовать вечно, то это будет противоречить словам Писания: *будет Бог все во всем* (1 Кор. 15, 28). Итак, в будущей жизни «зло будет изъято из естества, ибо совершится восстановление пребывающих ныне во зле в первоначальное состояние» [32, с. 70]. Это будет «нетление, жизнь, честь, благодать, слава, сила» [5, с. 326] — то состояние близости к Богу, которое было утрачено в результате грехопадения.

* * *

В начале статьи говорилось о том, что для святителя Григория было характерным отношение к душе, как к бестелесной субстанции, обладающей своей собственной полнотой. Но догмат о телесном воскресении сдерживал эту платоническую тенденцию как у святителя Григория, так и у других христианских мыслителей. Залог возможности телесного воскресения святитель Григорий усматривал в том, что душа, являясь формообразующим принципом тела, способна восстановить тело и после его разложения. В данном случае взгляд святителя Григория близок уже к взгляду Аристотеля, считавшего душу формой тела.

«Учение о субстанциональности души,— пишет Жильсон,— облегчало доказательство ее бессмертия, которое было затруднительным для определявших душу как форму тела, ибо они вынуждены были объяснять, почему в таком случае душа не погибает вместе с телом. А взгляд на душу как форму тела помогал понять, почему Бог воскресит тело, без которого душа не может иметь целостного бытия» [3, с. 75]. Так в учении о телесном воскресении у святителя Григория преодолевается платонический дуализм материи и духа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Несмелов В. Догматическая система святителя Григория Нисского. Казань, 1887.
2. Епископ Емесский Немезий. О природе человека. Почаев, 1905.
3. Gilson E. La philosophie an Moyen Âge, vol. 1. P., 1976.
4. Платон. Соч. В 3-х т. М.: Федр, 246, т. 2.
5. Святитель Григорий Нисский. О душе и воскресении.— Творения. Т. 4.
6. Святитель Григорий Нисский. Об устроении человека.— Творения. Т. 1.
7. Danielou J. Platonisme et théologie mystique. P., 1944.
8. Блаженный Августин. О Троице. PL, т. X, с. 8,2.
9. Платон. Государство, 611 с, т. 3.
10. Святитель Григорий Нисский. Опровержение Евномия.— Творения. Т. 6.
11. Святитель Григорий Нисский. Творения. Т. 5.
12. Святитель Григорий Нисский. О жизни Моисея.— Творения. Т. 1.
13. Danielou J. Grégoire de Nysse. La vie de Moïse. P., 1968.
14. Святитель Григорий Нисский. О молитве.— Творения. Т. 1.
15. Платон. Теэтет, 176 b, т. 2.
16. Святитель Григорий Нисский. Толкование на «Песнь Песней».— Творения. Т. 3.
17. De Trinitate, 8, 7, 11.
18. Святитель Григорий Нисский. О девстве.— Творения. Т. 5.
19. Платон. Федон, 79 с, т. 2.
20. Canévet M. Grégoire de Nysse. Dictionnaire de spiritualité, vol. 6. P., 1967.
21. Платон. Кратил.— Соч. В 3-х т., т. 1.
22. Святитель Василий Великий. Опровержение на защитительную речь злочестивого Евномия.— Творения. В 3-х ч. СПб., 1911, ч. 1.
23. Святитель Григорий Нисский. Точное истолкование Экклезиаста.— Творения. Т. 2.
24. Святитель Григорий Нисский. О блаженствах.— Творения. Т. 2.
25. Святитель Григорий Нисский. О совершенстве.— Творения. Т. 7.
26. Святитель Василий Великий. Письмо к Амфилохию, № 226 (234), т. 3. СПб., 1911.
27. Святитель Григорий Нисский. К Авлавию.— Творения. Т. 4.
28. Священномученик Дионисий Ареопагит. О божественных именах, гл. 12, № 2. Буэнос-Айрес, 1955.
29. Parmentier M. St. Gregoire of Nyssas doctrine of the Holy Spirit. Oxford, 1960.
30. Святитель Григорий Нисский. На свое рукоположение.— Творения. Т. 4.
31. Святитель Григорий Нисский. О шестодневе.— Творения. Т. 1.
32. Святитель Григорий Нисский. Большое огласительное слово.— Творения. Т. 3.
33. Святитель Григорий Нисский. Опровержение мнений Аполлинария.— Творения. Т. 7.
34. Оксиюк М. Ф. Эсхатология святителя Григория Нисского. Киев, 1914.

Священник Георгий ЗЯБЛИЦЕВ

Миниатюры Коккиновафского кодекса

К иконографии Богоматери

В Ватиканской библиотеке в Риме в ряду драгоценных греческих рукописей, украшенных миниатюрами, находится греческий кодекс, содержащий беседы о Богоматери: о Ее зачатии, Рождестве, Введении во храм, обручении Иосифу, Благовещении и посещении Елизаветы. Написаны эти беседы неизвестным монахом Коккиновафского монастыря Иаковом в XI—XII веках — в эпоху собирания житий святых, монастырских и богослужебных уставов. Блестящий оратор, человек весьма начитанный, Иаков собрал рассеянные в разных памятниках древней письменности предания о жизни Богоматери и изложил их в форме ораторских слов. Неизвестный художник иллюстрировал текст этих слов превосходными миниатюрами. Миниатюры эти с художественной стороны заслуживают внимания: нежные семейные сцены, костюмы, архитектура в обстановочных изображениях, убранство жилищ, живая выразительность фигур, свежесть и разнообразие колорита, тонкие изящные линии контуров обнаруживают в миниатюристе хорошего художника. Но особенную ценность и интерес представляет содержание миниатюрных изображений. На 28 листах размещен полный цикл миниатюр, относящихся к жизни Богоматери до Рождества Христова.

Второй прекрасный экземпляр того же кодекса Иакова с такими же миниатюрами того же времени находится в Национальной библиотеке в Париже. Отличия их несущественны: формат Парижского кодекса несколько меньше Ватиканского; в Парижском кодексе опущены некоторые подробности, но в главном оба кодекса сходны.

Выдающееся значение обоих кодексов для истории земной жизни Богоматери с точки зрения их содержания и иконографии уже давно было оценено учеными-исследователями, особенно историками искусства. Аженкур первый дал снимки с миниатюр, но неудовлетворительные. Бордье в описании греческих рукописей Парижской национальной библиотеки дает краткое рассмотрение миниатюр и заглавных букв с животным орнаментом. Некоторые миниатюры рассматриваются в исследовании о Богоматери Рого де Флери и итальянского профессора Вентури[1].

Из русских ученых более всех работал над историко-литературными памятниками и иконографией Богоматери профессор А. И. Кирпичников. Около 20 лет он собирал и изучал рукописные и иконографические материалы, предполагал полностью издать Ватиканский кодекс бесед Иакова, но преждевременная кончина прервала эти работы. Он успел напечатать лишь некоторые фрагменты их[2].

В недавнее время наш известный специалист по истории византийского искусства Ф. И. Шмидт в своем обширном и обстоятельном исследовании о мозаиках Кахрие-Джами[3] представил характеристику этих кодексов и детально сравнил некоторые миниатюры их с указанными мозаиками. Наконец, в 1910 году Ватиканский кодекс[4] бесед Иакова был издан в Ватиканской серии по фотографиям Данези с кратким предисловием Козимо Сторнайоло. В этом издании представлено 82 миниатюры. Мы остановимся лишь на важнейших из них, оставляя в стороне второстепенные с изображением подробностей, которые не имеют особенной иконографической важности. При описании миниатюр мы будем руководствоваться нашими записями, сделанными на месте осмотра кодекса в октябре 1888 года. В октябре 1912 года наши впечатления были освежены новым его осмотром.

Ряд исторических миниатюр на тему о зачатии Богоматери открывается вводною миниатюрою (рис. 1). Представлен пятикупольный византийский храм в формах условно-декоративных: он служит рамкою для иконографических изображений. Трудно сказать, какой реальный памятник послужил мотивом для этого пятиглавого храма. Иные хотят видеть здесь Софию Константинопольскую, иные — храм Коккиновафского монастыря; возможно, наконец, что художник имел в виду храм Вознесения на горе Елеонской[5]. Во всяком случае, художник дает здесь лишь некоторые архитектурные мотивы, но свободно обращается с архитектурными формами. Правильные линии, прекрасные византийские декоративные колон-

ки, с узлом в середине, голубые стенки с белыми крапинками, средние две колонки розовые, крайние, зеленовато-мраморные, указывают на внутреннее деление храма на три нефа; голубые купола, трибуны желтые и коричневые. Сцена Вознесения Иисуса Христа на небо хорошо скомпонована и представляет собою высшую ступень в развитии византийской иконографической композиции Вознесения. Иисус Христос в глории, поддерживаемой четырьмя ангелами: нижние ангелы, летящие, напоминают соответствующие фигуры итальянских примитивов. Внизу — две группы Апостолов, среди которых на первом плане Петр и Павел, два ангела, указывающие Апостолам на возносящегося Христа, и Богоматерь. Одежды блещут разнообразием красок — синей, голубой, розовой, красной, пурпурной, коричневой и зеленой, но лица отработаны не особенно хорошо: зрачки глаз всюду в виде двух точек, сделанных белилами. В боковых нефах храма — два пророка: Исаия и царь Давид со свитками пророчеств, относящихся к Вознесению (Ис. 46,1; Пс. 56,6). Исаия — в пророческих одеждах, а Давид — в одеждах византийского императора. Вверху 12 апостолов, по-видимому, в Сионской горнице.

Вводная миниатюра, открывающая ряд исторических миниатюр на тему о Богоматери (рис. 1)

Идеальная иконографическая композиция — слава Богоматери (к слову о зачатии Богоматери. Богоматерь на троне с воздетыми руками (Оранта); трон византийский. Мафорий[6] Богоматери голубой, нижняя одежда багряная. Возле Богоматери сонм ангелов дориносящих. По сторонам ее — две группы святых: с одной стороны — святители и во главе их знаменитые Отцы Церкви — Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст в белых фелонях, украшенных черными крестами, в омофорах, с книгами (Евангелия) в руках; позади них видны святители Николай и Кирилл Александрийский с повязкою наподобие шапочки на голове; повязка эта особенно ясно выступает в соответственной миниатюре Парижского кодекса. У одного из святителей ясно видна тонзура[7]. По другую сторону Богоматери — сонм преподобных и пустынножителей в преподобнических одеждах темных цветов, особенно темно-коричневого и темно-зеленого (совсем черного цвета нет), в схимах. Иные с благословляющими десницами, один — с простертою дланью (исповедник); у них куколь на голове. Внизу три группы: с левой стороны (от зрителя) — цари в императорских далматиках[8], украшенных таблионами[9], в византийских диадемах с привесками; один — с крестом в руке (вероятно, Константин Великий), другой — с простертою дланью (исповедник?). В средине мученики в разноцветных придворных одеждах с таблионами, с шестиконечными крестами в руках; здесь же на заднем плане — преподобные, и среди них виден Иоанн Дамаскин с повязкой на голове. С правой стороны — сонм святых цариц, мучениц и преподобных: царица с шестиконечным крестом в руке, вероятно, святая Елена, преподобная — с крестом с простертою дланью — мученица; на главах цариц диадемы, украшенные перлами; одежды блестящие, императорские.

Возле жертвенника с киворием, украшенным крестом[10], стоит старец первосвященник с длинными волосами и седою бородою. К нему подходят праведные Иоаким и Анна, склонив головы, с небольшими ковчегами в руках. Это — жертва Иоакима и Анны. Первосвящен-

Целование Иоакима и Анны (рис. 2)

ник не принимает жертвы. Позади Анны стоят другие лица с ящичками — пришедшие в храм для принесения жертвы; продолжение составляет группа людей внизу слева; а с правой стороны — группа праведников и пророков, воздевающих руку от радости близкого исполнения пророчеств о Мессии[11].

Молитва праведного Иоакима. После отказа первосвященника принять жертву от бездетных Иоакима и Анны Иоаким отправляется в горы к своим стадам. Горный ландшафт, блестящий красками и золотом; Иоаким восходит на гору. Вот он на вершине горы стоит на коленях и молится Богу, пред ним небо в виде сегмента круга. Иоаким входит в горы и беседует с ангелом, который объявляет ему радостную весть о будущей дочери. Иоаким уходит в горы. Ландшафт оживлен растительностью и двумя реками, в которых четверо плавают; двое раздеваются. Эти сцены скомпонованы так же, как обстановочные изображения в композиции Крещения Иисуса Христа[12]. Светло-голубая полоса — это река Иордан. Иордан слагается из двух источников: вверху на скале сидит молодой человек, на плече его сосуд, из которого вытекает поток, названный в находящейся здесь надписи «ИОР»; несколько ниже другой человек средних лет с таким же сосудом и потоком «ДАН». Таким образом, мы имеем здесь два олицетворения источников, носящих разные названия, а из соединения источников и их наименований слагается она река Иордан. В этих подробностях композиции мы находим ясное выражение древнего предания, сообщаемого Иосифом Флавием, блаженным Иеронимом и другими, будто река Иордан составилась из двух источников[13].

В нижней части миниатюры — сад с вычурными цветами и растениями. Анна стоит с заплаканными глазами. Служанка указывает ей на гнездо, где птичка приносит корм двум птенцам, направо фонтан. Анна молится, простирая вверх свои руки, и выслушивает радостную весть от ангела, который говорит ей, что у нее будет дитя и в подтверждение своих слов велит ей идти к золотым воротам Иерусалима, где она встретит своего мужа Иоакима. В верхней части картины видна городская стена и ворота, возле которых происходит встреча Иоакима и Анны. Направо взят предшествующий момент: дом Иоакима, служанки сообщают Анне, что Иоаким возвращается домой, и она от радости буквально бежит ему навстречу, где и происходит целование (рис. 2). Этот момент зачатия едва ли не в первый раз встречается в рассматриваемом кодексе. Приблизительно в то же время (XI в.) встречаем его во фресках Киево-Софийского собора, потом во фресках Спасо-Мирожского монастыря в Пскове (XII в.), и с тех пор он повторяется в тех же самых простых формах на древнерусских иконах. На западе видим его у Джотто во фресках Arena в Падуе, позднее во фресках Джиованни да Милано в церкви Святого Креста во Флоренции[14], у Джотто в указанной Падуанской церкви история святых праведных Иоакима и Анны развита подробно, и хотя виден след византийских прототипов, но типы и композиции уже переработаны.

Вводная миниатюра. На постели лежит Исаак, возле него Иаков прощается со своим отцом, за Иаковом — мать его, Ревекка, и служанка. Ниже Иордан в виде реки, вытекающей из двух источников, с теми же олицетворениями, как выше. Иаков снимает с себя обувь, чтобы перейти через Иордан. Внизу — лестница, которую видел во сне Иаков. По лестнице идут ангелы; вверху лестницы — Иисус Христос, а внизу — спящий Иаков.

Рождество Богородицы. Шаблонные палаты с византийским куполом, увен-

чанным крестом. В палатах на ложе сидит праведная Анна, без покрывала и с оголенными ногами,— подробность, не встречающаяся ни в византийской, ни в русской иконографии. Вверху в палатах обычное омовение новорожденного Младенца. Общий характер композиции тот же, какой принят был в византийской иконографии под влиянием композиции Рождества Христова, а затем и в русской. Для примера отметим тот же сюжет в мозаиках Кахрие-Джами в Константинополе (XIII в.) и во фресках Киево-Софийского собора. Крупное отличие рассматриваемой миниатюры состоит в том, что здесь нет ни Иоакима, ни женщин с подарками, но находятся представители 12 колен израильских.

Западные изображения того же сюжета у Джотто в Падуе, Иоанна Миланского в церкви Святого Креста во Флоренции, Таддео Гадди там же, Бартоло да Креди, Орканьи, Оттавиано Нелли, Филиппо Липпи, Андреа дель Сарто имеют совершенно иной характер[15].

Вводная миниатюра: грехопадение прародителей и изгнание их из рая (рис. 3). Рай в виде сада с деревьями и цветами. Верхушки деревьев розовые, голубые и зеленые. В раю женщина (?), обнаженная, с сосудом в виде большого рога на плече; из сосуда вытекают четыре райские реки — Геон, Фисон, Тигр и Евфрат. Обычная форма олицетворения рек и морей. В центре картины стоит Ева, пред нею — змей с яблоком в пасти, обвившийся вокруг дерева. Это момент грехопадения; выше Адам и Ева стоят возле дерева. Адам принимает от Евы запрещенный плод, а налево Бог в виде ангела со свитком[16] беседует с Адамом и Евой уже после грехопадения. Внизу ангел изгоняет прародителей из рая. Любопытные, хотя и не совсем редкие черты: до грехопадения прародители здесь не имеют никаких половых отличий: оба совершенно одинаковы; после грехопадения Адам является уже с бородою[17], а Ева с более развитою грудью. Само собою понятно, что после грехопадения оба они имеют перевязки по чреслам, сделанные из листьев.

Продолжение вводной миниатюры. На первом плане гора, на вершине которой сидят Адам и Ева с перевязками по чреслам и ведут беседу о содеянном грехе: Адам, по-видимому, упрекает Еву. На втором плане два пригорка, на которых Каин и Авель приносят жертвы: оба они одеты в звериные шкуры; на жертвеннике Авеля — ягненок, на которого сходит с неба огонь; на жертвеннике Каина — фрукты, а огня нет. Возле горы находится небольшая хижина, покрытая черепицею: возле нее сидят Адам и Ева; Ева оплакивает смерть Авеля. Как Адам, так и Ева одеты в звериные шкуры голубого и светло-зеленого цвета. Внизу три момента: Каин и Авель беседуют, идут в поле и Каин убивает Авеля[18].

Грехопадение прародителей и изгнание их из Рая (рис. 3). Вводная миниатюра

Пир иереев, созванных Иоакимом по случаю рождения дщери и для благословения ее. Изображен овальный стол, за столом сидят первосвященник и четыре священника, на столе — три сосуда, куски хлеба, нож и вилка. Первосвященник возвращает Младенца матери. Внизу Анна ласкает Младенца и укладывает его в постельку. Служанки с изумлением смотрят на происходящее; женщина в нимбе с воздетыми руками пророчествует речь о Новорожденной.

Сходное по идее изображение в мозаиках Кахрие-Джами, где взят первый момент: Иоаким передает дщерь иереям (рис. 4). Тут же представлено ласкание Новорожденной родителями. Подобные изображения во фресках Спасо-Мирожского монастыря в Пскове. Ср. фреску Таддео Гадди в S. Croce во Флоренции[19]. В мозаиках Кахрие-Джами в дополнение этого цикла представлено еще изображение первых семи шагов Богоматери. Прекрасная идиллическая сцена[20].

Пир иереев.
Мозаика Кахрие-Джами (рис. 4)

Вводная миниатюра — Сошествие Иисуса Христа во ад. Ад представлен в виде темного места, рай — в виде сада, по образцу рая прародителей. Иисус Христос, сошедший в ад, попирает ногами сатану, представленного в виде седого, скованного цепями старика; в руке Иисуса Христа — большой восьмиконечный крест[21]. Пред Ним — низверженные врата ада. К Христу подходит группа обнаженных грешников, но ангел отстраняет их. Ниже — Иисус Христос изводит из ада Адама и Еву в рай. Тут же Иоанн Предтеча со свитком (*се агнец Божий* (Ин. 1, 29) проповедует праведникам о Христе. Внизу еще группа праведников в аду простирает руки к Христу; в этой группе находятся два царя в диадемах, по-видимому, Давид и Соломон[22]. Налево внизу рай: в раю находится Богоматерь с воздетыми руками и возле Нее два ангела; Адам и коленопреклоненная Ева приближаются к Ней с воздетыми руками. Прямым поводом к введению этой миниатюры в ряд композиций, относящихся к Богоматери, послужили размышления Иакова Коккиновафского в Омилии о Рождестве Богоматери, где идет речь, между прочим, о смерти, царствовавшей в мире над всеми от Адама до Моисея (Рим. 5, 14), о чаянии избавления от тьмы смертной (Лк. 1, 79); в уста ветхозаветных праведников влагаются молитвенные обращения к Освободителю, вызывающие представление о картине сошествия Иисуса Христа во ад: мы во тьме, нами обладает ад... Покажи славу Твою, сотри жестокие врата и вечные вереи ада; разруши всепожирающую адскую утробу, свяжи врага и рассей его воинство. Далее автор призывает прародителей узреть освобождение, призывает чин пророков, Давида... уподобляет Богоматерь Царице и упоминает о заложении крепкого фундамента дворца-рая. В полном согласии с этими размышлениями стоит и описанная миниатюра.

Вводная миниатюра. Изображена гора. Посреди горы — горящая купина; пред нею Моисей в виде молодого человека; он снимает с себя обувь для того, чтобы приблизиться к купине, согласно голосу свыше (Исх. 3, 5). Голос этот исходит от ангела-вестника, летящего с жезлом. В купине изображен образ Еммануила в виде бюста с крестчатым нимбом. На правой стороне тот же Моисей беседует с ангелом; в руке Моисея жезл, превращенный в змея (Исх. 4, 2—4). Внизу миниатюры видна вода. Характер иконографической композиции показывает, что здесь миниатюрист имел в виду сравнение Богоматери с горою, купиной неопалимою и глубиною.

Продолжение исторического цикла изображений. В верхней части миниатюры представлена часть Иерусалимского храма с киворием и кафедрою. Возле кафедры стоит первосвященник Захария и беседует с Анною; Богоматерь-девочка с испугом прижимается к матери. Позади праведной Анны Иоаким и родственники. Внизу группа дев со светильниками стоит перед священниками. Очевидно, здесь взят художником первый момент Введения Богоматери в храм.

Храм Иерусалимский, Первосвященник принимает Богоматерь; за нею — праведные Иоаким и Анна и группа дев со светильниками.

Иоаким и Анна с изумлением смотрят на необычайные дела и воздевают руки; за ними группа дев. Внизу — обстановка та же; Богоматерь, стоя под киворием, принимает пищу от ангела. В стороне стоят изумленный первосвященник и мальчик. Здесь выражено нашедшее себе место в апокрифах древнее предание о том, что во время пребывания Богоматери в храме ангел приносил ей пищу, которой она и питалась, а ту пищу, которую получала от храма, она

раздавала бедным. Аналогичные сцены находятся во фресках Киево-Софийского собора, в мозаиках Кахрие-Джами, на ватиканском диптихе слоновой кости XV века[23].

Первосвященник молится в храме, в отдалении стоят представители 12 колен израильских — вдовцы; они молятся. Внизу Богоматерь молится; вверху видна рука, означающая присутствие Божества; от руки исходят голубые лучи. Народ с изумлением смотрит на Нее. На левой стороне первосвященник вручает жезл Иосифу; на жезле — белый голубь; на голове Иосифа также голубь; позади Иосифа — вдовцы с жезлами красными[24], но без голубей. В основе этой любопытной иконографической подробности лежит древнейшее предание, переданное в протоевангелии Иакова-младшего, которое, как и вся приведенная миниатюра передает древний рассказ протоевангелия об обручении Марии Иосифу. Сущность рассказа заключается в том, что когда исполнилось Богоматери 12 лет, то священники решили обручить ее кому-либо, но так как они затруднялись в выборе обручника, то сказали первосвященнику: «Ты стоишь пред жертвенником Господним, иди и помолись о ней, и что укажет тебе Бог, то и сделаем». Первосвященник Захария вошел во Святая Святых... Здесь явился ему ангел Господень и сказал: «Захария, иди и собери от народа вдовцов и пусть каждый из них принесет с собою посох, а потом — кого укажет Господь особым знамением, тот и возьмет ее». Захария так и поступил. Затрубили по всей Иудее трубачи, как это изображено на особой миниатюре того же кодекса, и созванные явились. Первосвященник отобрал у них посохи и вошел во Святая Святых; потом, помолившись, вышел оттуда и стал обратно раздавать посохи. Никакого знамения не было, но когда дошла очередь до последнего посоха Иосифа, то из посоха вылетел голубь и стал парить над головой Иосифа[25]. Итак, в указанной миниатюре даны отдельные моменты обручения Богоматери Иосифу. Первый из этих моментов — молитва первосвященника — встречается также у Джотто в Падуанской капелле della Arena[26]. Второй — голубь — в мозаиках святого Марка в Венеции и др. В некоторых памятниках вместо голубя на посохе — процветший посох. Яснейший пример этого представляет мозаика Кахрие-Джами.

Отправление Богоматери в дом Иосифа. На заднем плане — храм Иерусалимский; возле него Богоматерь прощается со священниками, во главе которых стоит первосвященник; впереди направо возле выхода — Иосиф: он ожидает Богоматерь, в руках его — книга (Священное Писание, которое читала Богоматерь, находясь в храме) и посох. Внизу Иосиф и Мария прощаются со своими родственниками; направо Иосиф и Мария идут в дом Иосифа; на плече у Иосифа посох, на котором повешена столярная пила.

Священники вручают Богоматери багряную шерсть для изготовления завесы в храме Иерусалимском. Палаты те же, что и на других миниатюрах, но без жертвенника и кивория. Три священника, все в золотых нимбах, сидят за столом. Пред ними Богоматерь, а за нею — группа дев. Один из священников передает Богоматери багряную шерсть[27]. Сходное по идее, а отчасти и по иконографической композиции изображение в мозаиках Кахрие-Джами (рис. 5). Заслуживает внимания здесь то, что Богоматерь принимает багряницу не голыми руками, но на полотенце: здесь мы видим указание на то, что, по древним византийским понятиям, священный предмет нельзя брать голыми руками. Отражение этого древнего обычая мы видим и в нашей современной церковной практике.

Благовещение Пресвятой Богородицы. Этою миниатюрою начинается целый ряд миниатюр, относящихся к Благовещению и представляющих это событие в замечательном разнообразии и полноте, со всеми историческими и идеальными эпизодами его, применительно к тексту 5-го слова Иакова Коккиновафского. В тексте сперва идет речь о посланничестве Архангела Гавриила и изъясняется сущность данного Богом Архангелу поручения. Архангел отправляется в Назарет и, не приняв еще видимой формы, входит в дом Иосифа и созерцает происходящее здесь. Затем избирает благоприятное время и место, соответствующее величию предстоящего дела. Первое Благовещение, по этому рассказу, должно было произойти вне дома. Разъясняя это, автор становится на психологическую точку зрения и замечает,

Священник вручает Богоматери шерсть для изготовления алтарной завесы Иерусалимского храма.
Мозаика Кахрие-Джами (рис. 5)

что в доме среди тишины неожиданно раздающийся голос или внезапный шум могут вызвать испуг; вне же дома при множестве внешних впечатлений подобная неожиданность не производит столь сильного страха. И действительно, автор, ссылаясь на историю, говорит, что первое Благовещение последовало в то время, когда Богоматерь вышла из дома, чтобы почерпнуть воды. Когда она достигла источника (символ, означающий воду бессмертия), Архангел, все еще невидимый, начал свою речь. Устрашенная этим новым голосом, Богоматерь возвратилась домой и принялась за дело. Тогда Архистратиг Небесных Сил, приняв образ человека, предстал пред нею и благовестил: *радуйся, благодатная, Господь с Тобою* (Лк. 1, 28). Соответственно с приведенным текстом миниатюрист изображает прежде всего посольство Архангела Гавриила к Пресвятой Деве. На троне восседают три лица Пресвятой Троицы в виде трех ангелов, но без крыльев, как в древнейших мозаиках храма святого Виталия в Равенне. Они в туниках и иматиях, различающихся только по цвету, с красными свитками в руках. За троном Святой Троицы небесное воинство — ангелы дориносящие, а по сторонам трона — херувимы и серафимы. Изображение Святой Троицы в виде трех ангелов, явившихся Аврааму под дубом Мамврийским, вполне соответствует тому историческому моменту, к которому оно здесь относится: посольство Архангела Гавриила совершилось еще до наступления Нового Завета, а потому здесь и должна быть изображена Святая Троица именно в формах ветхозаветных. Архангел — благовестник,— стоя пред Святой Троицею, простирает к среднему Ангелу (Бог-Отец) свои руки, как бы принимая соизволение Его на посольство. Ниже тот же Архангел-благовестник летит на землю.

Следующая миниатюра представляет прибытие Архангела в дом Богоматери и его наблюдения: изображены палаты, в которых сидит Богоматерь с прялкою в руках — Она изготовляет материал для завесы храма Иерусалимского; вни-

зу с правой стороны слуга-мальчик выглядывает из-за портьеры; Ангел влетает в раскрытое окно; Богоматерь не замечает его.

Далее. Гора и в ней бассейн, к нему приблизилась Богоматерь, она поставила один из своих сосудов на землю, а другой опускает в бассейн; сверху слетает Ангел; Богоматерь оглянулась назад и испугалась. На правой стороне картины Богоматерь с двумя сосудами в руках возвращается назад к своему дому, в котором лежат на кафисме веретено, кудели и небольшой сосуд. Как это изображение, так и предшествующие два не называются Благовещением в собственном смысле: они выражают лишь события подготовительные. Собственно Благовещение изображено особо.

Благовещение Пресвятой Богородицы. Представлена палата, увенчанная куполом с крестом; Богоматерь сидит на седалище с пряжей в руках; пред Нею — благовествующий Архангел с жезлом. Изображение это повторено несколько раз, и в одном случае с прибавлением ликующих ангелов оно выражает молитву Богоматери и покорность Промыслу: *се раба Господня, буди мне по глаголу Твоему* (Лк. 1, 38).

Богоматерь после благовестия одна сидит и смотрит вслед удаляющемуся Архангелу-благовестнику, летящему вверх к Божественному трону. Возле трона — ангелы дориносящие, но Святой Троицы уже нет на троне (рис. 6).

Рассмотренные композиции, относящиеся к Благовещению, показывают, что оно, по древнему преданию, произошло в доме, в Назарете, где жила Богоматерь, а предварительный момент его произошел у источника. Это — наиболее употребительные в искусстве формы Благовещения на Востоке с V по XVII век. Из них первое, известное в нашей иконописной практике под именем «Благовещение с рукоделием», всегда занимало более видное место, а второе чаще всего встречается лишь в цельных акафистах иконописных, или «в деяниях и чудесах» икон Богоматери Одигитрии и др. Древнейший ясный пример первого в мозаиках Марии Великой в Риме, а второго — на окладе Миланского Евангелия V—VI веков. Последовательность, с какою проходят обе указанные формы в памятниках искусства Восточной Церкви, явление не случайное. Случайность и личный художественный

Благовещение Пресвятой Богородицы (рис. 6)

произвол противоречат основным требованиям восточной иконографии, опирающейся на объективные начала и выражающей в своих формах ту или другую сторону древнего предания. Приступая к изображению Благовещения, первые христианские художники должны были обратить внимание на Евангелие от Луки и в нем искать основания для его художественного выражения. Святой Евангелист Лука сообщает, что Благовещение произошло в галилейском городе Назарете, где жила Пресвятая Дева со своим обручником Иосифом. Посланный для благовещения Святой Деве Архангел Гавриил, вошедши к ней, сказал: *радуйся, благодатная, Господь с Тобою, благословенна Ты между женами* (Лк. 1, 28) и т. д. Сущность события передана здесь с достаточною ясностью и полнотою, но внешняя обстановка его не объяснена. Основные черты изображений Богоматери и Архангела уже известны в V веке, и художники, приступив к изображению их, могли руководствоваться указаниями предшествующей художественной практики. Но откуда они заимствовали мотивы композиций «с рукоделием» и «у источника»? Объяснений этого нужно искать в древнейшем предании. Апокрифическое протоевангелие Иакова младшего говорит, что когда священники иудейские вознамерились устроить завесу для Иерусалимского храма, то выбрали для этой цели непорочных дев из племени Давидо-

ва; вместе с ними явилась и Мария, которой первосвященник и вручил пурпур, червленицу и другие материалы, необходимые для изготовления завесы. Мария после этого приступила к работе, к которой она, как видно из других источников, привыкла еще живя в храме[28]. Однажды она, взявши водонос (hydria), пошла почерпнуть воды и услышала голос: *радуйся, благодатная, Господь с Тобою, благословенна Ты в женах* (Лк. 1, 28). Мария озирается, чтобы узнать, откуда этот голос. С трепетом возвратилась она домой, поставила водонос и, взявши пурпур, села на свое место и стала прясть. И вот ангел Господень предстал пред нею и сказал: *не бойся, Мария, Ты обрела благодать у Господа и зачнешь по слову Его.* Слыша это, Мария размышляла в себе: *неужели Я зачну от Господа Бога и рожду, как рождает всякая жена.* Тогда Ангел Господень сказал ей: *не так, о Мария; сила Вышнего осенит Тебя, посему и рождаемое от Тебя Святое наречется Сыном Вышнего, и назовешь Его Иисусом, потому что Он спасет народ свой от грехов.* И сказала Мария: *се раба Господня, да будет Мне по слову Твоему*[29]. Евангелие о Рождестве Марии дополняет рассказ протоевангелия некоторыми новыми подробностями, а именно: комната, где находилась Богоматерь во время благовестия, наполнилась необычайным светом... Евангелие псевдо-Матфея, подобно протоевангелию Иакова, говорит, что первое благовещение произошло у источника, где Богоматерь брала воду, а второе — в доме на третий день после того. Богоматерь обрабатывала пурпур и испугалась при виде юноши (ангела), блистающего красотою неописанною. Отсюда становится ясным идейное сходство отмеченных сейчас памятников древней письменности с вышеописанными миниатюрами кодекса Иакова Коккиновафского. Вопрос о взаимоотношении тех и других памятников — письменности и искусства, а равно и об отношении древних церковных писателей к апокрифической литературе,— подробно рассмотрен нами в другом сочинении[30]. Отметим лишь, что и в русской древней письменности сказания о Благовещении у источника и с рукоделием встречаются. Для примера укажем на путешествие Даниила-паломника (XII век) и «Повесть Иакова о Благовещении Пресвятой Богородицы» в рукописи Макариево-Унженского монастыря[31]. В истории русского изобразительного искусства до XVI—XVII веков мы видим постоянное применение иконописного перевода Благовещения с рукоделием, а иконописный перевод с книгою явился у нас не ранее XVI—XVII веков. В Макарьевских Четиях-Минеях показан также перевод «у источника», но в Четьих-Минеях святителя Димитрия Ростовского уже совсем устраняются древние переводы, а рекомендуется перевод Благовещения с книгою. Святитель Димитрий Ростовский прямо говорит, что «Архангел обрел Деву не вне дома, не среди житейских попечений, но в молитве, молчании и чтении книжном упражняющуюся, якоже и иконное Благовещение изображено явно показывает, изобразующи пред Нею положенную и к чтению разгбенную книжицу в известие ее в чтении и богомыслии непрестанного упражнения и есть благочестивое благомысленных разумение, яко в то время, когда им прийти к Ней благовестник, размышляла о словах Исаии: *се Дева во чреве приимет...*»

Для примера прилагаем образцы Благовещения у источника и в мозаиках византийских Кахрие-Джами, подобное изображение во фресках Киево-Софийского собора. В западноевропейском искусстве оба эти перевода известны только в древнейшую эпоху, а в эпоху первого Итальянского возрождения они заменены Благовещением с книгою[32].

Обычные палаты. Возле кафедры и кивория стоит первосвященник, а в стороне — старейшины изумленные. Богоматерь берет у мальчика (в нимбе), держащего корзинку, изготовленный пурпур и передает его первосвященнику. Последний в наклоненном положении принимает пурпур не голыми, но покрытыми руками (рис. 7).

Палаты. Первосвященник подает Богоматери золотой сосуд с водою обличения. Богоматерь пьет из этого сосуда. Направо стоят старейшины, а за ними Иосиф и Мария удаляются из храма. В художественной практике сюжет этот встречается довольно редко. Древнейшие примеры его на кафедре Максимиана в Равенне и на Эчмиадзинском диптихе. Апокрифическое предание сообщает, что когда слух о беременности Богоматери распространился, то Иосиф и Мария были вызваны в суд: Мария — за нарушение брака, а Иосиф — за попусти-

тельство. По закону Моисея преступникам угрожало побиение камнями, но это наказание было смягчено: предварительно подвергнули их суду Божию (дали им пить воду обличения). По общему еврейскому убеждению, эту воду может безнаказанно пить только невиновный, а грех виновного будет обличен тем, что на лице его покажется знак виновности. Иосиф и Мария выдержали это испытание, были признаны невиновными и отпущены.

Последняя миниатюра кодекса. Небольшая храмина, а возле нее — киворий и священники. Первосвященник обращается с речью к священникам, указывая в то же время руками на стоящих в положении обвиняемых Иосифа и Марию. Иосиф делает жест отрицания. Очевидно, здесь последний момент суда и оправдательного приговора. Внизу Богоматерь и первосвященник делают взаимный прощальный поклон, а Иосиф в предшествии своих трех сыновей и мальчика — служки Богоматери удаляется.

Богоматерь, передающая Первосвященнику изготовленную алтарную завесу (рис. 7)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Venturi. La Madonna.

[2] Byzant. Zeitschriti. 1895. IV.

[3] Мозаики эти превосходно изданы в Известиях Русского Археологического Института в Константинополе, т. XI. София, 1906.

[4] Codicese Vaticanis selecti phototypice expressi Pii PP. X. Series minor vol. 1.

[5] Евсевий. О жизни царя Константина III. 41. Ср.: Покровский Н. Евангелие в памятниках иконографии, 428, 433.

[6] Мафорий — верхняя женская одежда, покрывающая голову и корпус.

[7] Тонзура (Тонсура) — остриженное место на голове (макушке) у католического духовного лица, символ отречения от их мирских интересов. По древнему обычаю, кающиеся остригали себе голову, затем этот обычай переняли монахи, а затем, в VI веке, и все христианские духовные лица.

[8] Далматик — одежда византийских императоров, сходная с нынешним архиерейским саккосом, изготовлялась из дорогой материи и богато украшалась. Название объясняется тем, что, по преданию, она заимствована от далматов (народ, живший на побережье Адриатического моря, территории современной Югославии).

[9] Тавлион (Таблион) — нашивка в виде ромба на верхней одежде византийских императоров и первых чинов византийского двора.

[10] Киворий — купол, сень над предстолом, подобно древним надгробным памятникам, символизирующим, что престол есть место распятия и положения Тела Христова. В Парижском кодексе кивория нет.

[11] Перечень памятников искусства восточных и западных, относящихся к истории Иоакима и к жизни Богоматери см.: Schultz A. Die Legende von Leben d. Jungfrau Maria. Leipzig, 1878.

[12] О них см.: Евангелие в памятниках..., с. 188—189.

[13] Там же, с. 184—186.

[14] Venturi. La Madonna, 86, 88; Schultz A. Die Legende..., S. 45—46.

[15] Venturi. La Madonna, 87—103. См. также: Schultz A., 46—47.

[16] В Парижском кодексе Бог-ангел держит в руке вместо свитка жезл.

[17] В Парижском кодексе без бороды.

[18] В Парижском кодексе эти три момента выражены в грубо реальных и исторически неверных формах: Каин во время беседы с Авелем, держа нож в руке, наконец вонзает нож в горло Авеля.

[19] Venturi. La Madonna, 92.

[20] Шмит Ф. И., с. 71—72.

[21] В Парижском кодексе Иисус Христос попирает ад этим крестом.

[22] В Парижском кодексе нет царей.

[23] Шмит Ф. И., с. 139.

[24] В Парижском кодексе жезлы черные.

[25] Tischendorf. Evang. apocrypha, 17—18.

[26] Шмит Ф. И., с. 151.

[27] В Парижском кодексе — на столе лежат еще другие куски багряницы.

[28] Pseudo-Matthei Evangel. c. VI. Tischendorf. Evang. apocr., p. 62.

[29] Tischendorf. Protoevang. Jacobi X—XI, p. 19—22.

[30] Покровский Н. Евангелие в памятниках иконографии, с. 24—29. СПб., 1892.

[31] Там же, с. 28—29.

[32] Venturi. La Madonna, p. 139—199; Rohauet de Fleury, Sainte Vierge I. A. Schultz. Die Legende, S. 53.

Профессор Н. ПОКРОВСКИЙ

Из далекого прошлого села Середы Юрьевской

История одного из древних сел Шаховского края — села Середы — уходит в глубину веков.

По данным источников, оно впервые упоминается в качестве торгового села Волоколамского уезда в 1574 году под названием Стратилацкое. В этом году на сельском рынке монах-скупщик Иосифо-Волоколамского монастыря для нужд последнего закупил 11 холстов из конопли[1]. Однако село существовало задолго до первого упоминания о нем. Первоначальное свое название — Стратилацкое — село получило потому, что в нем в древности была построена деревянная церковь во имя популярного на Руси святого Федора Стратилата.

В XVI веке село было дворцовым, входившим в ведомство двора русского царя. В нем имелась «государева десятинная пашня» в размере 200 десятин[2].

Но во время польско-литовской интервенции начала XVII века село Стратилацкое, как и большинство других селений Волоколамского уезда, было сожжено и разграблено. Особенно тяжелым временем для края был 1612 год.

В конце этого года войска честолюбивого польского короля Сигизмунда III, потерпев неудачу под Волоколамском, отступали к Смоленску. Польская шляхта грабила и убивала крестьян, спасавшихся в лесах. Многие крестьяне бежали в южные плодородные степи за Волгу и к Дону.

При своем отступлении от Москвы интервенты все уничтожали на своем пути, сжигали крестьянские дворы, в дворцовых селениях вырубали сады, из прудов с рыбой выпускали воду, уцелевших жителей убивали.

В уезде развернулась партизанская война. Один из крестьян дворцового села Вишенок (имя его неизвестно) предвосхитил подвиг Ивана Сусанина, совершенный последним позднее в Костромском уезде. По писцовым книгам 1626 года, во всем Волоколамском уезде после нашествия интервентов насчитывалось всего 144 населенных двора. Под пашней в уезде оставалось 550 десятин при наличии многих тысяч десятин старой пашни, поросшей лесом и травой[3].

Село Стратилацкое оставалось незаселенной пустошью почти 50 лет.

В писцовой книге 1626 года об этом селе говорилось так: «...В селе Стратилацком преж литовского разорения по вся недели бывал торг, торговали по средам, потому что то село от городов удалено и в иных селах кругом того места нигде нет, а ныне тот торг запустел..., а села Стратилацкого приселки и деревни и про крестьян... и про пустоши сыскать и расспросить некого ... около села верст на 19—20 пусто»[4].

В связи с установлением в селе торга по средам за селом Стратилацким в XVII веке стало закрепляться другое, народное по своему происхождению, название: Середа.

Село получило двойное наименование — Середа-Стратилацкая.

Пустошь Середа-Стратилацкая после нашествия интервентов сначала была приписана к дворцовому селу Ярополч. Но в 1657 году царь Алексей Михайлович пожаловал ее с окрестными пустошами Патриарху Никону во владение Новгородского Иверского монастыря[5].

В том же году пустошь, что была селом Стратилацким, равно как и остальные пустоши, «тянувшие» прежде к селу, были заселены крестьянами, выходцами из районов Белоруссии, освобожденных вместе с городом Смоленском от панской Польши русскими войсками. Незадолго перед этим Патриарх Никон выезжал в город Вязьму (тогда пограничный русский город), где обращался к белорусским крестьянам с призывом к заселению пустующих волоколамских вотчин Новгородского монастыря. Для ведения хозяйства крестьяне-белорусы на новом месте получили ссуду семенами и деньгами[6].

После низложения Патриарха Никона по решению Церковного Собора 1667 года село Середа-Стратилацкая было передано в вотчину подмосковного Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, основанного бывшим Патриархом в 1656 году. Архимандрит монастыря в 1667 году бил челом царю, чтобы «в только что заселенной пустоши, что было село Стратилацкое Волоколамского уезда, построить торжок...»[7].

Торговля в селе в 1674 году была возрождена, а в дальнейшем расширялась по мере ликвидации последствий интервенции.

В дореволюционное время село Середа-Стратилацкая обозначалось на всех административных картах и атласах России.

Но до нашего времени село дошло под более точным, исторически сложившимся и обоснованным наименованием — Середа-Юрьевская. Его происхождение любопытно.

Сохраняясь в памяти народной с глубокой древности и передаваясь из поколения в поколение, это наименование села дошло до наших дней, и указывает оно на его первого вероятного владельца — Новгородский Юрьев монастырь.

Известно, что землями на Волоке Новгородский Юрьев монастырь владел еще в XIV веке. Занимая выгодное географическое положение на водоразделе Волги и ее притока Оки, Волок на реках Ламе и Рузе издавна играл важную роль в торговых связях Новгорода с югом Руси.

В связи с возвышением в XIV веке Москвы Новгороду угрожала потеря своей политической самостоятельности и утрата очень важного для него водного пути в районе Волока.

Успешно проводя политику «собирания» русских земель вокруг Москвы, великому Московскому князю Ивану Калите в 30-х годах XIV века удалось подчинить Новгород.

В 1335 году он выдал Юрьеву монастырю жалованную грамоту на земли на Волоке[8]. Где размещались эти земли? Из писцовой книги по Волоколамскому уезду за 1626 год видно, что Новгородский Юрьев монастырь в районе Волока Ламского владел пустошью, что прежде была селом Чернецким[9]. Позднее это село стало называться сокращенно: Черницы. Во второй половине XVII века в длительной тяжебной борьбе с местными вотчинниками Юрьеву монастырю удалось отстоять еще 12 пустошей, издавна «тянувших» к селу Чернецкому и пропущенных писцами в 1626 году.

Однако известно, что половина земель новгородских монастырей после окончательного присоединения Новгорода к Москве в 1478 году была отписана на великого государя Московского. Возникает, естественно, вопрос. Где же находилась та половина вотчинных земель на Волоке, которыми владел когда-то Юрьев монастырь?

Ответ на этот вопрос затруднителен потому, что писцовые книги Новгорода дошли до нас неполностью, а архив Юрьева монастыря был уничтожен шведами в 1611 году во время взятия ими Новгорода[10].

Но картина становится более ясной и определенной, если учесть одно немаловажное обстоятельство. Дело в том, что вообще под Волоком надо подразумевать не один Волок на реке Ламе, а целую систему волоков, расположенную на водоразделе двух рек — Волги и ее притока Оки.

Один из таких вероятных волоков в древности проходил где-то в верховье Рузы в районе деревни Волочаново (ныне Шаховского района). Здесь новгородцы волоком на деревянных катках переправляли свои ладьи с товаром по суше до русла реки Рузы.

Несколько к юго-востоку от этого волока на берегу речки Омутни — правого притока Рузы, впадающей в нее с южной стороны, раскинулось большое село Середа-Юрьевская.

Не случайно это село в XVI веке было дворцовым. С большой долей вероятности можно утверждать, что оно прежде, примерно в XIV—XV веках, принадлежало Новгородскому Юрьеву монастырю, у которого было затем «отписано» на Московского государя.

В XVII веке к селу «тянуло» 26 пустошей (в том числе пустошь, что была селом Юрьевским), которые когда-то составляли вотчинные владения Юрьева монастыря. Эти немногие данные указывают на следы прежнего владельца села Середа-Юрьевская. Они убеждают нас в том, что половина конфискованных на Волоке в 1478 году земель Юрьева монастыря находилась, очевидно, в этом регионе, и помогают в условиях отсутствия письменных источников установить происхождение древнего названия его вотчины.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 1. М., 1952, с. 190.

[2] ЦГАДА, ф. 281, оп. 8, д. 2499, л. 1.

[3] Готье Ю. Замосковный край в XVII веке. М., 1937, с. 40.

[4] ЦГАДА, ф. 281, оп. 8, д. 2499, л. 1.

[5] Исторические материалы о церквах и селах XVI—XVIII вв., вып. 9. М., 1896, с. 48.

[6] Там же, с. 48—49.

[7] ЦГАДА, ф. 281, оп. 8, д. 2499, л. 1—2.

[8] Грамоты великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949, с. 143.

[9] ЦГАДА, ф. 1209, кн. № 613, л. 91.

[10] Семенов А. И. Юрьев монастырь у Ильменя. Новгород, 1929, с. 5.

Е. И. ДЕМЕНТЬЕВ,
кандидат исторических наук

В. А. КОШЕЛЕВ

«Хомяков жил в Церкви...»

Это — отправной тезис Юрия Самарина, высказанный им в предисловии к богословским сочинениям Алексея Степановича Хомякова (1804—1860). Утверждение это, по мнению автора, вполне раскрывает и даже исчерпывает значение личности Хомякова для русской истории и культуры, особенную его роль как самобытнейшего философа, богослова и публициста, замечательного поэта, оригинального полемиста и общественного деятеля, труды которого не только отразили существенные потребности своей эпохи, но и во многом определили будущее «русской идеи»...

Высказывая свое суждение о Хомякове, Самарин, будучи одним из наиболее последовательных его учеников, сознавал, что «большинству читателей» оно «покажется чересчур широким и скудным», и потому счел нужным подробно разъяснить, что́ он в данном случае разумеет:

«Если нас спросят: да разве не все православные *живут* в Церкви? — то мы, не задумываясь, ответим: далеко не все. Мы живем в своей семье, в своем обществе, даже по известной степени в современном нам человечестве; живем также, хотя еще в меньшей степени, в своем народе; в Церкви же мы *числимся*, но не *живем*. Мы иногда заглядываем в нее, иногда справляемся с нею, потому что так принято и потому что иногда это бывает нужно... например, в одно прекрасное утро, узнав, что на Руси расплодились нигилисты, мы начинаем бросать в них сводом законов и политическою экономиею, и общественным мнением Европы, да уж зараз и религиею, благо она подвернулась нам под руку. И здесь опять несомненно, что нигилизм осуждается верою; жаль только, что мы вспомнили о ней поздно, с перепугу, и что она нам понадобилась только как камень»[1].

Слова эти написаны в 1867 году. До победы «российского нигилизма» оставалось еще по меньшей мере полвека. О чем, казалось бы, беспокоиться православному христианину: общее отношение россиян к религии и Церкви было, что называется, «удовлетвори-

тельным». Соблюдались обряды и праздники православного календаря. Закон Божий исправно изучался в школах, миряне не забывали *Отче наш...* и, как правило, регулярно посещали Церковь... А что касается до тех, кто «грешил бесстыдно, беспробудно» или проповедовал «уроки чистого афеизма», то в каком правиле не встречается исключений и в каком сообществе — нравственных выродков?

Но Самарин пишет отнюдь не о «выродках»:

«...мы относимся к Церкви по обязанности, по чувству долга, как к тем почтенным, престарелым родственникам, к которым мы забегаем раза два или три в год... Хомяков вовсе *не относился* к Церкви, именно потому, что он в ней *жил*, и не по временам, не урывками, а всегда и постоянно...»

Именно *жил* — Самарин настаивает на этом выражении. В теории все, казалось бы, просто. «Жизнь в Церкви» предполагает, во-первых, «несомненное убеждение» в том, что Церковь «есть явление на земле беспримесной истины и несокрушимой правды»; во-вторых, умение «всецело и совершенно свободно подчинять свою волю тому закону, который правит Церковью»; и, в-третьих, наличие некоего внутреннего чувства живой связи с Церковью, заставляющего «ставить свое духовное общение с этим целым превыше всего на свете»...

Но попробуйте-ка теорию эту применить к практике собственной жизни! Живая вера в те времена в просвещенных кругах была уже исключением. Считалось достаточным признавать Церковь за «нечто полезное или даже необходимое». Но как можно светски образованному дворянину, читавшему Вольтера и Гельвеция, слышавшему о Шеллинге и Гегеле, сохранить веру в то, что Церковь на деле есть «именно и действительно то самое и все то, за что она себя выдает»?.. Не только доморощенным российским шеллингианцам «христианское учение казалось пригодным только для народных масс, а не для любомудров»[2]. В 1840-е годы шумным успехом пользовался труд архиепископа (впоследствии митрополита Московского) Макария (Булгакова) «Введение в православное богословие». По значимости своей труд сравнивался едва ли не с «Историей государства российского» Н. М. Карамзина — именно за попытку примирить установления Церкви с необходимыми требованиями «светского» просвещения.

А. С. Хомяков

Хомяков отозвался об этом труде недвусмысленно: «Макарий провонял схоластикой. Она во всем высказывается: в беспрестанном цитировании Августина, истинного отца схоластики церковной, в страсти все дробить и все живое обращать к мертвому, наконец, в самом пристрастии к словам латинским... Я бы мог назвать его восхитительно глупым, если бы он писал не о таком великом и важном предмете...»[3] Хомяков был блестящим знатоком и философии, и богословия, оставаясь совершенно уверенным в том, что Церковь не нуждается в подобного рода «схоластическом» оправдании.

К Церкви нельзя относиться, руководствуясь только долгом или «обязанностью»: вся *жизнь* человека должна стать неизбежным следованием принятым в ней законам и установлениям. Самарин рассуждал таким образом: «Когда нас зовут на свадьбу или на

вечер, мы надеваем фрак и белый галстук. Почему мы это делаем? Только потому, что так делают все, так принято в той среде, в том обществе, которое мы называем своим. А почему подчиняемся мы уставам этого общества? Потому что мы не допускаем мысли, не смеем и не хотим оскорбить его. А не хотим потому, что мы в нем живем и дорожим нашим с ним общением. Хомяков всю жизнь свою — в Петербурге, на службе, в Конногвардейском полку, в походе, за границею, в Париже, у себя дома, в гостях — строго соблюдал все посты. Почему? — По той же самой причине: потому что так делают *все*, то есть все те, которые для него были *свои;* потому что ему не могло прийти на ум нарушением обычая выделиться из общества, называемого Церковью; потому, наконец, что его радовала мысль, что с ним в один день и час все *его* общество, то есть весь православный мир, заговлялся или разговлялся, поминая одно и то же событие, общую радость или общую скорбь».

О том, что Хомяков строго соблюдал все посты, сообщают практически все мемуаристы. И непременно удивляются этому обстоятельству, сами себя при этом искренно считая православными христианами. В образованном обществе XIX века соблюдение постов было признано делом второстепенным, этаким церковным «излишеством». Ведь русский православный календарь насчитывает менее 200 постных дней в году: каждая среда и пятница, Крещенский Сочельник, да 40 дней Рождественского поста, да семь недель Великого поста, да Петров, да Успенский посты...

Для чего, в самом деле, усмирять плоть свою и удерживать ее от «соблазнов», к тому же законы Церкви «созданы для народных масс, а не для нас».

Герцен в «Былом и думах» приводит случай, происшедший с Белинским: «Раз приходит он обедать к одному литератору на Страстной неделе; подают постные блюда. «Давно ли, спрашивает он, вы сделались так богомольны?» — «Мы едим,— отвечает литератор,— постное просто-напросто для людей».— *«Для людей?* — спросил Белинский и побледнел.— Для людей!? — повторил он и бросил свое место.— Где ваши люди? Я им скажу, что они обмануты; всякий открытый порок лучше и человечественнее этого презрения к слабому и необразованному, этого лицемерия, поддерживающего невежество. И вы думаете, что вы свободные люди?..»

Показательно, что в этом эпизоде атеист Белинский оказывается честнее «одного литератора», который считает себя вполне «православным» и даже «просвещает» в этом отношении своих дворовых...

В следовании Хомякова церковным установлениям не было никакой демонстрации. Он ценил возможность *жить* в Церкви — так, как он понимал эту жизнь,— но и не возражал, когда другие жили иначе. Терпимость к ближнему — это тоже одно из условий жизни в Церкви. Окружающие нередко с непониманием и насмешкой величали его «монахом без подвигов монашеской жизни» (выражение А. О. Смирновой-Россет)...

А Хомякову действительно было необходимо «чувствовать себя живою частицею живого целого, называющего себя Церковью». Он считал это чувство если и не главным в жизни, то уж во всяком случае совершенно необходимым для достижения спокойствия душевного. Он «жил в Церкви», постоянно преодолевая внутренний антагонизм и даже отторжение окружающего его «нецерковного» общества, в котором он был принужден жить.

Хомяков происходил из родовитого московского дворянства, из общества достаточно богатого и знатного, и в ранней юности, семнадцати лет от роду, оказался, как и было положено, на армейской службе, которую начал юнкером Астраханского кирасирского полка, квартировавшего в глухом городишке Новоархангельске Херсонской губернии. Служил он здесь в 1822 году чуть более полугода, но командир полка граф Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен (которому довелось пережить Хомякова) написал о событиях 40-летней давности следующее: «В физическом, нравственном и духовном воспитании Хомяков был едва ли не единица... Ездил верхом отлично. Прыгал через препятствия в вышину человека. На эспадронах дрался превосходно. Обладал силою воли не как юноша, но как муж, искушенный опытом. Строго исполнял все посты по уставу Православной Церкви, и в праздничные и воскресные дни посещал все богослужения. В то время было уже значительное число вольнодумцев, деистов, и многие глумились над исполнением

уставов Церкви, утверждая, что они установлены для черни. Но Хомяков внушал к себе такую любовь и уважение, что никто не позволял себе коснуться его верования. Он не позволял себе вне службы употреблять одежду из тонкого сукна, даже дома...»[4]

В этих «солдатских мемуарах» поразителен сам «отправной момент» воспоминаний. Верность церковному долгу и народному обычаю столь поразила полкового командира, умудренного опытом, что он счел нужным вспомнить и, как мог, рассказать о ней на 73-м году жизни. А поразила именно потому, что проявилась не в проповедях и поучениях, а в тех мелочах быта, соблюдение которых на поверку оказывается самым трудным. И это в «декабристскую эпоху» — с «синими гусарами», армейскими пирушками, безбожием в самых глумливых его проявлениях. И юнкеру-то всего 17 лет! И только в старости полковой командир начал понимать, что, строго соблюдая посты (когда никто вокруг и не думает их соблюдать!) и аккуратно посещая церковь, Хомяков утверждал внутреннее право на духовную самостоятельность и независимость. И добился этого внутреннего права: его уважали, ибо он был набожен *в духе и истине*, а не напоказ.

Такого рода мироощущение и поведение не приходит «с годами»: оно должно возникать в человеке изначально, «с пеленок». Хомяков искренне считал себя обязанным этим «счастью первоначального воспитания» и в одном из писем к английскому богослову У. Пальмеру счел необходимым заметить: «Что до меня касается, то я, воспитанный в благочестивой семье и в особенности набожной матерью (доселе еще здравствующей), был приучен всем сердцем участвовать в этой чудной молитве церковной. Когда я был еще очень молод, почти ребенок, мое воображение часто воспламенялось надеждою узнать весь мир христианский соединенным под одним знаменем истины...»

Набожность и церковность родителей, в данном случае — матери Хомякова Марьи Алексеевны, урожденной Киреевской, создавали тот внутренний уклад, который сформировал человека с не церковным миросозерцанием.

Марья Алексеевна была (как вспоминал потом сын ее) «хороший и благородный образчик века, который еще не вполне оценен во всей его оригинальности, века екатерининского. Все (лучшие, разумеется) представители этого времени как-то похожи на суворовских солдат. Что-то в них свидетельствовало о силе неистасканной, неподавленной и самоуверенной. Была какая-то привычка к широким горизонтам мысли, редкая в людях времени позднейшего. Матушка имела широкость нравственную и силу убеждений духовных, которые, конечно, не совсем принадлежали тому веку, но она имела отличительные черты его, веру в Россию и любовь к ней».

Марья Алексеевна умерла летом 1857 года, дожив до 87 лет. Ее внучка, тоже Марья Алексеевна (старшая дочь Хомякова), вспоминала, что в ее комнате «всегда пахло ладаном, разными куреньями и настоящим одеколоном, который тогда был очень дорог и который она постоянно употребляла, и ладан, так как несколько раз в неделю в своей комнате служила молебны... Я любила у нее сидеть и слушать ее живой и веселый разговор, и у ее столика около кровати приходили сидеть знакомые мужчины и женщины, и она любила спорить и говорить со всеми вместе. Посты она соблюдала все, какие мы тоже, но, кроме среды и пятницы, она постилась еще и в понедельник...»[5].

Хомяков считал, что «духовное ее существо не было ни разварено (от 1801 до 1825), ни придавлено (от 1825 — до 1855)», то есть не обольстилось миражами эпохи александровской и не поддалось николаевскому единомыслию». За ее плечами стояло цельное время, позволявшее осознавать «вековечность» русских нравственных устоев. Хомяков не только воспринял от матери молебны и посты, но и подвел под них в своих работах серьезное богословское, философское и этическое обоснование. Он до конца дней считал, что именно матери обязан «и своим направлением, и своею неуклонностью в этом направлении...» «Счастлив тот,— писал он,— у кого была такая мать и наставница в детстве, а в то же время какой урок смирения дает такое убеждение!»

В 1812 году, после изгнания из России Наполеона «С двунадесятью языками», Марья Алексеевна дала обет построить церковь в ознаменование этого события. Был составлен великолепный проект, для осуществления которого

откладываются все свободные сбережения... До освящения церкви Марье Алексеевне дожить не удалось. Не удалось и ее детям. Но внуки — достроили: в 1878 году церковь освятили. Хомяковы, конечно, не рассчитывали на то, что через полвека (при праправнуках Марьи Алексеевны) церковь эта будет заброшена, а потом — разрушена. Они осуществляли вековую идею российской общежительности — строить, «собирать камни», а не разрушать того, что поставлено дедами. Эти принципы и легли в основу славянофильства.

Так что видимая церковность личности Хомякова оказывалась формой выражения «самостоянья», нежелания подпадать под ярмо «прогрессивных» общественных мнений... Он, например, до женитьбы (в 1836 году) хранил свою душевную и телесную чистоту (что было редкостью в общественной среде того времени), что тоже шло от матери. Сохранилось предание о том, что когда оба сына Марьи Алексеевны, Федор и Алексей, пришли в возраст, она «призвала их и объяснила им свой взгляд на обязанности благовоспитанного человека, состоявшие в том, что мужчина, вопреки общепринятым понятиям о его относительной свободе, должен так же строго блюсти свою чистоту, как и девушка. Поэтому она потребовала от сыновей клятвы, что они до брака не вступят в связь ни с одною женщиною, прибавив к этому, что кто из них нарушит клятву, тому она откажет в своем последнем благословении. И клятва была дана»[6].

Этот решительный жест матери с годами Хомяков оценил по достоинству. В последнем своем публицистическом произведении — в послании «К сербам» (1860) он размышляет о важности и крепости славянского обычая: «По-видимому, весь обычай состоит из мелочей, но это не мелочь... есть у многих народов нелепое и богопротивное мнение, что чистота нравов более прилична женщине, чем мужчине. Смотрите на такое мнение с презрением! От нравов мужских зависит нравственность женщины; а мужчине, сосуду крепкому и главе создания Божиего, требовать от сосуда слабого — женщины — таких добродетелей, которых в нем самом нет, есть дело не только неразумное, но и нечестное»[7]. Хомяков имел моральное право писать это, ибо оставался верен клятве, данной матери...

«Хомяков,— писал И. Аксаков в одном из писем,— бывший в молодости гусарским офицером, принимавший деятельное участие в турецкой кампании, путешествовавший много, сохранил строжайшую телесную чистоту до самой своей женитьбы, уже на 34-м году своей жизни. При состоянии наших общественных нравов, согласитесь, такое явление — совершенно исключительное»[8].

Современников изумляло, откуда взялась в этом московском барине, чудаке-славянофиле, смущавшем обывателей своей бородой и шапкой-мурмолкой, а правительство — гимнами во славу старины и народности и призывами к российскому «покаянию», в этом помещике и охотнике, отставном штаб-ротмистре, никогда, кажется, не занимавшемся систематическим чтением многочисленных творений отцов Церкви,— откуда взялась в нем такая бездна познаний в вопросах специально богословских, что он мог поспорить с самыми достойными оппонентами-богословами?

Он поражал профессора М. П. Погодина «обширными сведениями в истории древних религий» — так что, разговаривая с ним, этот блестящий историк России «в душе стыдился своего невежества».

В спорах с А. И. Герценом Хомяков заставил последнего «прочесть волюминозные (многотомные.— *Ред.*) истории Неандера и Гфрёрера» и изучить постановления Вселенских Соборов, «чтобы восстановить некоторое равновесие в спорах с противником».

Он часами рассуждал с Иваном Киреевским об Афанасии Великом или Кирилле Иерусалимском, приводя на память цитаты целыми страницами. Однажды, вспоминает современник, «он сослался на одно место в творениях одного святого отца, которые он читал лет пятнадцать тому назад в библиотеке Троицкой Лавры и которые только там и имелись. Киреевский усомнился в верности цитаты и сказал Хомякову в шутку: «Ты любишь ссылаться на такие книги, по которым тебя нельзя проверить». Хомяков указал почти страницу, 11 или 13, и место на этой странице, где находится сделанная им цитата. По учиненной справке, ссылка его оказалась совершенно верною».

А когда Юрий Самарин, молодым еще человеком, работая над магистер-

ской диссертацией о Стефане Яворском и Феофане Прокоповиче, специально изучал патристику XVII—XVIII веков, то и он, попробовав поначалу полемизировать с учителем своим, в конце концов признал непререкаемый авторитет Хомякова, который, ничего специально не изучая, знал эти творения не хуже его самого...

5 июля 1836 года Хомяков женился на Екатерине Михайловне Языковой. Девятнадцатилетняя супруга, которую он любил глубоко и искренно, вполне разделяла воззрение мужа и умела делить с ним все житейские печали и радости. 9 апреля 1837 года у Хомяковых родился первенец, Степан (названный в честь отца), а 4 марта 1838-го — Федор (названный в честь рано умершего старшего брата).

В ноябре 1838 года дети заболели скарлатиной и умерли — в одну ночь. Этой ночью Хомяков испытал великое потрясение и нашел спасение только в молитве, родившей в нем то чувство, которое он воплотил в написанном тогда же стихотворении «К детям»:

Бывало, в глубокий полуночный час,
Малютки, приду любоваться на вас;
Бывало, люблю вас крестом
знаменовать,
Молиться, да будет на вас благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

Стеречь умиленно ваш детский
покой,
Подумать о том, как вы чисты
душой,
Надеяться долгих и счастливых
дней
Для вас, беззаботных и милых
детей.
Как сладко, как радостно было!
Теперь прихожу я: везде темнота,
Нет в комнате жизни, кроватка
пуста;
В лампаде погас пред иконою
свет.
Мне грустно, малюток моих уже
нет!
И сердце так больно сожмется!

О дети, в глубокий полуночный
час
Молитесь о том, кто молился о вас,
О том, кто любил вас крестом
знаменать.
Молитесь, да будет и с ним
благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

Хомяков написал это стихотворение для себя, вовсе не собирался его печатать и только год спустя решился показать жене... Катерина Михайловна приняла его с сердечностью, списала и послала брату, поэту Н. М. Языкову. Когда эти стихи стали известны в Москве, там они произвели потрясение — прежде всего силою и искренностью чувства. И. Киреевский заметил, что они — лучшее, что Хомяков написал. А поэтесса Каролина Павлова, услышавши их, упала в обморок, и с тех пор никогда не забывала на ночь крестить единственного сына своего Ипполита... Таким образом это поэтическое «спасение» Хомякова стало проникновеннейшей страницей русской поэтической лирики.

В начале 40-х годов это стихотворение обратило на себя внимание известного английского богослова Уильяма Пальмера, путешествовавшего по России и активно интересовавшегося Православием. Пальмер перевел это стихотворение на английский язык и просил доставить перевод автору. Хомяков ответил обширным письмом — и завязалась серьезнейшая богословская переписка. Для Пальмера это был повод к налаживанию экуменических контактов. Хомяков подробно обосновывал нравственные преимущества русского Православия. Переписка частично отражалась в специальной западной печати и сделала имя Хомякова известным в среде английских богословов.

Пальмер принял сторону Православия и даже крестился по православному обряду, однако это крещение было опротестовано Константинопольским Патриархом. Хомяков узнал об этом в феврале 1852 года, когда на него самого свалилось тяжкое горе: от тифа, осложненного преждевременными родами, умерла Екатерина Михайловна. «На днях, Высокопреосвященнейший Владыко,— писал он архиепископу Казанскому Григорию,— по воле Божией похоронил я, на шестнадцатом году нашего брака, жену молодую, прекрасную, добрую, как, кажется, только возможно человеку быть добрым, единственную любовь моей жизни и величайшее счастье, какое может дать жизнь земная. Совестию свидетельствуюсь, что я не осмелюсь сравнить своей сердечной болезни, своей неисцелимой раны с духовным страданием Пальмера. Но какое утешение могу

я дать ему или какую оказать помощь?..»

Показательно, что Хомяков и не стремится «утешать»: по его разумению, Церковь сама есть источник утешения. В его глазах Церковь «не есть учреждение» (это один из основополагающих его богословских тезисов) и безусловный «авторитет» («Кто утверждает, что Церковь есть авторитет, тот богохульствует»). В Церкви *живут*. И только эта жизнь в Церкви дает свободу, которая есть величайшее благо.

Хомякова часто упрекали в наклонности к «софизмам» и парадоксам. Но все эти парадоксы не разрушали прочности той основы, которая изначально была определена им для себя. «Действительно,— вспоминал его друг А. И. Кошелев,— он иногда как будто противоречил себе: так, в беседе с иными людьми он словно отделялся от Православной Церкви, нападая на некоторые ее обряды, на ее служителей и на подчиненное ее положение гражданской власти, и позволял себе все это даже осмеивать; в беседе же с другими людьми он крепко отстаивал необходимость соблюдения церковных обрядов и строго порицал тех, которые самовольно, или из пренебрежения, или из личной гордости, позволяли себе становиться выше Церкви и не исполнять ее установлений. В таких его речах было только видимое, а вовсе не действительное противоречие. Для Хомякова дороже всего была жизнь, правда, как в Церкви, так и в человеке. Когда он видел перед собою людей, для которых обрядность составляла суть Церкви, то считал долгом разить эту обрядность; когда же, напротив того, он встречал людей, которые, соглашаясь с главными догматами Церкви, с ее идеальною стороною, считали обряды принадлежностью толпы, а не развитой части исповедников, то он защищал обряды, будучи глубоко убежден в том, что мы, как люди, должны иметь и определенные осязательные формы для выражения наших чувств и убеждений, что мы обязаны дорожить связью с народом, отнюдь себя из него не исключать и быть с ним в возможно полном единстве. Он был душою предан свободе, всегда имел ее в виду и крепко за нее ратовал...[9]

Именно эта свобода поразила, например, Анну Федоровну Тютчеву. Получившая воспитание в Мюнхенском Королевском институте благородных девиц, наслушавшись «католических патеров», она, приехав в Россию, никак не могла понять существа Церкви, привыкнуть к ее обрядности — и небольшая брошюра Хомякова (изданная на французском языке в Париже в 1852 году), в которой содержалось краткое изложение догматов Церкви, «произвела (пишет Тютчев) целый переворот в моем нравственном сознании. После ее словам, этим немногим вдохновенным страницам, еще теперь слишком мало известным, предстоит огромное будущее; они явятся тем невидимым звеном, благодаря которому западная религиозная мысль, измученная отрицанием и сомнением, сольется с великой идеей Церкви — Церкви истинной Православной, Церкви идеальной, основанной Христом, а не Церкви, понимаемой как организация государственная или общественная. Я никогда не забуду, какой лучезарной радостью исполнилось мое сердце при чтении этих страниц, которые с тех пор я так часто перечитывала и которые всегда производили на меня то же впечатление глубокой содержательности... Таким образом, моя душа и мое сердце сроднились с Россией благодаря брошюрам Хомякова[10].

В своем приятии единой Церкви Хомяков неминуемо становился проповедником и в качестве такового мог встретить и всеобщее непонимание, и насмешки. Но никогда, не «становясь на ходули», он не менял единожды избранного пути. Пафос его проповеди — это упование на нравственную цельность и духовную наполненность человека, которые непременно придут к нему, как только он начнет «жить в Церкви». Именно к этому призывает Хомяков в послании «К сербам»:

«... имейте всегда в виду значение и достоинство веры. Весьма ошибаются те, которые думают, что она ограничивается простым исполнением или обрядами, или даже простыми отношениями человека к Богу. Нет: вера проникает все существо человека и все отношения его к ближнему; она как бы невидимыми нитями и корнями охватывает и переплетает все чувства, все убеждения, все стремления его. Она есть как будто лучший воздух, претворяющий и изменяющий в нем всякое земное начало, или как бы совершеннейший свет, озаряющий все его нрав-

ственные понятия и все его взгляды на других людей и на внутренние законы, связующие его с ними. Поэтому вера есть также высшее общественное начало: ибо само общество есть не что иное, как видимое проявление наших внутренних отношений к другим людям и нашего союза с ними»[11].

Вера есть единящее людей начало, основанное на любви к ближнему. Православная же Церковь, по мнению Хомякова, есть единственная Церковь, которая в полноте может осуществить этот нравственный принцип. И потому Хомяков готов защищать Православие, декларировать его преимущества, готов опровергнуть все попытки современных западных богословов поставить Православие ниже «папизма» (то есть католичества) или «реформатства» (протестантизма). Именно этому опровержению и посвящены были его знаменитые французские брошюры, печатавшиеся в 1852—1858 годах. Все они были написаны по конкретным поводам, но имели одинаковый подзаголовок: *«Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях...»* Православие выделяется Хомяковым потому, что только оно делает человека истинно свободным.

«Здоровое общество гражданское основывается на понятии его членов о братстве, правде, суде и милосердии; а эти понятия не могут быть одинаковыми при различных верах. Еврей и магометанин исповедуют единого Бога, как и христиане; но одинаковы ли их понятия о правде и милости с нашими? Конечно, скажут, что они не знают ни Таинства Святой и Приснопоклоняемой Троицы, ни любви Божией, спасшей нас через Христа, и что, следовательно, различие между ими и нами слишком велико; но мы знаем, что и у христиан, кроме истинной Православной Церкви, нет ни вполне ясного понятия, ни вполне искреннего чувства братства. Это понятие, это чувство воспитывается и крепнет только в Православии. Недаром община, и святость мирского приговора, и беспрекословная покорность каждого перед единым решением братьев сохранилась только в землях православных. Учение веры воспитывает душу даже без общественного быта. Папист ищет власти посторонней и личной, как он привык ей покоряться в делах веры; реформат доводит личную свободу до слепой самоуверенности, так же, как и в своем мнимом богопознании: таков дух их учения. Один только православный, сохраняя свою свободу, но смиренно сознавая свою слабость, покоряет ее единогласному решению соборной совести...»[12]

Путь земной жизни Хомякова оборвался неожиданно. Полный сил и здоровья, душевного и физического, отправился он осенью 1860 года в свои рязанские деревни. Там он заразился холерой и 23 сентября в одночасье скончался в деревне своей Ивановское, на руках соседа по имению.

За полчаса до кончины, приобщившись Христовых Таин, больной почувствовал себя легче, и сосед решил послать «добрую весточку» родным. Хомяков остановил его:

— Право же! — воскликнул сосед.— Посмотрите, как вы согрелись и глаза посветлели!

— А завтра как будут светлы!

Это были последние слова Хомякова.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и ниже «Предисловие» Ю. Ф. Самарина цитируется по изданию: Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1910, т. 2.

[2] Русское общество 40-50-х годов XIX в. Ч. 1. Записки А. И. Кошелева. М.: Изд-во МГУ, 1991.

[3] Из письма к А. Н. Попову 22 октября 1848 года. Здесь и ниже письма Хомякова цитируются по указанному изданию (Т. VIII. Письма).

[4] Русский инвалид. М., 1861, № 48.

[5] Отдел письменных источников ГИМ, фонд 178, ед. хр. 1, л. 50—50 об.

[6] Лясковский В. Алексей Степанович Хомяков: Его жизнь и сочинения. М., 1897, с. 36.

[7] Хомяков А. С. О старом и новом: Статьи и очерки. М.: Современник, 1988, с. 363. Далее послание «К сербам» цитируется по этому же источнику.

[8] Русское обозрение, 1897, № 4, с. 564.

[9] Русский архив, 1879, № 3, с. 281.

[10] Тютчев А. Ф. При дворе двух императоров. М.: Мысль, 1990, с. 7—8.

[11] Хомяков А. С. О старом и новом: Статьи и очерки. М.: Современник, 1988.

[12] Там же.

Из послания к сербам

С конца XIV века Сербия находилась в вассальной зависимости от Турции. В середине XV века Сербия была включена в состав Османской империи. В стране установилось турецкое господство, задержавшее экономическое, политическое и культурное развитие сербского народа. С конца XVI века сербы неоднократно восставали против турок, немалые надежды возлагая на помощь Русского государства и Русской Православной Церкви. Со второй половины XVIII века в освободительной борьбе сербов Россия стала приобретать все большее значение. Русско-турецкие войны создали объективные предпосылки для успешной национально-освободительной борьбы сербского народа. В связи с завершением русско-турецкой войны 1853—1856 годов национальные и межнациональные проблемы в Сербии обострились. В России в это время создавались Славянские комитеты для оказания помощи славянам. Велась подготовка к I съезду (собору) славян. В этой обстановке выдающийся славянофил А. С. Хомяков составил «Послание к сербам», опубликованное впервые в Лейпциге в 1860 году с параллельным сербским переводом. Подписали Послание Алексей Хомяков, Михаил Погодин, Александр Кошелев, Иван Беляев, Николай Елагин, Юрий Самарин, Петр Бессонов, Константин Аксаков, Петр Бертенев, Федор Чижов, Иван Аксаков. Таким образом, документ явился как бы завещанием А. С. Хомякова и его единомышленников всему славянскому миру.

Мы предлагаем вниманию читателей два отрывка из «Послания к сербам», которое содержит мысли, основанные на православной вере. Послание призывает к братству и милосердию, напоминает, что доброй цели невозможно достичь злыми путями, что гарант достижения общественного блага — цельность народа. К несчастью, многое из того, о чем писали наши предки, актуально и сегодня...

...Не насилием посеяно христианство в мире; не насилием, а побеждая всякое насилие, возросло оно. Поэтому не насилием должно быть охраняемо оно, и горе тем, которые хотят силу Христову защищать бессилием человеческого орудия! Вера есть дело духовной свободы и не терпит принуждения; вера же истинная побеждает мир, а не просит меча мирского для торжества своего. Поэтому уважайте всякую свободу совести и веры, дабы никто не мог оскорблять истину и говорить, что она боится лжи и не смеет состязаться с ложью оружием мысли и слова. Ревнуйте к чести Божией не робостью и сомнением в ее могуществе, но смелою и спокойною уверенностью в ее победе.

Но, с другой стороны, имейте всегда в виду значение и достоинство веры. Весьма ошибаются те, которые думают, что она ограничивается простым исповеданием, или обрядами, или даже прямыми отношениями человека к Богу. Нет. Вера проникает все существо человека и все отношения его к ближнему, она как бы невидимыми нитями или корнями охватывает и переплетает все чувства, все убеждения, все стремления его. Она есть как будто лучший воздух, претворяющий и изменяющий в нем всякое земное начало, или как бы совершеннейший свет, озаряющий все его нравственные понятия и все его взгляды на других людей и на внутренние законы, связующие его с ними. Поэтому вера есть также высшее общественное начало, ибо само общество есть не что иное, как видимое проявление наших внутренних отношений к другим людям и нашего союза с ними.

Здоровое общество гражданское основывается на понятии его членов о братстве, правде, суде и милосердии, а эти понятия не могут быть одинаковыми при различных верах. Еврей и магометанин исповедуют единого Бога, как и христиане, но одинаковы ли их понятия о правде и милости с нашими? Конечно, скажут, что они не знают ни таинства Святой и Приснопоклоняемой Троицы, ни любви Божией, спасшей нас через Христа, и что, следовательно, различие между ими и нами слишком велико, но мы знаем, что и у христиан, кроме истинной Православной Церкви, нет ни вполне ясного понятия, ни вполне искреннего чувства братства. Это понятие,

это чувство воспитывается и крепнет только в Православии. Недаром община, и святость мирского приговора, и беспрекословная покорность каждого перед единогласным решением братьев сохранились только в землях православных. Учение веры воспитывает душу даже без общественного быта. Папист ищет власти посторонней и личной, как он привык ей покоряться в делах веры; реформат доводит личную свободу до слепой самоуверенности, так же как и в своем мнимом богопознании. Таков дух их учения. Один только православный, сохраняя свою свободу, но смиренно сознавая свою слабость, покоряет ее единогласному решению соборной совести. Оттого-то и не могла земская община сохранить свои права вне земель православных, оттого и славянин вполне славянином вне Православия быть не может. Сами наши братья, совращенные в западную ложь, будь они паписты или реформаты, с горем сознаются в этом. То же окажется и во всех делах суда и правды и во всех понятиях об обществе, ибо в основе его лежит братство.

Да будет же всем полная свобода в вере и в исповедании ее! Да не терпит никто угнетения или преследования в деле богопознания или богопоклонения! Никто, хотя бы он был (чего Боже избави!) совратившийся с пути с истинного серб! Да будет он вам все еще братом, хотя несчастным и ослепленным! Но да не будет уже он ни законодателем, ни правителем, ни судьею, ни членом общинного схода, ибо иная совесть у него, иная у вас. Великий Апостол языков говорит: «Не стыдно ли вам, христианам, судиться перед язычниками? Пусть судят между вас братья». Поэтому иноверец должен быть для вас, как гость, охраняемый вами от всякой неправды и пользующийся всеми вашими правами в делах жизни частной, но не должен быть полноправным гражданином или сыном великого сербского дома, судящим с братьями в делах общественных. Бог избавил вас от внутреннего разъединения, не допускайте такого разъединения в самых недрах совести народной и общественного духа. Горько нам подумать, что не все славяне православные. Верим, что и они со временем все просветятся истиною; любим их душою и всегда готовы протянуть им руку братства и помощи против всех, но думаем, что они таким исключением оскорбиться не могут, и сами по любви к вам не захотели бы внести семена раздора и разномыслия в ваше общество.

Есть между вами богатые и бедные, точно так же, как сильные и слабые, здоровые и немощные, умные и глупые, но что бы вы сказали о законе, по которому велено бы было такому-то быть богатым, а такому-то быть бедным или такому-то умным, а такому-то глупым? Разумен ли был бы такой закон и согласен ли с христианством? Не все ли вы люди? Не все ли вы славяне? Не все ли сербы? Счастливы вы пред всеми народами в том, что всякий серб смотрит на серба, как на брата, равного ему, и нет между вами высшего или низшего, кроме службы обществу, которая определяет людям разные чины, по разным заслугам или потребностям государства. Сохраняйте это равенство, дорожите таким великим сокровищем! Не допускайте никаких законов, никаких мер правительственных, никаких обычаев, которые могли бы разрывать братство. Во всех других землях ввелось такое злое начало, что иной считается благородным, иной низким по крови: «такой-то мне не равен», или «такой-то не может быть в нашем круге, потому что он низкого происхождения», или «такой-то не смеет свататься за мою дочь, потому что он неблагородного дома», и так далее. Из великой неправды возникает великое общественное зло: гордость мнимовысших, злоба и зависть мнимонизших и, следовательно, раздоры и слабость общественная. Пусть это зло остается при тех, у которых оно уже существует и проистекло из истории. Не прививайте примера Польши, вам единокровной. Там немногие тысячи считали себя народом, а народ считали стадом, едва достойным имени человеческого; и вот, несмотря на все свои ратные подвиги, на все свое мужество, на свою славу, государство Польское пало. Не забывайте такого урока! Пусть судия судит, и правитель управляет, и князь княжит, как нужно обществу, но вне своей должности будет всякий серб, ныне и всегда, равен своим братьям.

Многому еще должны вы учиться, братья, у тех народов, которым Бог дал издавна свободу от внешнего угнетения и возможность посвятить мысль и дни свои усовершенствованию наук и художеств. Сами вы видите, и не нужно вам доказывать, какие силы наука дает человеку и как покоряет она ему самую природу. Но наука дает еще более: она расширяет

пределы Богом данного нам разума, уясняет наши понятия, просветляет наши умственные взоры, раскрывает тайны мира Божиего и чудеса Его творческой премудрости. Приобретать науку не только необходимо для жизни общественной, но и обязательно для исполнения воли Божией, давшей нам разум, как поле многоплодное, которое не должно лежать в залежи и порастать терниями невежества и ложных мнений, но украшаться жатвою знания и истины. Итак, мы говорим, что много добрых и полезных знаний еще должны вы приобрести от других народов (будь они немцы или иные) для достижения той степени умственного развития, к которой вы призваны. Но знание не есть еще истинное просвещение. Знание есть расширение умственного богатства, просвещение же истинное, сверх знания, заключает в себе развитие высших начал нравственных и духовных. Приобретение знания не многотрудно, приобретение же высшего нравственного развития есть высшая задача для человека, и многие люди, лишенные по обстоятельствам жизни знания научного, но глубоко проникнутые нравственным светом, ближе к полному просвещению, чем многознающие, но лишенные силы жизни духовной.

II

...По свету ходит об вас великая похвала, которую, как думаем, вы заслуживаете: это похвала чистоте ваших нравов. С нею связаны святость и крепость уз семейных, счастие и истинные радости жизни, здоровье народное и, прямо или косвенно, все начала общественного преуспеяния. Не умаляйте своей славы! Пусть будет без чести в обществе, кто не честен в своей жизни домашней. Тот, кто не имеет чистой совести или совести не слушается в своем деле личном, не послушается ее в деле общественном, и, следовательно, ему доверить нельзя, а показывая уважение к людям порочным, общество делается участником их пороков. Есть у многих народов нелепое и богопротивное мнение, что чистота нравов более прилична женщине, чем мужчине. Смотрите на такое мнение с презрением! От нравов мужских зависит нравственность женщины, а мужчине, сосуду крепкому и главе создания Божиего, требовать от сосуда слабого — женщины, таких добродетелей, которых в нем самом нет, есть дело не только неразумное, но и нечестное.

Будьте строги в суде общественного мнения: без этого не убережетесь от постепенной порчи нравов. Но не давайте воли неразумным подозрениям и недоверию, а исправляющихся не отталкивайте и не оскорбляйте. В суде же законном и уголовном будьте милосердны, помните, что в каждом преступлении частном есть бóльшая или меньшая вина общества, мало оберегающего своих членов от первоначального соблазна или не заботящегося о христианском образовании их с ранних лет. Не казните преступника смертью. Он уже не может защищаться, а мужественному народу стыдно убивать беззащитного, христианину же грешно лишать человека возможности покаяться. Издавна у нас на земле Русской смертная казнь была отменена, и теперь она нам всем противна, и в общем ходе уголовного суда не допускается. Такое милосердие есть слава православного племени славянского. От татар да ученых немцев появилась у нас жестокость в наказаниях, но скоро исчезнут и последние следы ее. Будьте, говорим мы, милосердны в наказаниях, но милосердие ваше да будет разумно. Лучше казнь по видимому строгая, но поражающая истинного преступника, чем мнимо легкая, но падающая на его семью. В таком наказании более неправды, чем милосердия. Многие ищут того, чтобы наказание было не унизительно для преступника, и думают, что в этом они следуют духу человеколюбия. Это великая ошибка. Всякое наказание (кроме духовного назидания) унизительно по тому самому, что оно есть насилие над человеком, но честь его уже нарушена преступлением, и наказание, будучи последствием преступления, имеет своею целью исправление и не прибавляет ничего к бесчестию, ибо человек бесчестится не тем, что терпит поневоле, а тем, что делает по воле своей. Всякое другое понятие прилично только людям, не верующим в достоинство духа человеческого, и годно разве для немцев, от которых оно и пошло, а не для славян. Правда и милосердие в наказаниях заключаются в том, чтобы невинный нисколько не страдал за виновного. Например, не более ли правды в суде китайском (хотя, разумеется, мы его не хвалим), по которому отцы отчасти наказываются за детей, которых они воспитали, чем в суде европейском, где дети отчасти наказываются за отцов, на которых они никогда не могли иметь влияния? Наказание, го-

ворим мы, не может быть унизительным для преступника, оно может только быть унизительным для самого наказывающего, но и в этом должно сохранять здравое понятие. Человек не унижается, исполняя горькую обязанность, налагаемую на него обществом и охранением спокойствия и жизни братьев. Часовой, стоящий у темницы и, так сказать, связывающий преступника, делается уже орудием казни, но он этим не унижается. То же скажем и обо всех временных исполнителях суда военного или общинного. Унизительно ремесло постоянного казнителя, посвящающего жизнь свою совершению казней над братьями, ремесло палача; везде он в презрении, как лицо безнравственное и унижающее человеческую природу, но достойны ли уважения те общества, которые сами созидают ремесло, унижающее человека, и потом презирают его за то, в чем сами виноваты? Это или лицемерие, или фарисейская неправда. Устройте уголовные законы так, чтобы у вас не было палача. Именем этого ремесла бесчестятся закон и общество, которым этот закон управляет. Наконец, дайте в суде более места совести, чем форме, и тогда суд сербский будет уважаться всеми народами. Так было исстари, в племенах славянских, так теперь в Англии, и она этим славится.

Еще скажем: да не будет у вас никакой торжественности в наказаниях, ибо всякое частное преступление и его наказание есть уже общее горе.

Дайте совести место и в суде гражданском. Стыдно, когда законный обряд в обществе более имеет значения, чем правда и добрая совесть, а это часто случается у других народов. Не развивайте у себя сутяжничества: оно противно миру и братолюбию. Мы думаем, что хорошо бы было, если бы всякий спор шел сперва на третейский суд, затем, если третьи несогласны между собою, пусть спор решается общиною, а если он происходит между членами разных общин, пусть он идет на суд людей посторонних, чтобы не было раздора между общинами.

Более всего держитесь всякого учреждения и всякого суда общинного. В нем более правды, чем во всяком другом, да через него и люди привыкают искать доброго мнения у братий своих. Где сход сельский или городской решает дела, там уже с ранних лет воспитывается в человеке здравое понятие о законности и справедливости, развивается разумное суждение и уничтожается гибельное и весьма обыкновенное у многих народов равнодушие к общему делу. Сход мирской есть для народа училище, которое выше всякого книжного воспитания и никакою книжною мудростию не заменяется. Мирскими сходами были спасены дух и разум русских крестьян, несмотря на рабство, в которое заковал их неправедный закон.

Желательно, чтобы сход решал дела приговором единогласным. Таков был издревле обычай славянский. От немцев перешел к славянам обычай считать голоса, как будто бы мудрость и правда всегда принадлежали большему числу голосов, тогда как действительно большинство зависит весьма часто от случая. Рассудите еще и о том, что где дела идут на решение большинством, в людях пропадает или, по крайней мере, слабеет желание убедить своих братьев, а следовательно, слабеет и самое стремление к согласию в совести и разуме. Если уже нельзя получить решение единогласное, лучше передать дело посреднику, излюбленному от всего схода. Совесть и разум человека, почтенного общим доверием, надежнее, чем игра в счет голосов. У англичан в суде уголовном требуется единогласие присяжных для осуждения, и их суд уважается всем миром.

Вы — христиане, вы — православные, да будет же у вас правда выше всего! Не верьте, чтобы какому-нибудь народу могла служить неправда основою долговечного успеха и счастия: она восстановляет против него чувство злобы в других народах и окружает его врагами. Много на свете людей, которые думают, что доброй цели позволительно достигать и злыми путями. Таково, как известно, учение иезуитов, но оно строго осуждается святым апостолом. Всякая неправда — от лжи и от темного духа, а его не заставишь служить свету Божию, разве побеждая его правдою. И перехитрить его нельзя, ибо весь ум его в хитрости. Если когда и кажется, что добрая цель бывает достигнута злым путем, это только обман, которому не должно поддаваться. От злых средств остается в самом добре закваска, чрез которую видимое добро обращается в неожиданное зло, и люди неразумные удивляются потом такой перемене, не рассуждая путей Божией правды, которая всегда неизменна. Мы смеем вас предостерегать в этом деле, братья наши сербы, потому

что некоторые из вас, как известно, привыкая к жизни других народов, привыкают и к хитрости их, особенно в сношениях дипломатических, и думают чрез нее послужить своему отечеству. Обманчива такая надежда. В хитрости нельзя победить ни иезуита, ни австрийца, но хитрость его легко победить прямодушием и простотою: в них сила, и сила истинная.

Вы создали у себя власть. Повинуйтесь ей и укрепляйте ее, дабы не впасть в безначалие и бессилие, но охраняйте также у себя свободу, и особенно свободу мнения, как словесного, так и письменного. Она созидает силу духа, царство правды и жизнь разума в народе. Без нее глохнут и умирают все добрые начала, как видно из опыта многих народов, и отчасти из нашего собственного. Она нужна гражданам и, может быть, еще более нужна самой власти, которая без нее впадает в неисцельную слепоту и готовит гибель самой себе.

Мы говорим: охраняйте свободу мнений и охраняйте ее не только от власти, но и от самих себя. Пусть высказывается всякое суждение, как бы оно ни было противно вам самим! Если оно справедливо — оно распространится к благу общему, если оно ложно — оно обличится также ко благу общему, ибо правда всегда разумнее лжи. Что же бывает там, где мнения не высказываются из страха? Справедливые пропадают, потому что они любят свет, а ложные, которые любят тьму, не будучи обличены, разрастаются, как скрытая язва, и заражают собою самые источники жизни. Выслушивайте все, обличайте неправду и вы победите ее своею верою в силу истины, которая есть от Бога.

Не говорите много о праве и правах и не очень слушайте тех, которые говорят о них, но слушайте охотно тех, которые говорят об обязанности, потому что обязанность есть единственный живой источник права. Знание собственного права в сильном ничего не значит, освящая только его волю, а в бессильном оно ничтожно по самому его бессилию. Знание же обязанности связывает сильного, созидая и освящая права слабых. Себялюбие говорит о праве, братолюбие говорит об обязанности.

Уважайте своих пастырей духовных! На них лежит великая ответственность перед Богом, и справедливо, чтобы они имели великий почет у людей, но не дозволяйте, чтобы они величали себя Церковью отдельно от народа. Будьте в этом ревнивы к своей чести, ибо вы все — члены Церкви Божией.

Наконец, всячески пекитесь об образовании и распространении знания во всем сербском народе. Старайтесь, чтобы оно могло быть доступно всем. Распространение всякого знания в народе требуется не только пользою общественною, но и самой справедливостью, ибо существование богатых и без того уже много имеет преимуществ перед жизнью бедных. Справедливо ли, чтобы богатые одни удерживали у себя и это великое сокровище — знание? Любите и поощряйте науку не только ради прямой пользы, которую она приносит обществу и частным людям в жизни общественной, но гораздо более ради того, что ею расширяется и укрепляется разум, великий Божий дар. Знайте и то, что там, где наука пользуется свободою и почетом ради самой себя, там она доброплодна и сильно содействует общественному благу; там же, где ее принимают как наемную работницу, там она бессильна и не приносит никаких плодов самому обществу. Это мы отчасти сами испытали и испытываем даже и теперь.

Сохраняйте же и развивайте у себя все добрые начала. Будьте верны Православию и едины в просвещении духовном. Не изменяйте никогда братскому равенству и будьте едины в цельности народной. Стремитесь к образованности и будьте едины в достижении всякого общественного блага и разумного совершенства.

(Текст печатается по изданию: Ранние славянофилы. (А. М. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. и И. С. Аксаковы). Сост. Н. Л. Бродский. М., 1910)

МИТРОПОЛИТ ВЕНИАМИН (ФЕДЧЕНКОВ)

На рубеже двух эпох

Церковные Соборы в Москве и Киеве

Что бы ни говорили, но Церковь во все времена имела то или иное значение не только в смысле чисто религиозном, но и общественном. Уже по одному этому мне нужно коснуться в своих записках Церковных Соборов — они считаются в православном мировоззрении высшим органом церковной жизни и власти. Тем более это интересно, что данные Соборы были связаны с революцией, как в смысле их происхождения, так и по отражению в них революционной эпохи. Наконец, как увидим, в них отразились и национальные, и социальные вопросы времени, и потому читателю стоит со вниманием отнестись к ним. В них много было предуказано из того, что потом будет осуществляться в жизни государства.

Конечно, многие мелочи у меня забылись, ведь уже прошло 26 лет со времени созыва Всероссийского Московского Собора и 25 с половиной — Украинского. На первом мне пришлось увидеть всю страну нашу и ее религиозных представителей, а на Украинском — украинцев. Весьма интересно, между прочим, как они будут относиться и к вопросу об отделении частей бывшей единой империи? Как отнесутся к социальным переворотам, февральскому и ноябрьскому? Как к ним отнесутся власти эпохи Керенского, Советская, Украинская Директория, Скоропадский, Петлюра, большевики, интеллигенты, народные массы? Как будут вести себя представители духовенства и мирян на Соборе, в частности крестьяне? Какие важные постановления будут вынесены на этих Соборах? Какая борьба была на них и почему? Каковы результаты их деятельности? Начну с того, когда и как возникли идеи созыва Соборов вообще.

В прежнее время, в допетровской Руси, Соборы Церкви были довольно частым и обычным явлением в церковно-общественной жизни. Таково было каноническое требование Церкви, таков был церковно-государственный строй старой Руси. Петр I оборвал эту традицию. Стремясь все централизовать в своем лице, поставив на первое место устроение государства и опасаясь влияния (особенно реакционного, но не только этого, а вообще всякого влияния) со стороны, он закрыл Соборы с 1700 года. Таким образом, их не было во все время императорского периода в течение 217 лет!

Уничтожил он силою и патриаршество, потому что в его лице видел себе конкурента по влиянию на жизнь и народ. Особенно был памятен период царствования отца его, Алексея Михайловича, над которым незаконно (даже с церковной точки зрения) взял огромную власть известный Патриарх Никон. И патриаршество заменено было коллективным, безличным Синодом.

Царь Петр повернул жизнь страны на западный протестантский лад. И конечно, Церковь была в этом случае не на его стороне. Но это — длинный вопрос.

Продолжение. Начало см.: ЖМП, 1993, № 2—7.

Так или иначе, но и Соборы, и Патриархи на Руси перевелись с 1700 года...

Когда же началась эпоха всяких освободительных веяний, особенно после первой революции 1905 года, движение это коснулось и Церкви. Заговорили о соборности, восстановлении патриаршества. Причем одни видели в этом этап освобождения Церкви из-под опеки государства, другие надеялись церковно-соборным путем подкрепить расшатывающийся русский организм. По указу царя Николая II была организована Предсоборная комиссия из способных архиереев, выдающихся религиозных мирян. Всем епархиальным архиереям приказано было на местах разработать проекты о нужных реформах Церкви. В результате накопилась огромная масса солидного материала. Но его напечатали и замолчали.

Был одно время даже слух в Санкт-Петербурге, будто царь Николай, уставiший от государственного управления, готов постричься в монахи, разойтись с семьей, передать царство наследнику, чтобы самому стать Патриархом. Откуда шли такие слухи, Бог весть. Теперь о них, вероятно, никто даже и не помнит, кроме автора этих записок. Но у меня остался в памяти один из мотивов такой идеи. Патриарх (Николай) должен быть не конкурентом заместителю царя, а помощником, кроме того, личность царя Николая поднимет значение Патриарха в глазах народа и его слово будет авторитетным. Одним словом, повторилась бы история с молодым царем Михаилом и его отцом Патриархом Филаретом[1]. А кажется, что еще более важным мотивом у защитников патриаршества было тайное желание привлечь царя такой комбинацией: пусть хоть сам он будет Патриархом, лишь бы согласился на восстановление канонического-патриаршего строя. Но потом замолкли и эти легенды. Прошел десяток лет, разразилась революция. Все стали требовать свободы. И Церковь — тоже. В правление Керенского был назначен в Москве Всероссийский Поместный Церковный Собор.

Интересно читателю, из кого он будет состоять. Состав всякого собрания определяет род работ и дух их.

Говоря вообще, Собор должен был состоять из архиереев, клириков и мирян. Епархиальный архиерей (должен быть по положению — он глава епархии) или заместитель его — викарный. Затем два члена должны быть от духовенства: один — от священства, другой (это уже дух революционного времени) — от «низшего клира», то есть диаконов и псаломщиков. И два члена из мирян. Всего пять. Кроме того, еще несколько членов было от церковных, государственных и общественных учреждений (Министерства исповеданий, Духовных учебных заведений, Сената, Думы, Университета, Московской Городской Думы и проч.). Были представители военного духовенства во главе с протопресвитером и выборные от солдат и матросов (очень немного). Были представители от монастырей, представители от других Православных Церквей. Наконец, были назначенные специалисты: чиновники Синода, профессора и т. д. Всего в Москве собралось больше 300 человек со всей страны, начиная с Владивостока до польских губерний, не занятых немцами[2].

Способ выборов по епархии был трехстепенным: по селам, городам и, наконец, в губернии. Благодаря этому прошло сравнительно очень немного мирян из крестьян, так как на трех выборах их побеждали конкуренты из интеллигентных лиц (профессора, преподаватели Духовных школ и т. д.). Насколько помню, из 300 членов Собора было не более 40 крестьян. Весьма много прошло преподавателей Духовных Семинарий, профессоров. Однако мирян и духовенства было приблизительно поровну с перевесом в сторону последнего. Но это было не к худшему, а к лучшему, потому что «духовные» преподаватели дали значительный элемент классово-либерального (кадетского) настроения. Духовенство же было представлено людьми положительными и церковно ответственными, за исключением нескольких демагогов правого и левого крыла. Архиереи в массе были люди серьезные, осторожные, хотя немного из них было активных. Крестьянский состав был духовно прекрасный, за исключением единиц.

Расскажу, как попал на Собор лично я. Это характерно для того времени.

Как сказано, из епархии выбиралось по два клирика и мирянина. Будучи тогда ректором Тверской Духовной Семинарии, в монашеском сане архимандрита, я по курии от мирян не мог пройти по закону. По курии от духовенства тоже не было надежды, потому что невозможно было и думать, чтобы «белое»,

то есть женатое, духовенство избрало представителем монаха. Это и естественно. Что касается «революционных диаконов и псаломщиков», как тогда говорили про них, менее всего можно было бы думать, чтобы они отвлеклись от своих «пролетарских представителей в пользу монаха-ректора. Ведь им нужно было «бороться» против привилегий (материальных, главным образом) священников. Ну какой защитник им был бы ректор, второе после архиерея лицо в епархии, как говорилось про нас. Потому я с одним или двумя другими педагогами по выборам семинарской корпорации преподавателей прошел лишь как выборщик. Один день я участвовал на собрании, где было несколько сот человек. Но на следующий, когда должны были выбирать от низшего клира, я был приглашен служить на престольный праздник в Симеоновском храме. После торжества я даже не поехал на выборы. Не все ли равно, какой из псаломщиков попадет на Собор? Отправился домой в ректорскую квартиру и хотел отдохнуть. Вдруг стучится один из псаломщиков г. Кашина, бывший мой ученик по этой Семинарии, очень милый молодой человек и предлагает неожиданную комбинацию: поставить мою кандидатуру — от дьячков!

— Что вы?! — говорю.

— Да вы только согласитесь, а мы вас проведем!

И усердно меня просит. Оказалось, выставленный низшим клиром кандидат диакон Соболев, хороший человек, не собрал и половины голосов. Кто-то выставил меня, но я не был тогда на собрании, что запрещалось законом. А по наказу голосует все собрание в целом. По тому же наказу (чем уж руководствовались составители?) об этой курии говорилось, что представителем своим низшие клирики могут выбирать духовное лицо в любом сане, кажется, от архиерея (викарного) до псаломщика в пиджаке.

На настойчивые и ласковые просьбы своего бывшего семинариста, приехавшего делегатом от какой-то группы моих приятелей, я дал согласие, скорее, чтобы отвязаться от милого друга.

— Когда возобновится собрание?

— В четыре часа вечера.

Но, не веря в свои выборы, я намеренно запоздал и приехал в пять. Вошел в залу. Как раз шли речи о моей кандидатуре. Огромное большинство батюшек и псаломщиков, тем более крестьян-выборщиков, видели меня впервые. Председательствовал, насколько помню, викарный епископ Арсений (Смоленец). Мне предложили выступить. Я сказал, в сущности, следующее:

— Вы же должны знать, кого выбираете? Что я за человек? Заранее говорю и псаломщикам, и отцам диаконам, и всем вам, я не могу быть и не буду защитником чьих бы то ни было сословных интересов (священников или псаломщиков). Нужно защищать Веру, Церковь, Родину. Вот если хотите при этих моих взглядах выбирать, то выбирайте.

— Нам только и нужно! — раздались голоса из крестьянских рядов.

И огромным большинством собрания я прошел «от дьячков».

На Московском Соборе, кажется, еще одно духовное лицо прошло подобным образом — архимандрит, настоятель монастыря в Костромской епархии. Прекрасная душа! Другие члены из низшего клира были, в общем, хорошие люди, совсем не социал-дьячки.

Так неожиданно я попал в выборную четверку и очутился на Поместном Соборе в Москве 1917—1918 годов.

На Украинский Киевский Собор 1918—1919 годов я попал иначе...

О Московском Соборе остались замечательно верные и подробные протоколы. Со временем по ним будет составляться история Церкви этой эпохи.

Я не буду говорить о разных комиссиях и многочисленных деяниях Собора. Отмечу лишь наиболее важные и то, что было более связано с тем историческим моментом и с государственно-общественными вопросами.

Вот первое богослужение в Успенском Кафедральном Московском соборе в Кремле. Я стоял на левом клиросе среди других духовных. Рядом с нами было царское место — красивый резной золоченый балдахин (навес.— *Ред.*). А в другой стороне, около правого клироса, было Патриаршее место, более простое, даже архитектурно аскетическое, старинное, древнее. И оно было пустым 217 лет. И все же стояло, дожидаясь своего времени.

Стоит обратить внимание на это расположение мест. Патриаршее — на правой, более важной стороне, а царское — на левой, второстепенной. Это так не мирилось с воззрениями пережитого императорского петербургского периода, преимущественного господства государства и государей: они — везде выше всего! И даже в ектениях на службах их то ставили на второе место, после Синода (на великой), то на первое (на сугубой), а после (!) — Синод. Непосредственно же за Синодом — «еще молимся о всем их христолюбивом воинстве». Чьем «их»? Ясно — государя и его фамилии, которые поминались перед Синодом. Но поставили незаконно Синод после царя, и воинство оказалось и царским, и синодским... Бессмыслица! А все от того, что господствовало государство над Церковью и всюду представители его становились на первое место. Но вот этот патриарший трон на правой стороне самым фактом свидетельствовал, что в Церкви первое место принадлежит Главе Церкви, а не государству. И нужно было бы хоть в храме дать представителю Церкви свое место. Увы! Петр I место оставил, а Патриарха уничтожил. Но и сам не стал на его место, хотя говорил иногда с самоуправством: «Я вам царь и патриарх»... Цари прекратились, а «пустое» место пережило их... Это я еще прежде пережил в том же Успенском соборе. Как я рассказывал прежде, в главе о двух революциях, шли уже речи о гибели династии. Под праздник Рождества я ночевал в Кремлевском Чудовом монастыре, бок о бок с Успенским собором и колокольней Ивана Великого. Около часу ночи вдруг раздался визжащий гул главного колокола «Параскевы» (если не изменяет мне память, в 4 тысячи пудов, упавший царь-колокол, доселе стоящий на земле, весил 12 тысяч). Было же такое время, что лили такие колокола! Когда я в Сербии говорил о нем, не верили селяки: у них все на килограммы. Следовательно, 12 тысяч пудов — 192 тысячи килограммов. Астрономическая цифра. Но и «Параскева» — ужасный зычный звон. Все звенело кругом... Я проснулся и сразу в Успенский собор. Народ лишь собирался: входили шубы, полушубки, валенки, платки, мало интеллигентных пальто. Горят свечи. Блестит всюду золото и позолота. Протопоп — «царь-поп» называли одного из них огромной величины, был и «царь-диакон», архидиакон Розов[3], колоссального объема и большущего голоса,— с очередным протодиаконом ходит по церкви, со звоном цепочек кадя иконы и людей (они тоже иконы, то есть «образ «Божий» в них). А в это время на левом клиросе высокий, худой, белобрысый диакон, кажется, по фамилии Ризположенский, громким и сухим басом бубнил псалмы великого повечерия. Не думает он о выразительном чтении, о том, чтобы все эти чуйки и платки понимали читаемое, это не требуется! А требуется все выполнять так, как было и 200 лет назад, и 500, и тысячу... С Ольги и Владимира. И при греческих, и русских Патриархах, и при Грозном, и при Петре. Читали громко, без чувства, а серьезно, строго, по заведенному веками речитативу. В храме и говорится все по-иному, чем в миру — никаких вольностей, ничего своего, отсебятины. Как в армии: воины отвечают начальству на одной ноте.

Я слушал этот исконный речитатив и думал: «Вот меняются эпохи, а Церковь стоит две тысячи лет! Уходят цари, а она все остается! Меняются режимы и социальные формы, а здесь тысяча лет, две тысячи ведется одинаковый способ служения. Да, Церковь прочнее государственных форм правления!

Вот-вот начнется революция (она началась через два месяца после этих дум). Все зашатается, развалится, разобьется вдребезги (на время), а Церковь устоит... И по-прежнему дьячки будут бубнить по-дьячковски, точно и не случилось ничего особенного за толстыми столбами этого храма. Переменились декорации, а суть все та же. И Церковь всегда будет делать свое вековечное дело до конца мира, у нее есть свое собственное дело — душа человеческая...»

Ворочусь назад. За царским троном, возле левого клироса стояла группа властей. Керенский, выбритый, в военном френче, с измученным лицом, на котором я ничего не мог прочесть, кроме беспокойных и непрекращающихся дум, мыслей и мирских чувств. Не заметно было сердечного молитвенного настроения, хотя он, как мне лично известно от него самого, верующий христианин. Рядом с ним — министр исповеданий, вместо царских обер-прокуроров Синода, бывший профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии А. В. Карташев[4]. Других не помню.

Для заседания Собора приспособили епархиальный дом возле Каретной-Садовой, недалеко от Самотеки и Сухаревки. Впереди были возвышенные места для

президиума и архиереев, сидевших лицом к членам Собора. Сзади епископов — алтарь. Все мы находились как бы перед лицом Самого Бога.

Порядок заседаний взят был с распорядков Государственной Думы. Все шло гладко. Ответственным секретарем Собора был избран член Думы Шеин, после расстрелянный в Санкт-Петербурге при процессе над митрополитом Вениамином в связи с изъятием церковных ценностей. В его распоряжении были целый штат чиновников синодальных канцелярий.

Председателем Собора был избран митрополит Московский Тихон, товарищем его — митрополиты Антоний (Харьковский, потом Киевский) и Арсений Новгородский и по два члена от духовенства и мирян. В числе последних были избраны профессор Московского университета и член Государственного Совета Е. Н. Трубецкой и обер-прокурор Синода А. Д. Самарин. Оба эти имени встречались уже раньше.

Соборяне расписались на разные комиссии: административную, епархиальную, приходскую, учебную, богослужебную, экономическую и т. д. Самой многолюдной и живой оказалась первая — о высшем управлении Церкви.

Вот это я считаю важным и характерным для момента прежде всего. Как-никак, но собрались представители со всей России, из разных сословий, и большей частью выбранные народом. Притом это были не мальчики — революционные головорезы, а народ солидный, опытный, осторожный, и потому стоит прислушаться, чем же они занялись в первую очередь? Что их интересовало горячей всего?

— Патриаршества! Восстановить Патриарха!

Сколько речей было сказано за и против этого! Все они напечатаны в протокольных Деяниях Собора. То было уже давно. Мне, спустя 26 лет, хочется теперь спокойно, как бы со стороны, кратко разобраться, в чем была соль вопроса? И как это связано с историческим революционным моментом?

На Соборе были два течения вообще, и особенно они обострились почему-то около вопроса о патриаршестве. Огромное большинство, почти 9/10, были за него, а 1/10 — против. Я был в первой части. Мы различали эти течения по старому политическому признаку — либерализму. Большинство было, в общем, консервативно, но в хорошем смысле этого слова: было по сердцу добрым, желало помочь устроению жизни, готово было к жертвенности, не гордилось собою, считалось с братским мнением других, было достаточно свободно в своем понимании окружающих обстоятельств. Обычно слово «консерватор» считалось в русском интеллигентском воззрении синонимом тупости, злости. По совести сказать, на Соборе было как раз обратное. Вот либералы (они почти все вышли из преподавательской, отчасти и профессорской, среды духовных школ) были действительно раздражены, злобны, упорны в своем либерализме, партийно нетерпимы и просто злостно тупы. Конечно, они не согласятся с такой моей характеристикой, но пишу не для самооправдания, а для истины (как я ее и тогда воспринимал, и теперь вспоминаю). Одно, во всяком случае, было очевидно, и тут либералы согласятся, вероятно,— они очень не любили повиновения, послушания, признания авторитетов, любви и уважения к начальству. Наоборот, всячески унижать все, что выше их, лишать прав, ограничивать, отвоевывать привилегии самим себе, командовать над другими — вот их свойства. И чего бы ни коснулось, они готовы тотчас же в злобный бой против иномыслящих. Сколько тяжелых дней мы пережили в этой борьбе с ними! Как они отравляли наш общий созидательный дух своими разрушительными речами и ядовитой слюной. Но к счастью, либералы оказались в незначительном меньшинстве. Однако, как люди с самоуверенным духом, большими знаниями и способными развязными языками, они производили большой шум: и по количеству подобных ораторов (они всегда выступали!), и по горячим речам их — иногда казалось, будто чуть не весь Собор мыслит так, как они звонят. Но когда дело доходило до решения, то мы, к нашей радости, видели, что эта десятая частичка Церковного Собора оставалась в меньшинстве.

Что же заставило нас, большинство, стоять за патриаршество?

Думаю и вспоминаю теперь, что не речи, не доводы умных ораторов побудили нас отстаивать его, а ДУХ. Речи же были тогда выражением наших сердечных настроений и желаний. У либералов был тоже свой разрушительный дух, который толкал их на оппозицию.

Что же нам нравилось в патриаршестве? Не сразу отвечаю я себе даже и сейчас.

А хорошо помню, да и теперь вот переживаю это чувство, что нам хотелось Патриарха. Некий духовный инстинкт требовал, чтобы этот начальник был, существовал, действовал. В Патриархе мы предчувствовали организующий творческий принцип власти, без него слабость или еще хуже, борьбу анархий. Мы, как разумные пчелы, искали матку, чтобы спокойно делать каждому свое дело.

Притом Патриарх мыслился нами не учителем, а непременно отцом, заботливо носящим нас в сердце своем.

Дальше, эту нашу «матку» мы выбираем сами же, всей Церковью, на специальном Соборе, никто не навязывает его нам, но, добавлю, этого эгоистического мотива «мы сами» — у нас не было.

А еще нам хотелось, чтобы он был не пустой пешкой, а обладал бы, был наделен полнотой власти. Пусть выше его — общий Собор духовенства и мирян, но во время управления (между Соборами) Патриарх есть сила, иначе незачем было бы иметь его, и подотчетность Собору лишь вносила бы контроль в единство со всеми, но не ослабляла организующего творческого его права и отеческого руководства.

Так или иначе, но Собор изволил «быть патриаршеству», восстановить уничтоженное Петром возглавление Церкви каноническим Патриархом.

Причем же тут революция?

Восстановление патриаршества было тоже своего рода переворотом, который уничтожал прежний синодальный двухвековой период и возвращал жизнь Церкви к ее многовековым устоям: быть главе над церковным обществом! И этому содействовала революция тем, что развязала руки Церкви. Вот странный исторический парадокс: безрелигиозное революционное движение помогает лучше организоваться церковному обществу, дав ему свободу самостоятельности, чего не хотели давать цари.

Такова первая существенная связь патриаршества и революции. Вторая же вызывалась временным разрушительным свойством всякой революции — анархией. Мы настолько ясно чувствовали всю опасность и зло этой стороны революции, что у нас еще сильнее обострилось желание твердой организации, упорядоченности. Это понятно. Нам хотелось власти!

Тем более что в царский период над Церковью был административно-полицейский контроль, опека и поддержка государственной власти, а теперь новая власть (еще при Керенском, а потом и Советах) своим законом об отделении Церкви от государства поставила Церковь в новое положение, когда она должна надеяться лишь на саму себя, а не на внешнюю защиту. А для этого необходимо ей самой сильнее организоваться и напрячь энергию.

Интересен еще один вопрос. А как отразится концентрация церковных сил и организация их на той революции, которая волей или неволей содействовала этому? Ответом будет все поведение Церкви, о котором речь впереди. Сейчас же можно сказать, что Церковь оказалась лояльной по отношению к власти, и это имело некоторое (а впоследствии даже и немалое) значение для социальных реформ страны, впрочем, власть — даже и при Керенском — не придавала значения церковному поведению, будучи уверенной, что Церковь не захочет и не сможет остановить судеб революции.

После двух месяцев речей «за» и «против» патриаршество было восстановлено огромным большинством Собора. Противники? Сразу утихли... Да и что же им оставалось делать?

И безотлагательно занялись выбором кандидатов. Порядок избрания, как известно, был таков. Собор общим голосованием именует кандидатов. Трое из получивших больше половины голосов являются кандидатами. Это все — человеческое действие. А последний и главный момент вручается Воле Божией: решается вопрос о Патриархе жребием. Поэтому никто заранее не может знать, кто будет им?

При первой же голосовке сразу же был избран митрополит Антоний (Харьковский, впоследствии Киевский). Он был всегда самым горячим идейным защитником патриаршества. Вторым кандидатом был избран митрополит Новгородский Арсений, фактический руководитель соборных заседаний (вместо председателя митрополита Московского Тихона). А потом получился затор: названные кандидаты никак не могли получить больше половины голосов Собора.

А в этот момент как раз шла последняя фаза борьбы в Москве между большевиками и последними защитниками Керенского («юнкерское» восстание). Как я уже писал, я эти один-два дня как раз был в Кремле. После временной победы юнкеров мы с архиепископом Тамбовским Кириллом с трудом добрались до Собора, и при нас состоялся последний акт выборов. Третьим кандидатом оказался митрополит Московский Тихон, и именно он был поименован жребием в Патриархи. Митрополит Антоний после уехал за границу и все время до своей смерти вел враждебную борьбу против советской власти. Митрополит Арсений был сослан в Туркестан и там умер. Так исполнилось слово Евангелия: *Последние будут первыми, и первые — последними*[5]...

Советская власть взяла верх. Избрание Патриарха совершилось под гром выстрелов. Какой тут смысл и Промысл Божий!.. И почему именно этот момент совпал с победой большевиков? Что это значит?..

Взяв власть, большевики ни единым жестом не проявили враждебного отношения к Собору, хотя довольно было простого слова их для его роспуска. И конечно, никто бы и пальцем не шевельнул в защиту его...

В день интронизации (по старославянскому: «настолования») Патриарха 21 ноября (ст. ст.) по просьбе Собора было дано нам совершенно исключительное разрешение совершать службу в Кремлевском Успенском соборе, хотя во все прочие дни для всех других Кремль был закрыт.

После интронизации Патриарх Тихон, по старинному русскому обычаю, объезжал вокруг Кремля, где приветствовал его народ. То же самое разрешила советская власть и теперь...

В этот момент ко мне, за стенами Кремля, подошел крестьянин, кажется ярославец, и с хитроватой улыбкой говорит тихо:

— Ну, слава Богу! Патриарх теперь у нас есть... Вот бы теперь еще... хозяина!

То есть царя. Это мне показалось совершенно неожиданным, так как ни у кого из нас, соборян, и мысли о царе не было. Но записываю то, что было... Многие ли так думали? Едва ли!

Вторым, весьма важным моментом деятельности Собора было установление взгляда и поведения Церкви по отношению к советской власти.

При борьбе Советов против предшествующей власти Керенского Церковь не проявила ни малейшего движения в пользу последнего. И не было к тому оснований. Когда Советы взяли верх, Церковь совершенно легко признала их власть. Не был исключением и митрополит Антоний, который после так ожесточенно и долго боролся против нее вопреки своему же прежнему воззрению.

Но еще значительнее другой факт. При появлении новой власти всегда ставился вопрос о молитве за нее на общественных богослужениях. Так было при царях, так, по обычаю, перешло к правлению Керенского, когда Церковь вместо царя поминала «благоверное Временное правительство», так нужно было поминать и новую власть. По этому вопросу Собором была выработана специальная формула, кажется, в таком виде: «О стране нашей Российской и о предержащих властях ее».

Следовательно, все те раскольники, которые за границей через Церковь продолжают бороться против советской власти, идут против прямой воли высшего Церковного органа — Собора. И сам Антоний, и теперешний его заместитель Анастасий[6] (в Сербии), и американские отщепенцы.

На следующем месте, по важности дела, нужно поставить участие мирян в церковном управлении, начиная с Высшего Церковного Совета (при Патриархе) и кончая епархиальными собраниями, епархиальным советом, а также приходскими организациями. Это было великой новостью в церковной жизни. Особенно сильно это отразилось в простых приходах, где большинство членов в епархиальных советах были из мирян. Это имело чрезвычайно благотворное значение: во время продолжающейся революции эти миряне не только спасали веру и Церковь, но и беззащитное духовенство. И можно сказать, эти церковные миряне, вслед за лучшими духовными руководителями, вынесли Веру и Церковь на своих плечах. Правительство с народом считалось больше, чем с официальными служителями Церкви, духовными людьми, которые к тому же были потом переведены в класс «лишенцев», то есть лиц, лишенных государством многих гражданских прав.

О преобразовании наших семинарий в специальные пастырские школы я говорил ранее. Была принята компромиссная формула: оставить и старые школы, но насаж-

дать по возможности и новые. Однако советская власть прикрыла все. Таков был Промысл Божий об отжившем типе классовых семинарий, которые не столько приготавливали пастырей, сколько давали дешевое образование детям духовного сословия, которые потом уходили на все стороны, и лишь 10—15 процентов из них решали «идти по духовной дороге» отцов своих.

Достойно внимания решение Собора об облегчении и умножении поводов к брачным разводам, что защищали интеллигенты, но против чего протестовали письменно члены Собора — крестьяне. Это очень характерно! Здесь сказывалась крепость брака среди народа, и можно предвидеть, что простые люди ненадолго увлекутся «свободной любовью», а возвратятся к здоровым формам единобрачия. Так и случилось... Между прочим, эта группа (почти всех) крестьян при подаче письменного заявления-протеста выбрала меня лидером. Вспоминать об этом мне отрадно и теперь: народ всегда чувствовал доверие ко мне... Но Собор не послушал селяков, остался при принятом решении о более легких разводах. А политическая власть дала полную свободу в брачных делах. Но после и она стала вводить ограничения в безмерную распущенность «новых веяний». И здесь есть основания утверждать, что мораль семейная в России стоит выше, чем в других странах, даже тех, где существуют ограничительные законы.

На этом я кончу воспоминания о Московском Церковном Соборе. Вне всякого сомнения, он имел чрезвычайно важное значение для Русской Церкви, поставив ее на собственные ноги во внутренней жизни и дав ей четкую организацию, начиная патриархом и кончая простыми женщинами, членами приходских советов. Живым силам Церкви теперь была дана возможность проявлять энергию на созидание Веры, Церкви и охраны духовенства.

А времена приходили страшные...

Прекратился Собор после 9-месячной работы сам собою: за исчерпанием главных вопросов, а также по недостатку церковных средств.

Я после Пасхи вынужден был уезжать к себе в Семинарию, в Крым, и последних дней Собора не видел. Кажется, они были бледны, членов было уже немного. Революционная междоусобная борьба разгоралась все сильнее, лучше было разъезжаться по домам и там ждать развития сложных политических событий.

На юге России удалось нам получить два важных акта от Патриарха, имеющих не только церковное, но и общественное значение. В 1919 году он издал указ, чтобы служители Церкви не вмешивались в политическую борьбу, а занимались бы своим прямым делом: богослужением, проповедью Евангелия, спасением души[7]. До Крыма этот акт дошел уже во времена Врангеля, когда Церковь принимала довольно деятельное участие в политической борьбе против советской власти и в поддержание «белого движения». Прочитали мы его на заседании Синода и постановили положить, как говорилось в старые времена, «под зеленое сукно», не объявляя народу, чтобы не вызвать смущения. В оправдание свое мы решили, что этот указ касается тех областей, где существует советская власть, и не может распространяться на местности, где господствуют белые. Почему? Потому, что наше отстранение от участия в «белом движении» было бы истолковано как несогласие с ним и даже как сочувствие красным и вообще могло повредить добровольцам. Говоря кратко, мы были бы нелояльными к нашей местной власти. А это было бы очевидным противоречием. К красным — лояльны, а к белым — оппозиционны. Да и не могли мы исполнить такого указа, так как это «белое движение» отвечало и собственно нашим симпатиям, и интересам Церкви.

Меня, однако, немного обеспокоило подобное наше непослушание Патриарху: все же это был указ Главы Церкви, посему мы обязаны были прежде всего повиноваться, тем более что в нем не указано было ничего о границах действий. Но иначе поступить, как скрыть этот акт, мы не могли в то время. Теперь я думаю, что и сам Патриарх не мог иметь в виду белых территорий: он был человек в высокой степени реальный, благоразумный и практичный, а потому не мог не понимать, что подобного указа мы не в силах были бы исполнить. Даже советская власть не могла претендовать на неисполнение нами этого указа и никогда не ссылалась на него в борьбе с белыми. Впрочем, она никогда не опиралась (в то время) на религиозные акты, держалась основной своей позиции — отделения Церкви от государства.

Есть у меня и косвенное подтверждение такому моему мнению. Однажды

княгиня Б. пробралась, одевшись простой бабой, через границу и добралась до Патриарха под предлогом разрешения какого-то вопроса о браке. На самом же деле ее целью, вероятно с согласия генерала Врангеля, было исхлопотать от него благословение нашему главнокомандующему на дело борьбы с красными и иконочку. Разумеется, все это должно было быть в строжайшем секрете, лишь для духовного ободрения вождя, а не для публичного оглашения. Последнее было бы нелояльным по отношению к советской власти и грозило бы Патриарху расстрелом. Княгиня Б. воротилась и сообщила, что Патриарх Тихон отказался исполнить просьбу, сославшись на простую опасность, и даже привел ей аналогичный случай, что его о том же просил и адмирал Колчак. Сочувствовал ли он когда-нибудь в душе своей Колчаку, Деникину и Врангелю? Не знаю. Вероятно, сочувствовал. Мы все тогда были на стороне белой, «верующей» власти, а не на стороне безбожников.

Знал он, что и я тесно сотрудничаю с Врангелем, и сказал княгине: «Жаль, жаль». Но чего? Не того, что я принимаю участие, и не того, что я и другие архиереи не исполняем его указ 1919 года (об этом не было сказано ни одного намека ей), а практической опасности: «Подавал надежды,— сказал Патриарх, помня о моей активности на Московском Соборе,— а теперь может погибнуть». То есть он не верил уже в победу белых, а видел силу красных, ожидал конца нашего движения, жалел, что и я могу быть убит, расстрелян. Слава Богу, опасения его оказались неверными.

Но вспоминается и другой случай, противоположный.

Когда белые в своем походе дошли уже до Орла, то предложили епископу Орловскому Серафиму (Остроумову)[8] отслужить публичный благодарственный молебен. Он отказался. Вероятно, потому, что не верил в прочность белых. Через некоторое время они покатятся назад, а ему (если останется) придется отвечать перед красными за такой молебен. К чести белых, нужно сказать, что они были недовольны таким поведением архиерея, но не применили к нему никаких репрессий. А скоро они действительно стали отступать, бросив и Орел, и архиерея на произвол судьбы. А отслужил бы он молебен, пришлось бы и ему испить чашу беженства по чужим странам, которую вот мы пьем уже двадцать четыре года... Ссылался ли епископ Серафим в своем отказе служить молебен на указ Патриарха 1919 года, не знаю, едва ли. Просто он был благоразумным политиком.

А второй акт, изданный Патриархом вместе с Синодом, касался внутреннего управления Церкви в отделившихся областях. Всякая организация нуждается в высшем органе. Таким после Собора 1917—1919 годов был Патриарх со Священным Синодом из архиереев и Высшим Церковным Советом с участием духовенства и мирян. А в важнейших случаях все они собирались на объединенное заседание и решали дела совместно.

В областях, занятых белыми, такого центра не было, и Патриарх издал указ, чтобы тут соседние епархии организовывали церковные округа под председательством старейшего архиерея и создавали временный церковный центр. Но при этом было точно сказано, что этот указ распространяется только на те области, где по военным причинам была прервана территориальная связь с Патриархом и Патриаршим центром, Москвой. А потому, как только эта связь восстановится — территориально или почтой — данные временные организации должны немедленно связаться с Патриархией и представить ей отчет о делах временного перерыва.

Указ разумный и ясный. Но чего только не натворили из-за него эмигранты-отцы и политики-миряне, враги большевиков! Например, по окончании гражданской войны заграница могла уже сноситься с Патриархом Тихоном по почте, а иногда и через посредников. И когда это было выгодно эмиграции, то такие сношения признавались законными и Патриарха слушали. Но если что-либо не нравилось эмигрантам, тотчас же пускался в ход этот патриарший указ, что-де при невозможности сношения заграница должна управляться самостоятельно.

Когда же им указывали, что указ имеет в виду чисто физическую (территориальную) невозможность сношений, то антисоветчики, как бессовестные иезуитские или еврейско-талмудические толковники, «разъясняли», что хотя и есть сношения, но Патриарх не свободен духовно в своей воле, а потому нужно считать, что это все равно, как если бы не было и физического общения с центром!

Ах, лицемеры, лицемеры!.. Меня всегда такая перетасовка истины с ложью страшно раздражала и раздражает. Я понимаю, что всякий может не соглашаться и с Патриархом: мы, православные, не признаем католической «непогрешимости Пап», но так тогда и следует говорить открыто: не принимаем! А между тем в одном случае эти лицемеры прикрываются тем же законом, который они нарушают... Как же тут не возмущаться?!... Они вводят в заблуждение не только несведущие массы, но даже целые суды. В Америке на основании именно этого указа «карловацкие» архиереи — Аполлинарий, Тихон, Виталий[9] — выигрывали даже судебные процессы кое-где. А в других хотя и проигрывали, но упорно заявляли, что они исполняют патриаршую волю. И оказывалось, что Патриарх издал указ против самого себя. Вместо пользы получался вред от разделений, расколов, вражды! Ах, лицемеры, лицемеры! Как фарисеи искажали Закон Божий, так и они играли указами, как им хочется! Когда же будет им конец?!

Да, тысячу раз правы те, кто говорит:

— Человек не так хочет, как думает, и наоборот: думает так, как ему хочется! Язык и слова наши нередко являются прикрасою лжи.

И Сам Христос сказал: «От сердца исходит помышление». «Законы-то святы, да исполнители их — супостаты»,— говорит пословица.

А что еще страшнее, так это то, что такие люди, искажая истину, сами начинают «искренно» верить в «правду» своей лжи. Тут уж начинается грех против Бога, Истины, «хула на Духа Святого».

Подобная же история, только в большем масштабе, разыграется потом, в 1921 году, за границей по поводу третьего Собора в Карловицах (Югославия) и по поводу указов о лояльности к советской власти. Об этом расскажу в следующих главах.

Но как бы ни искажали лицемеры постановления и законы Собора и Патриарха, все равно, должен заявить, что они имели, имеют и будут иметь огромное значение в церковной жизни нашей страны. Церковь вступила на собственный канонический путь, она сама организовалась прочно, будучи возглавляемой отцом и Главою, Патриархом, к участию в церковной жизни привлечены священники и миряне, давшие ей большую мощь. И можно сказать: Сам Дух Божий изъявил Свою волю на этом Московском Соборе к благоустроению Церкви и на пользу Родине. Это теперь, в 1932—1941 годах, стало особенно очевидно, как объяснится дальше.

Перейду к описанию Украинского Церковного Собора в Киеве, на котором я тоже был активным участником.

Организация Украинского Собора была делом не церковной нужды, а политической игрой.

Постановления Всероссийского Московского Собора были настолько широки, что они отвечали и нуждам Украины. Кроме того, тут могла быть создана специальная украинско-церковная комиссия (или секция), которая могла бы вносить самые разнообразные специальные украинские вопросы. И общий Собор, несомненно, отнесся бы к таким предложениям и с серьезностью, и без великороссийского шовинизма. Наконец, украинские епархии были широко представлены в Москве и епископами, и духовенством, и мирянами. Они могли достойно защищать законные и полезные нужды Украины.

Но, как это всегда бывает, новые государственные образования, новая власть стараются создать и новую церковную организацию в своем специальном духе, чтобы использовать в своих политических целях и духовные учреждения.

Вот часто поносили советскую власть за ее давление на веру. Но историческая правда обязывает нас заявить, что большевики, отделив Церковь от государства, не вмешивались в ее внутренние дела, не создавали своей специальной «церкви». Если и появились потом «живоцерковники», то они зародились самопроизвольно, а не под влиянием большевиков и их требований. Между тем украинцы-националисты пошли по старым протоптанным дорожкам империалистических властей, начиная от царя Давида и Соломона до пана Скоропадского. Эта история давнишняя и весьма поучительная...

Но одного хотели «щирые» шовинисты на Украине, а другое устроил Премудрый Господь!..

Еще при Керенском все наши окраины стали стремиться к обособлению. Явилось это движение «к самостийности» и на многомиллионной Украине. А когда

пришла советская власть, то по ее основным законам прямо дозволялось отдельным областям или нациям не только вступать в Советскую Социалистическую Федерацию, но и добровольно выходить из нее. Украинские вожди пожелали последнего.

На Украине образовалась Центральная Рада, которая выбрала Директорию из трех человек: известного галицийского шовиниста профессора Грушевского[10], способного украинского писателя Винниченко и какого-то (я не знаю) Макаренко. Вокруг них собрались разные другие политические деятели всяких масштабов, но особенно много поналетело галичан, давно распропагандированных в Австрии против «москалей». Нашлись и русские помощники, присоединившиеся на теплой Украине. Между ними были профессора Киевской Духовной Академии, люди, авторитетные в науках.

И в параллель политической Раде сорганизовалась из всех этих элементов «инициативно-церковная рада». Я ее видел своими очами и потому могу сказать, кто и что такое она была!

Всего там было до пятидесяти человек. Сошлись они от разных организаций разными путями, иногда самотеком, иногда от ничего не значащей группы. Около трех частей было священников. Среди них выдающееся место по своему фанатизму, возрасту и даже огромной с проседью бороде занимал протоиерей Василий Липковский (Василь Липкивский). Не менее фанатичным был какой-то член Кирилло-Мефодиевского братства священник «галичник» М. Рядом с ним был протопоп «кацап» (как звали украинцы-хохлы великороссов: «як цап» — как козел, то есть с бородой, вопреки бритым лицам украинцев) из Рязанской великорусской губернии, такой же украинец, как мы китайцы. Был какой-то истерик, отчаянный шовинист, крикун из Галиции. Было довольно военных — от «сечевых кошей». Между ними горячился особенно какой-то солдат, красивый блондин. Про него говорили, что он выбран в церковную раду «от акушерок». Были и профессора, не помню кто. Вообще же необычная смесь всего. Эту раду можно было назвать «агиткой», но никак не церковным органом.

Да у них и цель-то была не церковная, а исключительно политическо-национальная, притом шовинистическая, крайняя — «Прочь от Москвы!» И как можно дальше! Для них не существовало истории, не было кровного братства. Не говорю уже о вере, о Церкви. Была только шумная, бешеная вражда против великороссов, «москалив». А какова была она, приведу несколько фактов, лично мне известных. Как-то я спустился в кухню епархиального женского училища, на Липках, где заседал Собор. Слышу горячий разговор. Один священник с красным упитанным лицом кричит что-то. Я подошел.

— Нехай я пип,— говорит он. — Зла же перший взяв бы ниж и начав ризати кацапив! — выпалил он, бесстыдно глядя мне в глаза. (Пусть и священник, но я первый взял бы нож и стал резать бы великороссов!) Он был из Подольской епархии.

И невольно вспоминается мне еврей Давыдов, который на монастырской трапезе говорил мне: «Сам бы перерезал всех попов». Но и еврей был лучше этого «попа»: тот одних попов хотел уничтожить, а сей, с позволения сказать «священник», готов был «ризати» все сто миллионов «кацапив». Притом тот был еврей, а сей «христианский» клирик. Конечно, и в погромах евреев он рад был принимать участие...

Другой факт. Я спал в одной комнате с епископом Черниговским Пахомием[11]. Около трех часов ночи под нашим окном первого этажа раздался выстрел. Мы вскочили и встали в простенок между окнами. И тут, стоя, прождали до рассвета...

Каждый раз с соборных заседаний некоторые из членов, противники бешеных шовинистов, ходили в сопровождении военных друзей соборян. Как сейчас помню милое лицо одного из наших охранителей, Кравченко. Еще факт. Пришло время проверки выборных мандатов и для сей самой рады. Наша группа (о ней после) предварительно обсуждала в своем частном собрании вопрос: что делать с ней? Выбираем оратора против нее — профессора Киевской Духовной Академии протоиерея Титова. Солидный, тяжелый, несокрушимый молот! Вдруг он заявляет, что уже получил от этой самой рады письменное предупреждение: если он выступит завтра против нее (а мы выпускали его в особо важных

случаях), то будет убит! И дал нам для прочтения этот разбойничий документ. Да, убить обещают! Наш групповой совет спрашивает:

— Что же вы думаете?

— Конечно, если будете настаивать на моем выступлении, я буду говорить!

Мы пожалели его и семью и сначала наметили было холостяка, одесского миссионера Кальнева, но для такого боевого выступления он показался совету мелким. Тогда остановились на мне — монахе. Конец будет виден дальше. Ни одного архиерея в церковной раде не оказалось — не нашли еще такого озорника. Вот что это была за «церковная рада».

Она-то и вызвала к бытию Киевский Собор. Начали по закону: спросили разрешения у Патриарха. Он вместе с другими высшими церковными учреждениями разрешил его созыв. А для выработки «наказа» Собору и в качестве своего личного представителя командировал митрополита Одесского Платона (бывшего Северо-Американского). Вместе с сей радой и специалистами «наказ» разработали. В состав его входили все епископы десяти украинских епархий, включая и Таврическую, Крым. Затем назначены были двухстепенные выборы: по селам и потом лишь по уездным городкам. Благодаря этому не смогли процедить «селяков» и заменить их интеллигентами (как это случилось с Московским Собором при трехстепенных выборах). И Киев наполнился делегатами от земли, «дядьками», как обычно называли приятельски украинцев-крестьян. Это придало удивительно народный, «мужицкий» характер Украинскому Собору и, можно сказать, спасло все дело.

Как и в Москве, от духовенства было два представителя и два от мирян. Были представители от Академии, Семинарий, университетов, монастырей и проч. Но все же основной характер Собора был духовно-селянский.

Когда при обсуждении наказа дошла речь до рады: почему и в каком количестве ей быть на Соборе? — вышло деликатное замешательство. Оказывается, многие из них не были выбраны совсем, приглашены другие. Иные же (как от «акушерок») и совсем были неподходящие уполномоченные, да и слишком много уже было охотников на Собор: 50 человек на 250—270! Пятая часть! Но эти агитаторы знали силу пропаганды, особенно среди неискушенных селяков, и хотели пролезть на Собор в полном своем составе. Тут пригодилась хитрость Одесского митрополита, Экзарха Патриаршего, Платона. Сохранился в моей памяти такой рассказ об этом.

— Бра-а-тие! — с умелой ласковой манерой обратился он к ним,— конечно, всякому ясно, какое значение вы имели как инициаторы и устроители этого Собора! Но удобно ли нам самим назначать себя в члены его? Не лучше ли, друзья мои, положиться нам на волю его? Ведь, без сомнения, он оценит все то высокое достоинство рады, которое она несет в себе, вызвав к бытию самый Собор, и их, как членов его. Этим вы лишь более выиграете в глазах Собора, если предоставите ему решать вопрос о вас!

Искренно ли так думал остроумный митрополит, или же он льстивыми речами хотел лишь убаюкать горячие головы рады (а он это умел), а потом подвести их под удар, не знаю... Допускаю и то и другое. Или еще лучше: и то и другое вместе. Он как умный человек не мог же не видеть, какой взрывчатый материал представляет «рада!» (Имя «рада» сходно по смыслу со словами: «уряд», «подряд», «согласие», «единство» или же с «радеть», «заботиться», «работать».) Идти против нее прямо ему было решительно невозможно, и он предоставил это ходу событий... Во всяком случае история должна сказать спасибо митрополиту Платону, если он действительно придумал такой выход. Улещенная его сладкими словами, как крыловская ворона, рада постановила, что Собор состоит из тех-то и таких-то выбранных и, кроме того, в него входит и «инициативная рада» с знаменитым дополнением: «в количестве, какое будет угодно признать Собору»... «Ворона каркнула, сыр выпал»...

А мог бы и не выпасть. Вся рада могла бы быть признанной Собором целиком, если бы... Если бы она не была бунтовщической неистовой рабой! Своим дальнейшим поведением она замучила Собор и подорвала всякое уважение к себе. Но до этого она успела еще натворить немало горьких вещей, а может быть, именно ими-то и отравляла потом украинцев-дядьков! Но рада не могла переродиться: рожденная для политической крайней борьбы, она не могла стать «церковной овцою» Христова

стада. И Церковь Украинская выбросила ее, мертворожденное дело родившую. Как это случилось, увидим вскоре.

Я лично попал на Киевский Собор от Крыма по трем куриям: во-первых, меня избрали преподаватели всех духовно-учебных заведений, затем монастыри епархии избрали своим представителем, а, кроме всего, епархиальный архиерей Димитрий (Абашидзе, о нем была выше речь) назначил меня своим заместителем на случай его отсутствия. И следовательно, врагам моим невозможно было подкопаться под мои полномочия, когда они захотят этого. А они очень захотят этого со временем!

Напомню из главы о детстве, что в моих жилах несомненно течет кровь украинская и доселе живет любовь и к украинцам, и к самому языку. И фамилия «Федченко» [в] свидетельствует о моем происхождении. Недаром же крикун-галичанин со слюною вопил мне: «Цей билоруський малорос, с Тамбовщини»... Он издевался, а народ меня послушает, когда зайдет речь о нем и всей его раде...

Собор Киевский открылся на третий или четвертый день после праздника Рождества Христова в 1918 году. Когда я прибыл в прекрасный, чистый, уютный Киев, был чудный солнечный зимний день. Нанял я парного извозчика, юношу лет 16—17. Красивый розовый мальчик в остроконечной шапке и желтом кожухе. Милый, чистый, ласковый, как ангел.

— Как тебя зовут? — спрашиваю.

— Володько! — отвечает с улыбкой.

Володько в великорусском употреблении звучит вульгарно, грубо-улично, как Ванька, Степка, Мишка, Машка. Но в украинской речи окончание «ко» дает ласковый, нежный, дружеский оттенок, вроде русского окончания «енька». Например, «Грицко» это — Гриша, Гришенька, Ганко — Агаша, Агафьюшка, «ненько» — няня, нянюшка, мама-кормилица и т. д. «Володько» — Володя, Володенька. Такой ласковый стиль украинского языка не случайная редкость, а общее широкое явление, говорящее о какой-то коренной психологии племени. Я и после множество раз убеждался в таком удивительном свойстве украинцев, которое очень отличает их от суровых великороссов. Конечно, эта черта имеет свои географические, исторические, культурные и духовные причины, не буду углубляться в них. Но эта особенность очень важна для определения исторической ценности и силы даже и в наши дни сложных политических столкновений.

В это время наша пара, не управляемая Володей, который, беспечно обратившись задом к коням, ласково разговаривал со мною, чуть не наткнулась на рога вола, лениво пересекавшего нам путь.

— Володя, Володя, наедем, смотри!

Он, неторопливо оборотившись вперед, вовремя повернул своих лошадей, а мне ответил:

— Ни-и! Ни найиду!

И потом объяснил мне, что за 6—7 лет своего извозщичества он лишь на двух людей наехал и одного из них чуть не насмерть раздавил.

— Что тебе за это было?

— Два тыждя (недели) отсидыв.

Когда мы стали подниматься в гору на «Липки», где было женское епархиальное училище и где останавливались члены Собора, Володя все же сумел наехать на санки еврея, стоявшего последним в очереди извозчиков. Что было бы среди великороссов! Матерная брань, а может быть, удар кнутом, если не брань, но у украинцев все обошлось парой ласковых упреков, и только. Я даже удивился.

Потом, когда начались соборные заседания, я удивлялся их беспечным песням. После сытного обеда они расходятся по спальням и, отдыхая на кроватях, запевают, кто «Зозулю», а кто «Ще не вмэрла Украина». Даже когда большевики громили Киев и наше здание гранатами, они не переставали петь «Ще не вмэрла».

И пришли мне тогда мысли: украинцы уже не великодержавное племя! Не могут они стоять не только во главе всей Руси, но не в силах уже удержать обеспеченно от врагов и собственный край. Ослабело, осентименталилось это братское племя. Соседи-враги всегда будут душить и эксплуатировать их, поляки, немцы будут пановать над ними. И только при помощи здорового трезвого брата-великоросса они сохранят свободу и самостоятельность. Подобным образом и хорваты могут

быть сильны лишь с братьями сербами. Еще я заметил в них ленивость мысли, медленность чувств: долго им нужно думать, чтобы решить вопрос. Но зато решив, они могут быть упорны, терпеливы десятилетиями — в этом их великая сила. «Дядьки» туго, но основательно приходят к здравым мыслям.

Только нелегко мне примирять эту их ласковость с озверелыми речами «щирых» шовинистов, а иногда и с еврейскими погромами, которыми прославился и Нестор Махно, и петлюровцы. Точно осталось у них что-то от Запорожской удалой Сечи, точно наряду с тихими степями в их душе гуляет буря, которой иногда удержу нет. А пройдет она — и опять все стихает, и опять мирные волы, лениво раскачиваясь, везут своих ленивых хозяев, мурлыкающих нежные песни.

Но я не ученый народовед. Отметил лишь то, что видел и что остановило мое внимание.

Начался Собор. Первая борьба партий всегда бывает около вопроса о председателе. Тогда им был митрополит Киевский Владимир, переведенный сюда царем из-за Распутина, против которого он что-то осмелился говорить. И все знали его «русскость» и просто здоровый нелицемерный дух. И тогда рада решила провести в председатели подольского епископа Пимена[12]. Родом из Уфы, он ни в какой степени не был украинцем, но практическая сметка подсказывала ему, что сейчас можно выиграть, и он пошел на компромисс с «щирой» радой. Перед выборами члены ее азартно бегали между рядами и кратко агитировали:

— Селяки и вояки! Пишите за епископа Пымэна.

И селяки, впервые за свою жизнь попавшие в такой водоворот, писали за «украинского уфимца» и возвели его на «чело» Собора. Но это не повредит особенно Собору: те же селяки в трудную минуту вытащат свой воз из трясины.

Затем началась свистопляска «щирых»: как сорвавшиеся с цепей, они метались между соборянами, агитируя, возбуждая, навязывая решения. Конечно, против Москвы, москалей, кацапов, этих «ворогив» «ридной нэньки-Украины».

И неизвестно, во что бы все это вылилось потом, если бы не большевики... Да, опять чудо: безбожники разгоняют разлагателей единства Церкви, националистов-шовинистов. Почти одновременно с открытием Украинского Собора с севера и востока двигались на Киев большевики под предводительством какого-то генерала Григорьева. Целую неделю шла перестрелка между войсками Центральной Рады и григорьевцами. Снарядами уже были пробиты стены Лаврского собора. В нашем здании гранаты рвались и в домовой церкви, и в конюшне, и над парадным входом. А украинцы после обеда по-прежнему распевали на кроватях «Ще не вмэрла», и «щирые» агитаторы агитировали, точно ничего не слышали. Но вот говорят, что уже Директория убежала из Киева на Казатин, поближе к австрийско-немецким друзьям своим, что «сечевики» тоже отступают пред подавляющими силами большевиков. Наши «щирые» сразу исчезли, как крысы с тонущего корабля. Собор закрыли до лучшего времени, ничего не успев решить за те две-три недели, какие мы провели под опекой наших «радистов». Опустели и здания: дядьки и отцы сочли за лучшее не встречаться с большевиками. А мы, временно оставшиеся, пихали по всем щелям украинские значки: трезубец с Архангелом Михаилом на «жовто-блокитном» фоне... Смешно сейчас и писать об этом. Но в истории трагическое нередко переплетается с комическим.

И вдруг вижу: по улицам идут, хотя и не очень стройно, но смело и весело, большевики.

И страшно, и стыдно!.. После неистовства «щирых» они нам показались избавителями. Недаром даже враг их, митрополит Антоний, за чаем среди архиереев и архимандритов при мне обмолвился крылатой фразой:

— Совсем была бы беда, да вот, слава Богу, большевички выручили!

Так и сказал: «большевички», а не большевики.

Несколько лет спустя мне пришлось читать документы, которые совершенно наглядно показывали, что за спиной «щирых» и Директории стояли австрийцы и немцы, выговаривавшие себе фактическое управление лишь под прикрытием «свободной Украины»... И все эти грушевские и иные пошли на соглашение с врагами славянства, как идут еще и сейчас многие галичане и украинцы в Америке, давно и неисцельно возненавидевшие Москву и «москалей».

Но как думал украинский народ в своей массе, это еще никому не было ясно, хотя всякий говорил от его имени.

Когда большевики взяли власть в Киеве, их приход омрачился кровавым злодейством. Человека три в военной форме пришли в Киево-Печерскую Лавру и потребовали митрополита Владимира будто бы в главный военный штаб. Митрополит понял, что пришел последний час его. Спокойно надел свою меховую рясу и клобук, вышел на монастырский двор, перекрестился на собор и тихо зашагал за арестовавшими его. Келейнику не велел провожать его и — увы всем нам! Ни мы, ни монахи, а их, может быть, было больше тысячи там, и пальцем не двинули, чтобы помочь архипастырю.

...И опять скажу (как и в истории с фон-Бюнтингом в Твери): мы заслужили скорби, которые потом обрушились и на нас!

Так он и не воротился... На другое утро его нашли расстрелянным в версте от Лавры и брошенным в канаву. После этого обратились в штаб с протестом, но там заявили, что это убийство есть дело каких-то негодяев, не имевших ни от кого распоряжения. Так мы тогда и не узнали, кто убийца. Большевики ли? А может быть, украинцы неистовые? Ходили и такие слухи... Отпели мы святителя с честью при множестве народа и похоронили рядом с митрополитом Флавианом. Мне назначено было говорить слово около гроба усопшего... Доселе храню я любовь к этому простому душой святителю и русскому патриоту. И ко мне он отнесся с отеческой дружбою. Царство ему небесное! Умер на своем посту.

После убийства митрополита Владимира временную власть над Киевской епархией взял митрополит Платон. Однажды при мне он пригласил наместника Лавры, архимандрита Неофита (если не ошибаюсь), и спросил его:

— Нет ли среди мощей какой-нибудь подделки?

— Нет, святый Владыко! Ничего нет. Единственное, что сделано, это — деревянная подставка для мощей святого Иоанна Многострадального.

Как говорит подлинная история, почти современников его, монах Иоанн страдал плотской страстью. И однажды он закопал всего себя до груди в землю. Испытывая жестокие муки, он провел так несколько недель. После кончины его прославили как святого и оставшиеся кости закопали в землю в стоячем положении в память о его подвиге. А чтобы голова не падала набок, из дерева была сделана коробка в виде грудной клетки: это и показалось сомнительным отцу наместнику. Митрополит Платон приказал немедленно устранить все подставки, иначе большевики могут придраться и устроить скандал и разгром.

Действительно, некоторые из них потом приходили и осматривали мощи, раскрывая пелены и ощупывая все руками. Все оказалось настоящим, а ведь им внушалось, что вместо мощей — чучела из тряпок. Посмотрев, один из них говорит:

— Да-а! Только вот темные!

А хранитель мощей, монах, с сердцем ответил ему:

— Ты полежи тыщу лет, посмотрим, останется ли от тебя хоть что-нибудь?

Солдат промолчал на это.

Разъехавшись из Киева, мы, члены Московского Собора, возвратились потом в Москву и доложили обо всем Патриарху и Собору. Вот после этого Собор постановил совершать ежегодную память о всех православных, «за веру умученных».

Наступил Великий пост, Пасха... И до нас долетели вести, что Украина «освобождена»: большевиков выгнали немцы вместе с «хлеборобами», помещиками и крупными хозяевами. Во главу ее поставили гетмана Скоропадского. Я уже писал об этом раньше. Пробравшись окольными путями через Оршу, Киев, Херсон в Крым, я скоро получил повестку о прибытии на вторую сессию Киевского Собора.

Немцы, желая явно или тайно владеть Украиной, с помощью крупных собственников организовали борьбу против большевиков и отделили Украину от Советского Союза. Думаю, что этому перевороту отчасти помогали и украинские народные массы. Именно. На этой плодородной земле при теплом солнышке вообще жилось неплохо всем украинцам, они не могли особенно жаловаться на плохую жизнь и бедность, как великороссы северных и перенаселенных губерний. Поэтому коммунизм не сулил им чрезмерных и неожиданных богатств. Кроме того, по многим причинам украинцы были всегда более склонны к индивидуализму, к личному хозяйству. Между тем великороссы любили жить более общинно, отчего коммунистическое хозяйство представлялось украинцу тяжелым принудительным трудом — «для других, а не для себя». Тут вскрылся целый ряд причин: экономических, религиозных, географических, исторических. Но этот индивидуализм украинский —

несомненный факт, с которым придется еще считаться много лет. Этим в значительной степени объясняется противодействие украинцев «советчине» в Америке даже до сего дня.

Наконец, анархическая революционная разруха целого года с переменой властей и режимов сильно надоела мирному и сытому населению, захотелось хоть какого-нибудь покоя.

И его принесли немцы силою оружия... Я знаю немало и русских людей, которые замучились разрухой и неожиданным развалом и голодовкой, хотя прежде они были революционерами, а некоторые даже и анархистами. Не хватало «нервов» терпеть на деле то, что они проповедовали языком. Между прочим, один из юристов — профессор Московского университета, по партии кадет, сказал на церковном Соборе графу А.:

— Мы не думали, чтобы перемена царского режима была так болезненна и опасна!

Граф ответил ему:

— Не только царский, но и вообще всякий строй нельзя менять безнаказанно и безболезненно.

И нужны очень крепкие нервы, чтобы довести начатый переворот до конца. Наша интеллигенция оказалась безусловно слабой для этого. Что касается народов, то сентиментальным и нежным украинцам тоже было трудно везти этот коллективный воз, где тебя толкало отовсюду, с каждой кочки...

В указанный момент, лето 1918 года, украинцы были еще неподвижными собственниками. Так как у рабочих людей вопрос о власти решался более практически (что выгоднее?), то не один подрядчик Жуков думал — нам что Николай, что Вильгельм! А украинец еще меньше думал о качественности власти — лишь бы настал порядок! Немцы всегда представлялись носителями дисциплины: тяжелыми, сухими, жесткими, но полезными. Теперь же, во время разрухи, многие начали вздыхать по ним, забыв все ужасы войны.

И этот тайный нейтралитет украинской массы помог водвориться власти «землеробов», то есть, просто говоря, крупных землевладельцев с генералом Скоропадским во главе. Но фактически это начальство было лишь ширмой, за которой стояли в селах войска и пушки немцев. Стоило только заворошиться где-нибудь в селах действительным землеробам-селякам, как это село сметалось с лица земли. Но интеллигентским фантазерам льстило то, что Украина стала «самостоятельной державой»; везде практикуется «украинская мова» галицийского стиля; свои «синежупанники» — войска; везде украинские вывески; своя украинская монета — «карбованьци», и даже богослужение можно совершать не на старославянском, а на ходячем украинском языке. Там сзади где-то стоят немцы, но их не видно на лицевой стороне, и... ладно! И массе казалось, будто она в самом деле стала самостоятельна и независима от «москалей», да еще и большевиков...

Нужно сказать правду, на Украине наступил относительный покой и порядок. Я сам это видел собственными глазами. Даже, можно сказать, «пострадал» от новых властей, то есть немцев. Квартира ректора Семинарии была большая, в 10—11 комнат, строилась при женатом протоиерее Зн. и рассчитывалась на многодетную семью. Но вот однажды приходят ко мне два военных телеграфиста-немца и просят дать им комнату. Я дал самую заднюю, с черным ходом. Через месяц они ушли. Но немедленно пришел офицер-квартильер и заявил, что моя квартира очень удобна для командующего войсками. Я ответил, что могу уступить ему три-четыре комнаты, потому что вот это — мой кабинет, это — спальня, это — зал для собрания педагогов, это — комната для друга полковника и так далее. Он не стал разговаривать со мной. Через пять минут привел двух рядовых с винтовками и повелительно заявил: «Беру эту, беру эту». Одним словом, все комнаты, кроме одной, в которой я мог при желании поселить и друга... Я послал в штаб парламентера и едва выпросил для него особую комнатку. Таковы немцы.

Видел я и полную подчиненность украинских властей немцам. Это всякому понятно. Кратко: Украина сделалась их колонией, а крупные «землеробы» были лишь вывеской и скрывали наше рабство перед немцами. Но делать было нечего, сила была на их стороне.

...Итак, я выехал на вторую сессию Собора в Киеве. Был чудный зеленый

июнь... Солнце... Голубое небо... Все буйно росло на черноземе. И только выбитые стекла наших вагонов свидетельствовали, что пронеслась страшная гроза... Не хватало угля на топку паровозов, и иногда мы среди чудных полей вдруг останавливались: машинист заявлял, что пассажиры должны добывать дрова. Мы выходили и ломали, что было ближе. В одну из таких остановок, пока разгорались сырые бревна в печи паровоза, я с другими пошел прогуляться по траве вдоль поезда. Вдруг видим, что в конце состава его прицеплен прекрасный вагон второго или первого класса и (удивительно) все стекла целы и чисты. Что такое? Оказалось, в нем ехал некий комиссар советского правительства для окончательного выяснения границ между двумя самостоятельными «державами»: РСФСР и Украиной. Вижу, что в одном из открытых окон этого вагона стоит прилично одетый человек и с любопытством глядит на нашу гуляющую публику. Это был сам комиссар. Я подошел поближе к окну.

— Вы комиссар?

— Да,— спокойно ответил он.

— Социалист?

— Да!

— Как же вы едете в таком роскошном по нынешним временам вагоне, когда мы не имеем даже стекол? Будто бы для социалистов, которые заботятся об общем благе, это нехорошо!

Толпа начала увеличиваться и с любопытством прислушивалась к разговору. Но комиссар счел за лучшее отойти от окна и больше не показывался нам. Дрова разгорелись, машинист свистком пригласил нас входить в бесстекольные вагоны, и поезд тронулся дальше. Такие остановки не были часты. Но мы тогда ко всему уже привыкли и удивлялись не тому, что все было разбито, а как это еще есть вагоны со стеклами?

На второй сессии было немало интересного и важного. Начать с того, что наш Собор посетил сам гетман Скоропадский. Высокий, красивый, бритый, с сединой генерал в казацкой черкесске. Встречали мы его, как в бывалое время царя. Так же пели «Спаси, Господи, люди Твоя» и «Победы благоверному гетману Павлу на сопротивные даруя» и проч. Только не было прежнего страха и почитания. Нам казалось, будто идет игра в царя. Впечатление от него было в общем симпатичное, но не могучее. Даже и генерал Врангель был куда сильнее и величественнее! Теперь особенно ясно, что он (Скоропадский.— *Ред.*) был подставной фигурой, за которой были настоящие хозяева — немцы. В особо дружных с ним отношениях был новый Киевский митрополит Антоний, выбранный киевлянами вместо убитого митрополита Владимира. Насколько помню, не без его участия произошел и самый «переворот» землеробов. Я хорошо помню из печати: он говорил им приветственное слово.

Так же хорошо знаю, что митрополит Антоний поддерживал приятельские отношения и с главным немецким генералом, который являлся фактическим повелителем Украины. Имени его не помню, да и не хочу помнить... Таким образом, можно сказать, что митрополит Антоний был «германофилом». Вышедший из дворянской семьи (Храповицких), он владел немецким языком. Какие были разговоры между этой тройкой — германцем, Скоропадским и митрополитом — я не знаю, но могу с уверенностью сказать: приятельские для немцев. Но это не отражалось на деятельности Собора, а говорилось в четырех стенах. Может быть, когда-нибудь и выйдет кое-что на свет...

Начались заседания... «Церковная рада» была тут же и снова хотела захватить террором власть над Собором. Но мы, наученные горьким опытом, решили тоже сорганизоваться. От каждой из десяти украинских епархий было выбрано по одному духовному и одному светскому лицу, а кроме того, еще 10 человек из наиболее влиятельных членов Собора, всего тридцать. Мы назвали его «тайным советом», хотя это было совершенно открыто и законно. Тут и обсуждались предварительно все вопросы, которые нужно было рассматривать завтра.

Дошла очередь и до мандатов «рады». В каждой из разных комиссий был кто-либо из «тайного совета», в мандатную пошел я намеренно, чтобы «приятели» не пропускали незаконных «соборян». Я доложил друзьям: завтра бой с радой. Нужно избрать тяжеловесное орудие, протоиерея Титова... Но, как уже писалось, ему грозили убийством. И выбор пал на меня. Собрав материал и хорошо

подготовившись, я на другой день произнес сильную речь против разрушительной работы рады на Соборе и предложил выход: их около пятидесяти человек, то есть приблизительно столько же, сколько профессоров и служащих в Киевской Духовной Академии, откуда «наказом» разрешено выбрать лишь трех. Так как рада образовалась не выборным путем, а самопроизвольным собранием, то из нее следует им самим избрать тоже трех членов. А остальным? А остальным удалиться с миром и предоставить выборному Собору спокойно кончить свое дело.

Можно представить, какой дикий вой подняли «щирые»!

Председатель, ими же избранный епископ «Пымэн», хотел исправить положение и поставил на голосование хитроватую формулу:

— Кто за трех членов из рады, а кто — больше?

Если бы решили «больше», то опять началась бы длинная волокита с вопросом. Я заявил:

— Согласно параграфу 12 (кажется, верно помню эту цифру) «наказа», председатель обязан ставить вопрос собранию в той формуле, которая предложена оратором.

— Верно! — согласился епископ Пимен, проверив мою ссылку по печатному тексту,— итак, кто за три и кто против трех? Поднимите руки!

И вдруг огромным большинством Собор принял мою формулу: предложил раде выбрать лишь трех членов!

Не помню цифры, но не менее 2/3 или даже 3/4 было за меня. Конечно, наш «тайный совет», на котором вчера предложена была заранее не только формула, но и сама эта цифра «3», постарался через тридцать своих участников провести пропаганду по всем десяти епархиям, оттого и получилось такое дружное и быстрое решение Собора.

Председатель как ни в чем не бывало, совершенно спокойно предложил всей раде (тогда их было, насколько помню, 47 человек) выйти в соседнюю комнату и исполнить волю Собора.

С дикими воплями они вышли, и через несколько минут кто-то заявил, что рада отказывается выбирать трех членов и демонстративно уходит. Тотчас же наступил мир на Соборе. Бешеная нервозность и злоба испарились, как туман при солнышке. Слава Богу! Мы все вздохнули свободно, началась конструктивная работа по всем комиссиям.

Как же не сказать спасибо митрополиту Платону по поводу формулы: принять членов рады в составе, какой угодно будет признать Собору!

Но в этом решении для меня более важным представляется воля самих украинцев-соборян. Как я уже объяснял, состав его был на 3/4 украинским и народным, селянским. Казалось бы, они особенно должны были поддерживать в революционное время «своих щирых»... И вдруг выгоняют! Да еще с каким треском! Я думаю, читатель никак не ожидал такого смелого предложения, как из 47 человек инициаторов Собора вытолкнуть за дверь 44. И еще более неожиданно для него, что те же самые соборяне, которые в январской сессии шли слепо на поводу шовинистов, теперь мужественно выгнали прежних своих вождей.

Для меня же тут — великая радость за украинский народ! Значит, он имеет здоровый разум! Значит, он, когда нужно, может быть и решительным! Значит, он (и это главное!) не согласен с той разделяющей враждебной пропагандой, какую от его имени вели эти не избранные им самовольники против единства со всем русским народом. Тут дело касалось не 47 озорников и фанатиков, а исторического добровольного, мудрого решения украинских братьев не враждовать против русских, белорусов и прочих братьев общей родной страны! Здесь моему внимательному взору пророчески приоткрылась вся будущая историческая линия единства, по которой пойдет Украина и дальше!

Вот в чем смысл изгнания рады! Поэтому я и остановился на ней так подробно. По этому факту можно было уже заранее предвидеть, что и в политико-социальном отношении Украина в конце концов пойдет вместе с более сильным великороссом, что не будет никакой «самостийной» державы, что в критический исторический час украинцы, как братья, пойдут вместе с другими защищать общую Мать-Родину; тогда можно было уже предсказать, что в будущем Гитлер встретит на Украине не хлеб-соль, а вилы и ружья партизан и пушки украинских войск! Так и сбылось, как видим сейчас!

Если же украинский народ принял теперь временно немецко-гетманскую «державу», то лишь по благоразумному подчинению военной силе немцев и по свойственной украинцам мудрой хитрости: под молчанием скрывать свои мысли.

Из этого же разгона «щирых» ясно уже было видно, что не примет народ и церковного разделения от Москвы.

Действительно, нами скоро был разработан проект об «автономии» церковного управления на Украине со своим Синодом, со своими Соборами, но при одном всероссийском Патриархе. Когда голосовался этот вопрос: принять ли решение о «самостийной» (автокефальной, совершенно независимой) Украинской Церкви или же сохранить связь с Патриархом, а через него и со всей Православной Русской Церковью, то чрезвычайное большинство постановило: быть под общим Патриархом, а не отделяться!

Если мне не изменяет память, то при решении этого важного вопроса «за» Патриарха и единство голосовало около 220 человек, а «против» — кажется, лишь 71. Нечто поразительно неожиданное!

И этому можно было радоваться не только с церковной стороны, но и с политико-социальной.

Так дело, начатое шесть месяцев тому назад с явной разрушительно-разделительной целью, кончается блестящим единством! Какое чудо истории!

Так «селяки» сами вытянули воз из трясины, в которую его завели было предатели, шовинисты-фанатики, а может быть, и австрийско-немецкие наймиты... Это разберет еще история.

Вероятно, не понравилось это немецкому генералу. Как отнесся Скоропадский, не знаю. Ходили слухи, коим я весьма верю, что он не был предателем, а взял на себя этот нелегкий крест сотрудничества с врагами-немцами лишь потому, чтобы удержать от окончательной разрухи хотя бы Украину. А потом, когда восстановится порядок во всей стране (подразумевалось тогда, что будет снова царь), то он, Скоропадский, поднесет Всероссийскому хозяину и «свою» Украину, а немцев лишь поблагодарят.

Мне хочется верить в добрые настроения людей... Но жизнь пошла иными путями.

Кончилась вторая сессия, мы снова разъехались по зеленой Украине и Крыму. Вдруг в ноябре нас зовут на третью сессию. Я теперь уже не помню, какой именно был исключительный повод, чтобы собирать нас в третий раз в такое трудное время. Неужели мы не все кончили в июне—июле? Или тут были снова политические мотивы?

У немцев этой осенью произошли трагические события: они проиграли войну, и у них началась своя внутренняя революция. Войска, занимавшие Украину, тоже разложились и потянулись домой, опасаясь ненависти, которую они вызвали в украинском народе за полгода своего жестокого и корыстного владычества.

Вместе с немцами должен был «скоро пасть» и Скоропадский, как острили тогда по поводу его фамилии. Народ, понятно, не будет поддерживать крупных землевладельцев, особенно когда под боком живет страна без капиталистов.

Да и красные не оставят в покое богатую Украину, угольный район и буржуазную соседку. Раз ушли немцы, придут большевики, народники.

Но пока Украина переживет еще промежуточный период петлюровщины, анархической махновщины, белых добровольческих завоеваний, чтобы постепенно определилось наконец новое общее историческое русло — единство в Советском Союзе.

Не знаю, не надеялись ли гетман и «землеробы» найти после ухода немцев опору себе в церковном Соборе? Не помню сейчас... Собрались мы опять в Киеве. Но уже ясно было: не удержаться Скоропадскому. И опять началось отступление правительства. Пригласили и белых русских офицеров помогать гетманцам. Вспоминаются тут имена генерала Долгорукова и известного генерала Келлера, убитого потом при аресте, в этом можно было увидеть патриотические задние планы Скоропадского. Но уже было поздно.

Утром 4 декабря, в день мученицы Варвары, на Софийской площади около памятника Богдану Хмельницкому появилась петлюровская кавалерия.

— Какие они крепкие! — пронеслись в моем мозгу эти слова при взгляде на седоков. Лошади сытые, прочные. Солдаты в теплых полушубках крепко, точно слитые, сидят на конях свободно.

— Ну, куда же офицерам, господам, интеллигентам устоять перед этой народной силищей? — продолжали бежать у меня мысли.

...Все это я помню сейчас, как будто вчера видел. Так кончилась буржуазно-владельческая эпоха гетманщины. Но и Петлюра не был концом событий. Полтавский семинарист, с юности революционер-интеллигент, он, подобно всей интеллигентской собратии, мечтал о «демократическо-партийной» революции; только тут еще примешался и украинский шовинизм. Однако украинский народ почувствовал, что в лице Петлюры пришла на смену панской власти народная, и потому поддержал его.

Но это была революционно-националистическая власть. Поэтому в дальнейшем процессе революции не устоял и Петлюра. Он бежал за границу, в Германию. Его заменили большевики и белые: на знамени и тех и других была идея единства страны, включая в нее и украинцев. И опять украинский народ пошел не за Петлюрой, а скорее стал заодно с добровольцами.

Тут снова и снова сказалась здоровая мудрость народа: не увлекаться фантазиями о «самостийщине», потому что это несправедливо и непрочно, неумно. Что бы ни случилось, нужно жить всем вместе. А так как добровольцы боролись еще и против неприятных собственникам-украинцам коммунистов, то они приняли и белых...

Церковный голос Украинского Киевского Собора все это предрешил голосованием за разгон рады и единство с Московской Патриархией. Что пришло через головы соборян, то пережила и вся Украина.

А советская власть, оказывается, предоставляет всем республикам широкую автономию: собственный язык и развитие своей национальной культуры, и свое местное управление, и университеты, и академии наук, и прочее.

— Все это не так уж плохо,— думает молчаливую думку украинец, посасывая трубочку и неопределенно-загадочно посматривая кругом: на Советы, на коллективное хозяйство, на тракторы и бескрайние пшеничные поля...

Ну, а там дальше уж посмотрим-де, как быть с этим самым коммунизмом, думали, вероятно, «дядьки». Поживем, увидим. Времени еще довольно. Пока иначе нельзя.

Но некоторые последствия от «щирых» все же остались даже и до сих пор.

Прежде всего петлюровцы, «друзья щирых», арестовали Киевского митрополита Антония. Одни считали его слишком большим русофилом, противником украинской самостийности, другие видели в нем сотрудника свергнутой гетманщины и немцев. Последнее, по моему мнению, верно, первое — совершенно неправильно.

Когда пришли его арестовывать офицеры из австрийских галичан, в митрополичьей зале собралась толпа богомольцев, преимущественно женщин, этих вечных заступниц,— человек 100—150. Был и я.

— Владыка,— громко просил я его через головы толпы. — Скажите нам что-нибудь на прощание!

Наступило молчание. Он сказал следующее:

— Меня будут винить в том, что я был против Украинской Церкви и ее автокефальности («самостийности»), но это совершенно неверно!

Эти слова его не произвели никакого впечатления на толпу, а я разочарованно подумал: «В такой момент у митрополита не нашлось чистого религиозного слова, а только — о политической борьбе за самостийность, хотя бы и через Церковь!»

Его увели... Две-три бабы по положению всхлипнули, но остальные провожали довольно холодно.

Арестовали еще и архиепископа Евлогия (ныне в Париже) за его провинности против униатов-галичан при занятии русскими Галиции. Обоих увезли в какой-то католический монастырь близ Львова, после выпустили. Митрополит Антоний уехал на Афон, а оттуда генерал Врангель вызывал его в Крым, но тоже бесплодно... Скончается он в Югославии, но до того много повредит еще Церкви и Родине.

Вторым печальным наследием от «щирой рады» остались так называемые «самосвяты», имеющие прямую связь с Собором.

Когда мы выгнали раду, она решила продолжать свое бешеное неистовство. Отказавшись от делегирования «трех», члены рады решили создать собственную «незалежну» (независимую) Церковь. Для этого обычно в истории подыскивались два-три, а в крайнем случае один архиерей-предатель, который рукополагал отще-

пенцам нового епископа. Без архиерея не может быть Церкви, таков церковный закон. Без архиерея нельзя ставить и новых священников.

Члены рады обратились к одному—другому из православных архиереев с подобной просьбой — возглавить «незалежну» Украинскую Церковь. Были архиереи, украинцы родом: Димитрий Уманский, Парфений Тульский, Агапит Екатеринославский[13]. Но они не согласились ни сами стать, ни другого поставить им в архиереи. Что же тогда делают эти отчаянные головорезы, у которых нет ни страха Божия, ни стыда перед людьми? Они собирают своих священников в Софийском соборе, делают из них живую цепь. Около престола ставят на колени того самого Василия Липкивьского, о котором говорилось выше, при описании состава рады. Завершающий длинную цепь дерзко берет за руку святого митрополита Макария, мощи которого лежали в правом приделе собора с XV века, а священник, рядом стоявший с Василием, возлагает на него свою руку, как это делают архиереи при рукоположении нового епископа. И провозглашают «аксиос» (достоин).

Так мертвый «рукоположил» живого.

Подобного кощунства еще не знала церковная история, чтобы попы производили архиерея, да еще использовав беззащитное тело мертвого! Потому их и прозвали «самосвяты», то есть сами себя посвятившие в архиереи.

Ну а потом «Василий» посвятил уже новых архиереев. Среди них в Америке теперь действует Иоанн Теодорович, проживающий в Филадельфии. Он «накропал» массу «иереев», украинцев. Так злое дело давало все новые и новые плоды: от репейника не растут смоквы, сказал Господь в Евангелии[14]. Уже из того, как начинала рада свое дело в Киеве, можно было ждать от нее всего! Им ведь прежде всего нужна политическая идея об украинской «незалежности», ради нее они готовы и родного отца продать, а не только Веру и Церковь[15].

Советская власть сначала отнеслась к «щирой Церкви» равнодушно, думая, что тут лишь поповская ссора. Но скоро она поняла, что дело не так-то невинно. Эти самостийники продолжали вести свою национально-шовинистическую подрывную работу на Украине и при Советах. Их деятельность грозила (в случае успеха) разжигать идею обособления Украины от Советского Союза, ради какового отделения и явилась вся эта безбожная затея. Поэтому большевики арестовали Липковского и посадили под арест. Были слухи, что он умер. Но плоды его существуют еще не только в Америке, но и на Украине. Впрочем, это движение там слабое. Народ в массе остался в единстве со своей Церковью, как и решил он сам в Киеве в 1918 году. Но что озорникам-революционерам Собор? Что им народ? Ведь они признают народ лишь тогда, когда он исполняет их партийную волю! А «до Бога высоко»! Есть среди них и прямые безбожники. Я это знаю по Америке.

Еще мне остается рассказать тут о Патриархе Тихоне. Когда на Украине воцарился Скоропадский, а жизнь здесь была более обеспеченной и спокойной, то (кому уж, не знаю) пришла в голову мысль: увезти сюда тайком Патриарха, чтобы сохранить, по крайней мере, жизнь ему. Но он, как шли слухи, ответил: «Пусть плохи большевики, но ведь и они — мои духовные дети. Как же я могу бросить их?» — и остался.

А епископ Пимен Уфимский, «украинец», тоже не смирился. Слышно было, что он создал православную (не «самосвятскую») самостийную иерархию в Подоле, которая не подчиняется Московскому Патриаршему центру. Если это верно, то он является клятвопреступником против того же самого уставного Собора, на котором он был председателем и который постановил (220 против 70) не отделяться от Патриарха Московского. Но я не ручаюсь за достоверность этих слухов. Епископ Пимен не дурной был человек.

Одно время соблазнился самостийничеством и епископ Агапит. За это он был судим судом архиереев в Новочеркасске, куда был вызван и я из Крыма для канонической полноты (13) суда над архиереем. После он, говорили, скончался, путешествуя будто бы в архиерейской карете...

Присоединился к ним архиепископ Алексий (Дородницын)[16], бывший одно время ректором Казанской Духовной Академии. Человек необъятной толщины, пудов на десять. Я видел его однажды в Киеве. Во время беженства он раскаялся и, исповедавшись у митрополита Антония, скончался (кажется, в Новороссийске, на монастырском Драидском подворье).

Митропольчья кафедра на какое-то время перенесена была в Харьков как новый

политическо-украинский центр при советской власти, потом снова была возвращена в Киев. Митрополитом и Экзархом Украины был сначала Константин (Дьяков), потом Михаил, на двадцать лет устраненный поляками от управления Гродненской епархией. Его заменил нынешний митрополит Киевский и экзарх Украины Николай (Ярушевич)[17]. При движении немцев он удалился в Москву и теперь помогает управлять Русской Церковью Митрополиту Сергию, Патриаршему Местоблюстителю. Имя этого нового светильника Церкви и патриота известно не только в России, но и по всему свету. Он был назначен советским правительством одним из членов комиссии по расследованию зверств немцев над мирным населением оккупированных областей нашей родины.

Скоро придет время, когда этот талантливый светильник возвратиться в свой митрополичий светлый град Киев... А может быть, со временем и выше! Дай Бог!..

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Патриарх Филарет (в миру боярин Феодор Никитич Романов) оказывал сильное влияние на дела государственного управления и лично воздействовал на сына — царя Михаила Феодоровича, избранного на русский престол Земским Собором в 1613 году.

[2] На торжественном открытии Всероссийского Поместного Собора Православной Российской Церкви в Успенском соборе Кремля в день Успения Божией Матери 15 августа (ст. ст.) 1917 года присутствовало 588 членов Собора (Церковные ведомости, 1917, № 34).

В своих лекциях, прочитанных весной 1990 года в Московской Духовной Академии, канадский исследователь Д. Поспеловский дал следующую цифру: 564 депутата с решающим голосом, из них 314 мирян и 250 человек духовного звания (Доклад третий. Московский Собор, Патриарх Тихон и революция).

[3] *Розов Константин Васильевич* (1874—1923) — служил в храме Христа Спасителя, в Успенском соборе Кремля (в сане протодиакона). Обладал уникальным голосом, редким музыкальным слухом и знанием богослужебной традиции. Снискал любовь и уважение москвичей, любовно величавших его «наш дядя Костя». Ему посвящали свои произведения композиторы П. Чесноков и А. Кастальский. После восстановления патриаршества К. В. Розову было присвоено звание патриаршего архидиакона. Был солистом Московской государственной капеллы, выступавшей с программой из светских и духовных произведений.

[4] *Карташев Антон Владимирович* (1875—1960) — богослов, историк Церкви, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии. 25 июля (ст. ст.) 1917 года назначен обер-прокурором Святейшего Синода, а в начале августа того же года назначен на пост министра исповеданий. Эмигрант. Профессор Православного Богословского института в Париже.

[5] Ср.: Мф. 19, 30; 20, 16; Мк. 10, 31; Лк. 13, 30.

[6] Митрополит Анастасий (Грибановский), возглавивший Русскую Православную Церковь за границей после смерти митрополита Антония (Храповицкого).

[7] Послание Патриарха Тихона от 8 октября 1919 года о невмешательстве Церкви в борьбу враждующих сторон, о запрещении духовенству отдавать предпочтение какой-либо из них.

«Церковь не связывает Себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение.

Говорят, что Церковь готова будто бы благословить иностранное вмешательство в нашу разруху, что Она намерена звать «варягов» прийти на помощь нам наладить наши дела...

Обвинение голословное, неосновательное. Мы убеждены, что никакое иноземное вмешательство, да и вообще никто и ничто, не спасет России от нестроения и разрухи, пока Правосудный Господь не преложит гнева Своего на милосердие, пока сам народ не очистится в купели покаяния от многочисленных язв своих...» (Распоряжения Высшей Церковной Власти, № 21—22, Вятка, 1919).

[8] *Епископ (впоследствии архиепископ) Серафим (в миру Михаил Митрофанович Остроумов)* — родился в 1880 году, дата смерти неизвестна. С 1917 по 1927 год был епископом, с 1924 года — архиепископом Орловским и Севским.

[9] Аполлинарий (Кошевой), Тихон (Троицкий) и Виталий (Максименко).

[10] *Грушевский Михаил Сергеевич* (1866—1934) — украинский историк, сторонник самостоятельного пути развития Украины. В 1917 году — один из организаторов Центральной Рады. С 1919 по 1924 год в эмиграции. Возвратился в СССР. Академик АН СССР (1929).

Винниченко Владимир Кириллович (1880—1951) — украинский писатель. С 1910 года — член Революционной Украинской партии, с 1907 года — в Украинской социал-демократической рабочей партии.

Жил в эмиграции в 1907—1914 годах. После февраля 1917 года — один из организаторов Центральной Рады. В ноябре 1918 — феврале 1919 года возглавлял Директорию. С 1919 года — эмигрант. Вернулся на Украину летом 1920 года. Был назначен заместителем председателя Совнаркома, но вскоре вновь эмигрировал.

[11] *Епископ Черниговский Пахомий (с 1917 по 1927 год) (в миру Петр Кедров) (с 1927 года архиепископ) (1876—1937).*

[12] *Епископ Подольский Пимен (в миру Павел Григорьевич Пегов)* (1875—1942) (с 1918 по 1923 год). С 1922 по 1935 год пребывал в обновленческом расколе. Принес покаяние и вернулся в лоно Матери-Церкви.

[13] *Дмитрий Уманский (в миру Максим Андреевич Вербицкий)* (1869—1932) — епископ (с 1910 года), а затем архиепископ (с 1925 года). С 1930 года — архиепископ Киевский.

Парфений Тульский (Левицкий) (1858—1921) — архиепископ Полтавский и Переяславский. С 1908 по 1917 год окормлял Тульскую епархию.

Агапит Екатеринославский — см. примеч. к гл. «Белое движение».

[14] Мф. 7, 16.

[15] Последствия вредоносной деятельности «липковцев» для верующих Украины были ужасными. Православным священникам пришлось перекрещивать детей, перевенчивать супругов, словом, совершать все то, на что «липковцы» не имели права посягать, но посягали, дерзко нарушая при этом каноны Вселенского Православия.

[16] *Архиепископ Алексий (в миру Анемподест Яковлевич Дородницын)* (1859—1919) — епископ Сумской, викарий Харьковской епархии. В 1918 году пытался захватить церковную власть и провозгласить автокефалию Украинской Церкви.

[17] *Митрополит Николай (в миру Борис Дорофеевич Ярушевич)* (1892—1961) — окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию, в 1914 году принял монашество и вскоре выехал на фронт. Сначала был священником при санитарном поезде, затем полковым священником лейб-гвардии Финляндского полка. С 1915 по 1917 год преподавал в Духовной Академии в Петрограде. В 1919 году — наместник Александро-Невской Лавры. В 1922 году хиротонисан во епископа Петергофского, викария Петроградской епархии. В 1935-м — архиепископ Петергофский. С 1936 по 1940 год управлял Новгородской и Псковской епархиями. В 1940 году — архиепископ Волынский и Луцкий. Экзарх Украины и Белоруссии. Возведен в сан митрополита (1941). В 1942—1943 годах управлял Литовской епархией и состоял управляющим делами Московской Патриархии. Член Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их союзников. В 1944 году назначен митрополитом Крутицким. Доктор богословия. Сыграл большую роль в деле соединения зарубежных приходов с Русской Православной Церковью. Незадолго до кончины у митрополита Николая был острый конфликт с администрацией Н. С. Хрущева.

(Продолжение следует)

ПИСЬМА МИРЯН

Страдания и любящий нас Бог

Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас...

(Ин. 13, 34)

Как совместить неисчислимые страдания людей и беспредельную любовь Всевышнего к страдающим? Это один из самых трудно разрешимых вопросов даже для глубоковерующих христиан.

Проблема человеческих страданий во взаимной связи с Божественной любовью занимает умы и сердца людей многие тысячелетия.

Движимый непостижимой любовью *...сотворил Бог человека по образу Своему...* (Быт. 1, 27), дал человеку разум — чтобы мыслить, органы чувств — чтобы воспринимать окружающий мир, дал свободу выбора — жить в послушании к Нему, в саду Едемском, то есть в раю, или в непослушании. Имея свободу выбора, человек, соблазненный противником Всевышнего — диаволом, предпочел второе — непослушание, за что был наказан и изгнан Господом из рая. И сказал Господь Бог жене Адама: *...умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою. Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей* (Быт. 3, 16; 17) и *в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься* (Быт. 3, 19).

Созданный свободным для райской и вечной благодатной жизни, человек пренебрег Божественной благодатью. Адам и Ева были лишены бессмертия и райской жизни, обречены на смерть, болезни и тяжелый труд, житейские невзгоды и физические и нравственные страдания. Изгнал Господь Бог Адама и жену его *...из сада Едемского, чтобы возделывать землю...* (Быт. 3, 23) и скорбными трудами добывать плоды ее.

Этот грех первых людей Земли — нарушение запрета Божиего — стал первопричиной человеческих страданий. Физическая смерть, голод и болезни, постоянная забота о насущном хлебе и тревоги за судьбы своих детей, насилие и зло стали постоянно сопровождать жизнь человека на земле.

Совершившееся грехопадение Адама и

жены его Евы не прошло бесследно для их детей и всего рода человеческого. Каин, первенец Адама и Евы, из зависти и ревности убил единокровного брата своего Авеля. Впервые на земле по злой воле человека совершилось убийство, за которое убийца Каин был проклят Всевышним и обречен на вечное скитание, а следовательно, на вечное страдание.

Потомки совершивших грех прародителей так далеко зашли в своих грехах, в неповиновении Всевышнему, что Господь Бог вынужден был ограничить время жизни их: *...пусть будут дни их сто двадцать лет* (Быт. 6, 3). *И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их* (Быт. 6, 6, 7), поскольку *...земля растлилась пред лицем Божиим, и наполнилась земля злодеяниями ... всякая плоть извратила путь свой на земле...* (Быт. 6, 11, 12).

Возлагая свои надежды на поколение от праведного Ноя и сыновей его, которое не будет обременено грехами своих родителей, Господь Бог навел на нашу землю водный потоп, чтобы истребить всех на ней живущих, кроме праведного Ноя и потомков его, и вместе с этим пресечь дальнейшее грехопадение рода человеческого.

Велика милость Божия, Его любовь к роду человеческому и ко всем тварям Его, Им созданных для блаженной жизни.

Господь предупредил праведного Ноя о предстоявшем водном потопе и повелел ему сделать ковчег из дерева гофер. И когда ковчег был сделан Ноем, Господь дал ему наставление: *...войдешь в ковчег ты, и сыновья твои, и жена твоя, и жены сынов твоих с тобою. Введи также в ковчег... из всех животных, и от всякой плоти по паре, чтоб они остались с тобою в живых; мужеского пола и женского пусть они будут* (Быт. 6, 18, 19) — дабы всякая тварь Божия продлила бы род свой после потопа.

Ливень продолжался сорок дней и сорок ночей, под водой оказалась вся земная суша, водой... *покрылись все высокие горы, какие есть под всем небом* (Быт. 7, 19). Все, что находилось на земле живое, истребил потоп. Во грехе, в страданиях и в муках погибли люди, согрешившие перед Богом. Но не остановил Господь жизнь рода человеческого и жизнь всех Своих творений.

По великой милости Своей и беспредельной любви к людям *...сказал Господь Бог в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого — зло от юности его; и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал* (Быт. 8, 21). *И благословил Бог Ноя и сынов его и сказал им: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю* (Быт. 9, 1).

Так Господь Бог положил начало второму этапу жизни людей на земле.

Прошли тысячелетия. Люди забыли о потопе как о наказании Всевышнего за их грехи. Забыли... и вновь погрязли в грехах и в пороках своих. И как следствие этих пороков вновь воцарились на земле болезни, голод, страдания и бедствия.

Библия приводит множество свидетельств, когда целые народы за их грехи, беззакония и неисполнение повелений Божиих подвергались многочисленным страданиям и наказаниям.

Бог истребил города Содом и Гоморру вместе с их жителями, первый — за мужеложство, второй — за женоложство, так как эти извращения есть великий грех и нарушение Господнего установления.

С особой яркостью Священное Писание рассказывает о казнях, совершенных Моисеем по повелению Божию за неисполнение воли Его над народом Египта и царем его, предположительно фараоном Рамсесом II или сыном его Мернепой, правивших Египтом в середине XIII века до Р. Х.

Описывая бедствия избранного Богом израильского народа и его страдания, посланные на него Всевышним, Библия рассматривает их как наказание Господне за грехи Израиля, за нарушение Завета, заключенного между Богом Яхве (Ягве, Иегова) и праотцами еврейского народа — Авраамом, Исааком и Иаковом — об освобождении сынов Израиля из Египетского плена и заселении ими Ханаанской земли: *И я поставил завет Мой с ними, чтобы дать им землю Ханаанскую...* (Исх. 6, 4), но они нередко забывали о союзе с Богом, проявляли непослушание Ему, за что и подвергались наказаниям Его: голоду, болезням и другим бедствиям. *Всякий делающий грех, делает и беззаконие; и грех есть*

беззаконие (1 Ин. 3, 4). Но не всегда человек испытывает физические и нравственные страдания за совершенные им лично беззакония и грехи. Господь Бог не исключает ответственности перед Ним потомков за беззакония и грехи родителей и прародителей их, которые, как и все люди со времени грехопадения Адама и Евы, во грехе рождаются и во грехе живут: *Вот, я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя* (Пс. 50, 7). Нет на земле людей безгрешных, не совершивших греха, *потому что все согрешили и лишены славы Божией...* (Рим. 3, 23). А ведь сотворив человека, Господь сказал: *каждого, кто называется Моим именем ...Я сотворил для славы Моей,..* (Ис. 43, 7). Но... человек не оправдал надежд Господа. И все же почему сотворенное Господом создание оказалось столь склонным ко греху? Как мы уже говорили, человек от сотворения был наделен свободой или жить в повиновении Богу, или жить по собственному разумению, не исполняя воли Божией, а исполняя волю диавола, унижая и оскорбляя этим величие Создателя. Человек был создан Богом не как бездумный раб, а свободное существо, имеющее на себе образ Божий. Всевышний наделил человека способностью к творческому мышлению, пониманием ответственности за свои поступки. Он наделил человека совестью, чувством стыда, способностью к любви и милосердию.

Движимый любовью к человеку и видя его страдания как следствия непослушания, своеволия, грехопадения, пренебрежения ко Творцу, Господь дал Своему творению возможность победить первородный грех и заслужить благословение Его. Через пророков люди получили от Всевышнего Его Закон и заповеди. В главе 20-й книги Библии Исход читающий найдет этот величайший морально-нравственный Божий Закон, данный человечеству для искупления грехов своих и праведной жизни. Но люди и на этот раз пренебрегли Божией милостью и продолжали в угоду сатане жить в беззаконии, сопровождаемом страданиями и бедствиями. Люди снова пренебрегли благодатными дарами Всевышнего, снова проявили неблагодарность к Создателю, забыли о любви к ним Бога, забыли о заповедях Его, снова избрали сатанинский путь гордости и зависти, насилия и обмана, злобы, беззакония и греха, предпочитая тленное нетленному, временное вечному, смертное бессмертному, подвергаясь наказанию Господню, сопровождая путь свой на земле страданиями и бедствиями.

Но не всегда грех человека был первопричиной бедствий и человеческих страданий. Священное Писание свидетельствует о случаях, когда Господь Бог посылал страдания и бедствия избранным Им, праведным и любящим Его, чтобы испытать их терпение, верность и преданность Ему.

Бегство избранного народа Божиего из египетского плена продолжалось сорок лет, в то время как этот путь можно было бы преодолеть за сорок дней. Как объяснить столь долгий и нелегкий путь народа Божьего в обетованную землю Ханаан? При внимательном чтении книги Исход открывается истинный замысел Бога: испытать терпение в лишениях и веру этого народа в силу и могущество Всевышнего, донести до потомков сынов Израиля Закон и повеление Его, славу и величие Его.

Книга Иова рассказывает о величайших бедствиях и мучениях, выпавших на долю праведного и богобоязненного мужа Иова, которые тоже были испытанием его на верность Богу. Иов в один день потерял имение свое, весь скот в своем хозяйстве, сыновей и дочерей, на что благочестивый муж ответил: *...наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!* (Иов 1, 21). Не поколебало преданность и веру во Всевышнего и второе испытание Господне, выпавшее на долю праведного мужа Иова: поразил сатана... *Иова проказою лютою от подошвы ноги его по самое темя его* (Иов 2, 7). И на этот раз Иов остался верен Богу, хотя *и сказала ему жена его: ты все еще тверд в непорочности твоей! похули Бога и умри. Но он сказал ей: ты говоришь как одна из безумных; неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?* (Иов 2, 9, 10). Но, доведенный до отчаяния физическими и нравственными страданиями, Иов ищет самооправдания перед Всевышним, как бы упрекает Его в несправедливости: *Чист я, без порока, невинен я, и нет во мне неправды; а Он нашел обвинение против меня и считает меня Своим противником* (Иов 33, 9, 10). Иов признает неправоту свою и приносит Богу раскаяние: *...я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле* (Иов 42, 6). Услышав о сердечном, искреннем

раскаянии праведника, Господь простил человеческие слабости Иова. *И возвратил Господь потерю Иова... и дал Господь Иову вдвое больше того, что он имел прежде... И благословил Бог последние дни Иова более, нежели прежние... И было у него семь сыновей и три дочери* (Иов 42, 10, 12, 13). *И умер Иов в старости, насыщенный днями* (Иов 42, 17).

В Книге Бытия рассказывается драматическая история праведного и богобоязненного мужа Авраама, которому Бог, испытывая на верность Себе, повелел принести на всесожжение единственного сына его Исаака. Авраам взял сына своего и отправился в указанное Богом место с решимостью исполнить повеление Божие: *И пришли на место, о котором сказал ему Бог; и устроил там Авраам жертвенник, разложил дрова и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поверх дров. И простер Авраам руку свою и взял нож, чтобы заколоть сына своего. Но Ангел Господень воззвал к нему с неба и сказал: Авраам!.. не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего, ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего для Меня* (Быт. 22, 9—12).

Ветхий Завет насыщен повествованиями о драматических событиях, происходивших на земле, кровопролитных войнах между народами, кровавой мести людей друг другу по принципу: «глаз за глаз, зуб за зуб».

Умножаясь и заселяя землю, избранный Богом народ Израиля вступал в контакты с соседними языческими народами, знакомил их со своей верой в единого Бога, вменяя им таким образом ответственность перед Всевышним за неисполнение Его Законов, и нередко, вопреки Божественному запрету, сам вступал на богопротивный путь языческого многобожия. Грех на земле приумножался, охватывая все новые народы и племена, увеличивая тем самым страдания и бедствия людей. Так было на протяжении тысячелетий, пока не пришел на землю Богочеловек, Сын Божий, Спаситель рода человеческого Иисус Христос, который принес народам всей земли благую весть — Новый Завет, установив Новый Союз с Богом живущих на земле людей.

Искупив на Кресте Голгофы грехи людей, Иисус Христос дал человечеству возможность жить без греха, жить Новой жизнью — после распятия и Воскресения Его из мертвых... *древнее прошло, теперь все новое* (2 Кор. 5, 17).

Господь исполнил Свое обетование, данное Адаму в саду Едемском, поразить диавола и освободить людей от власти греха: *И сказал Господь Бог змею: ... вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову...* (Быт. 3, 14, 15). Исполнил обетование свое Господь в Сыне Своем Иисусе Христе, дал людям примирение с Собой, дал возможность жить в новом мире, новой жизнью, в духе Нового Завета Сына Божия Иисуса Христа. Новый Завет Бога человеку — это любовь, любовь всеобъемлющая: человека — к Богу, Бога — к человеку, любовь людей друг к другу. Любовь Сына Божия Иисуса Христа прощает всех павших и раскаявшихся в своих грехах пред Ним, как перед своим Спасителем, ибо Иисус Христос был предан на Крест... *за грехи наши и воскрес для оправдания нашего* (Рим. 4, 25). *Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3, 16).

В этом совершилось торжество премудрости Господней и исполнилось Его обетование победы над диаволом.

Жизнь во Христе для каждого из нас — единственный путь к вечной жизни, ибо сказал Сын Божий: *Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня имеет жизнь вечную* (Ин. 6, 47),— путь к миру, светлый путь добра, любви и милосердия.

Но не постигли люди величия и славы жертвы Бога. Не постигли разумом и сердцем своим Нового Завета Иисуса Христа, Сына Божиего, оставленного Им народам мира. Не постигли люди любви Божией к ним и величия этой любви. Давая диаволу возможность обмануть себя, человек пребывает в ложном мнении, что невелик будет грех его, если он отомстит обидчику («пусть знает, с кем имеет дело»), или кому-то скажет неправду, или у кого-то что-то возьмет, не принадлежащее ему, в надежде, что этого никто не увидит и об этом никто не узнает. Совершая беззаконие не только перед Богом, но и перед людьми, человек тем самым служит диаволу, подпадает под его власть, признает победу диавола над собой. Человек забывает о

том, что Бог всеведущ и вездесущ: *Может ли человек скрыться в тайное место, где Я не видел бы его?.. Не наполняю ли Я небо и землю? говорит Господь* (Иер. 23, 24).

Некоторые же люди, которые в тяжелые минуты жизни все же взывают к Богу о помощи, впадают в другую крайность, теряя надежду на получение прощения Всевышнего, продолжая жить во грехах по пословице: «семь бед, один ответ», забывая евангельскую истину: *Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят* (Мф. 7, 8).

Обреченные на бездуховность, физическую и нравственную смерть, болезни, бедствия и бесчисленные страдания, люди не замечают диавольского торжества над ними в их пороках: ненависти, зависти, злобе. Люди перестали отличать добро от зла и зло от добра. Господь Бог через пророка Исаию предупреждает нас: *Горе тем, которые зло называют добром, и добро злом, тьму почитают светом, и свет — тьмою, горькое почитают сладким, а сладкое — горьким!* (Ис. 5, 20). Это предупреждение Всевышнего актуально и для наших дней. Ныне повсеместно и повседневно можно наблюдать, как люди неправедными путями стремятся к высокой власти, к материальному благополучию. Некоторые «удачливые», не пойманные за кражу и другие беззакония, воспринимают свои «успехи» за благоденствие, за милость Божию. Человека же богобоязненного, идущего по земле стезями Божиими, но не достигшего высокой власти и материального богатства, они считают за неудачника, обделенного милостью Божией. Некоторые люди утрачивают истинную ориентацию, понятие границы между добром и злом, понимание Божиего и диавольского участия в судьбе каждого в мире живущего. Кровь, пролитая на Кресте Сыном Божиим Иисусом Христом, и мучительная смерть Его во имя любви к каждому из нас ради искупления наших грехов, не воспринимаются многими заблудшими людьми, дабы жить в мире и в согласии с Всевышним и друг с другом, жить в искренней любви, основанной на истинной свободе. Люди продолжают свой греховный путь, путь не к Богу, а от Бога в мир смерти и вечных страданий. Но на этом пути — только болезни, бедствия и несчастия, ненависть, зависть, насилие, разврат, пьянство и бесстыдство, ставшие столь распространенными пороками наших дней.

Если несколько десятилетий тому назад обнаженность женщины, демонстрируемая перед людьми, воспринималась обществом как бесстыдство, то в наши дни это понятие считается анахронизмом. В редких кинофильмах, телепередачах и телерекламных роликах не показывается зрителям «красота» обнаженного тела женщины, а то и сексуальный акт. Забыли люди, что прародители их Адам и Ева после своего грехопадения, увидев, что они наги, устыдились наготы своей пред своим Создателем, *...и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями...* (Быт. 3, 8).

В разных странах во все времена люди приспосабливали свое бытие и нравы к существующим законам. В наше время чаще наблюдается обратное, когда законы государства приспосабливаются к проявлениям безнравственного общественного бытия. Ранее во многих странах мира аборты рассматривались как преступление перед законом и осуждались обществом как аморальные, богопротивные явления. Ныне в Америке и в ряде европейских государств аборты разрешены законом. Если в прошлом веке великая русская литература несла в общество высокую мораль и учила нравственной жизни, то сегодня в наши души и семьи через литературу, кино и телевидение льется невиданный поток растления, жестокости и безнравственности. Люди все более удаляются от Бога, все глубже погружаются в бездну зла. Многие идут на беззакония сознательно, оправдывая себя тем, что «я поступаю, как и все», и этим всецело отдают себя в сети диавола.

Не может быть оправдан человек в беззаконии своем и в том случае, если он совершил преступление при участии других или по совету и повелению ближнего. Адам введен был во искушение своей женой, но это не избавило его от наказания Господнего.

Некоторые верующие христиане, озабоченные сегодня обилием преступлений в нашей стране: грабежей, убийств, насилий, массовым пьянством и наркоманией, пытаются понять причины этих социальных бедствий и в меру своих сил исправить создавшееся положение с помощью государственных структур власти. Но этих усилий недостаточно. Врожденные пороки человечества не могут быть исправлены только законами властей, указами или пресечениями.

Необходима помощь Божия, Его милосердие к нам, грешным. Пока люди не проникнутся любовью ко Христу как к своему Спасителю, пока сердца их не обретут дар Божий — дар Святого Духа, пока люди не раскаются в своих грехах и не родятся свыше от Святого Духа, до тех пор они не обретут благоденствия, будут подвергаться страданиям и бедствиям.

О рождении человека свыше, то есть от Святого Духа, Иисус Христос сказал знатному фарисею Никодиму: *Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия* (Ин. 3, 3). И далее Иисус поясняет Свои слова: *Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух* (Ин. 3, 6), то есть жизнь Вечная.

Пока в мире будет владычествовать власть тьмы — власть сатаны, жизнь людей будет сопровождаться бедствиями, болезнями, насилием и злом. *Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет* (Гал. 6, 7). Народ России семьдесят лет «сеял» идеи бездуховности и атеизма, и ныне эти плоды, взращенные и ухоженные нами, мы со слезами пожинаем. Смута, политическая нестабильность, хозяйственный упадок, а главное — безудержный разгул «нового человека», выращенного в духовной нищете, а то и вовсе в бездуховном вакууме, для строительства «справедливого» общества без Бога, порождает беспокойство россиян за будущее России. Многие из этого поколения «новых людей», выращенных на атеизме и человеконенавистничестве, к горечи нашей, живут безнравственно, пьянствуют, пренебрегают супружескими обязанностями, результатом чего является распад семьи.

Россия активно ищет выход из создавшегося положения, ищет, но пока не находит. Многие люди пытаются решить важнейшие жизненные проблемы своими силами, без Божией помощи. Люди не понимают могущества и власти Божией над всем миром, не ведают о Божием Промысле в судьбах народов. Упрекая Господа за невзгоды в своей жизни, люди не понимают, что страдания — средство искупления грехов, ибо страдания греховного человечества — единственный путь к раскаянию перед Всевышним и путь к богообщению: *Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные,*— взывает к нам Иисус Христос,— *и Я успокою вас* (Мф. 11, 28).

И. НЕДОСЕКИН

(Окончание. Начало на с. 24—28)

естества, то тем и другим подтверждается благочестивое положение о Божестве, что исчисляется Троица по ипостасям и не рассекается на иноестественные части.

Посему, каково же безумие сих духоборцев, которые учат, что Господь — раб, для которых не верно и свидетельство Павла, когда говорит, что *Господь Дух есть* (2 Кор. 3, 17). Или, может быть, слово *да приидет* почитают унижающим достоинство? Не слушают, значит, и великого Давида, который призывает к себе даже Отца и вопиет: *прииди во еже спасти нас* (Пс. 78, 3). Если для Отца прийти — дело спасительное, то почему для Духа прийти — дело унизительное? Или и это — очищать от грехов — поставляют признаком унижения достоинства? Послушай неверных иудеев, которые вопиют, что отпускать грехи свойственно Единому Богу, которые, рассуждая об Отце, говорят: *Кто есть сей, иже глаголет хулы! Кто может оставляти грехи, токмо один Бог* (Лк. 5, 21)? Посему, если грехи оставляет Отец, вземлет же на Себя грех мира Сын (ср.: Ин. 1, 29), и от греховной скверны очищает Дух Святый тех, в ком пребывает Он. Что скажут на сие противоборствующие собственной своей жизни?

Но да приидет на нас Дух Святый, и да очистит нас, и да соделает способными к принятию возвышенных и боголепных понятий, указуемых нам в молитве гласом Спасителя, Ему слава во веки веков. *Аминь.*

Моя жизнь в Святой Православной Церкви

Когда несколько недель тому назад митрополит Питирим позвонил мне по телефону и спросил, не смогу ли я написать статью для «Журнала Московской Патриархии», моей первой реакцией было сказать категорическое «нет». Кто я, чтобы писать такую статью? И второй причиной был заголовок статьи. В моих ушах он прозвучал как заголовок знаменитого и глубоко духовного собрания дневниковых записей святого праведного Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе». Но я не святой, как отец Иоанн. Я — скромный приходской священник. Когда мой друг и наставник много лет назад убеждал, что мне следует попытаться сделать эту работу, я согласился ради священного послушания. Поэтому я представляю эту статью и надеюсь, что она сможет как-то помочь какому-нибудь молодому человеку, который стремится к Святому Православию и хочет принять мученичество духовного сана. Мы на Западе отчаянно нуждаемся в таких молодых людях, готовых посвятить свою жизнь служению Богу и пожертвовать собой во имя народа Божиего — Христовой Святой Православной Церкви.

Как это начиналось?

Я родился в день памяти Николая Чудотворца в 1913 году. Мои родители были очень набожными, но, к сожалению, сектантского вероисповедания. Они принадлежали к Методистской епископальной церкви, родители воспитали меня и моих сестру и брата в молитвенной атмосфере. Но протестантская среда не могла дать мне духовной полноты. Мне чего-то не хватало в протестантстве. Тогда я не знал, чего именно. Но еще будучи маленьким мальчиком, я почувствовал, что настоящее христианство есть нечто, стоящее значительно выше любого протестантского понимания.

Однажды, когда мне было 11 лет, я со своим другом посетил русскую церковь в Стокгольме. И должен признать, что тогда я испугался до смерти. На литургии было немного верующих. Но они все были русскими. А в 1925 году для шведского мальчика все русские были опасными людьми.

Я не мог понять ни одного слова из службы.

Но во время той святой литургии со мной произошло чудо. Впервые в моей жизни я ощутил реальность Бога. Я сердцем понял то, что открывается на всех наших иконах с изображением Христа: Бог есть истинная жизнь, единственный источник жизни и телесной и духовной. И я помню, как осознание этого наполнило меня глубокой радостью. Я нашел для себя смысл жизни. А мне было тогда всего 11 лет. Но именно в тот день я решил, что я должен стать православным христианином и, если Богу будет угодно мое служение, я стану православным священником.

Долгий путь к Православию

Однако энтузиазм и мечты маленького мальчика — это одно, а действительность часто очень далека от всякой романтики. Нужно было заново пересмотреть все свои юношеские убеждения и оторваться от старых корней. Нужно было расстаться с привычными протестантскими индивидуалистическими идеями и понятиями. Вопрос стоял однозначно: «Я верю так и не иначе, ибо так говорит Господь».

Святое Православие по своей сути сконцентрировано вокруг идеи церковной «соборности», то есть веры, в то, что Бог открывает спасительную правду только в Своей Церкви, которая есть Его Святое Тело.

Мое юношеское понимание сущности Православия сделало мой путь в лоно Святой Православной Церкви долгим и трудным.

Мне пришлось отказаться от моего протестантского наследия. Это было не самым трудным. Гораздо более трудной проблемой был ленивый протестантский экуменизм. Экуменисты говорили

мне: «Церковь только одна. Но она разделена на несколько ветвей. Она, как дерево, имеет один корень, но несколько ветвей».

Конечно, в определенном смысле это правильно. Но когда это касается действительной духовной жизни во Христе, оно становится разрушающей душу догмой.

Христос есть *путь и истина и жизнь* (Ин. 14, 6). И Святая Церковь есть Святое Тело Христово. Святой апостол Павел пишет в Первом послании к Коринфянам: *...все мы одним Духом крестились в одно тело...* (12, 12).

Таким образом, есть только одна истинная Святая Церковь.

Но во мне была еще жива идея протестантского «экуменизма». Церковь, конечно, одна. Но она имеет несколько ветвей. И эти ветви основаны на национальных принципах.

Так во мне происходила борьба за поиск истинной Церкви.

И я обрел православных друзей, которые сказали мне: «Церковь действительно одна. И ты должен оставаться в шведской лютеранской Церкви и в ней трудиться для христианского единства». Решающее слово в этой ситуации было сказано моим любимым учителем русского языка, протоиереем Александром Рубцом из Московской Патриархии. Он сказал мне: «Оставайся в шведской Церкви и стань лютеранским пастором».

И я послушался его. Я стал лютеранским пастором и 21 год служил шведской Лютеранской Церкви.

Я работал успешно. Все шло хорошо и спокойно.

Но на протяжении всего времени моего служения в шведской Лютеранской Церкви передо мной стоял вопрос, исходящий от Бога: «Сын мой! А как же святая правда?»

Я угодил в порочный круг псевдоэкуменизма, который говорит: «Мы все христиане! Коль это так — неважно, как ты веруешь». Но такое понимание создает духовную неразбериху. И каждый, кто искренне так считает, попадает в ловушку душеразрушительного индивидуализма.

Вот что произошло лично со мной. Постепенно мне становилось ясно, что я был нечестен духовно. Я был нечестен по отношению к себе и моим убеждениям. А эти убеждения были православными. Я был нечестен по отношению к Церкви, которая кормила меня. Я был нечестен по отношению к Божией Святой Православной Церкви, чьи учение и образ жизни я считал откровенной правдой. И — а это самое главное — я был нечестен по отношению к Богу. Мне понадобилось 40 лет, чтобы увидеть и понять, что истинная христианская духовность невозможна без честности по отношению к себе, святой Церкви и в общем и целом к Богу.

В возрасте 52 лет мне пришлось оставить все, что до сих пор давало мне уверенность в себе, мою национальную принадлежность к шведской Церкви, социальное и экономическое обеспечение, мой любимый приход и всех моих друзей в этом приходе. Это было подобно тому, как Авраам получил наказ от Бога: *Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего* [и иди] *в землю, которую Я укажу тебе* (Быт. 12, 1).

Мне пришлось расстаться с мирским благополучием. А что ожидало меня впереди? Я знал, что впереди — Божия святая Апостольская Кафолическая Православная Церковь. Но Православная Церковь какой юрисдикции? Святое Православие появилось в Швеции, как и во всех странах диаспоры, не как единое целое, а в форме эстонских, финских, греческих и русских приходов. Для того, чтобы швед мог стать православным, ему необходимо было принять другую национальность. Но такое решение проблемы невозможно. Невозможно оторваться от своих корней и воспитания. Такой отрыв означал бы отречение от себя самого.

Лично я был склонен просить разрешения быть крещеным в Московской Патриархии. Для меня было ясно, что Московская Патриархия несет юридическую ответственность за православные приходы в скандинавских странах. Решения святых восточных Патриархов 1591 и 1593 годов ясно гласят, что полный титул Патриархата и его Патриарха должен быть «Патриарх Московский и всея Руси и всех северных стран».

Но в Швеции не существовало ни одного прихода Московской Патриархии. И когда я написал Его Святейшеству Патриарху Алексию I, я получил ответ: «В настоящих условиях мы ничего не можем для Вас сделать. Обратитесь к Константинопольскому Вселенскому Патриархату».

Я последовал этому совету. И 6 ноября 1965 года я был допущен в Святое Православие через Таинство Крещения. Об-

ряд крещения был совершен греческим архимандритом в Стокгольме отцом Ниокалосом Стендгером с участием русских, эстонских и финских православных священников в Швеции. И это было совершено в Русской Церкви в Стокгольме.

Совершением этого Таинства мы смогли продемонстрировать, что Святое Православие есть духовное и священное единение, для которого национальные различия не являются препятствием.

Несколькими днями позже я получил приказ от греческого архиепископа Афинагора I Фиатирского и Великобританского приехать в Лондон для посвящения сначала в сан диакона, а затем — священника. И 1 января 1966 года я был посвящен во диакона, а 2 января — во священника.

Вот так это все начиналось.

Жизнь и работа в Святом Православии

Итак, я вернулся домой первым в истории шведским православным священником. Но я приехал туда абсолютно с пустыми руками. Со времен моего лютеранства у меня остались очень маленький потир, дискос да две-три служебные книги на греческом и церковнославянском языках. Не было ни облачения, ни православной евхаристической утвари, ни надлежащих служебных книг, практически не было ничего.

Затем в третье воскресение Великого поста меня пригласили служить в эстонской церкви в Стокгольме. Эта служба стала поворотным моментом в моей жизни. Совершенно неожиданно в церкви появился епископ Таллиннский Алексий (сейчас Его Святейшество Патриарх Московский Алексий II). У нас были очень дружеские отношения в течение нескольких лет. Я рассказал ему о своих проблемах православного священника в Швеции. На этой службе, где он присутствовал как простой верующий, среди прихожан, он подарил мне прекрасный комплект церковных облачений и все необходимые евхаристические сосуды. Теперь я мог достойно совершать богослужение.

Тем временем я обнаружил, что Южная Швеция является одним из церковных центров иммиграции православных. Неожиданно там появилось множество православных, нуждающихся в духовной помощи и поддержке. Это были эстонцы, финны, греки, арабы, румыны, сербы, поляки, русские, украинцы и даже несколько негров.

И уже в конце 1966 года мы смогли организовать православный приход в Кристианстаде в Сканийской провинции.

Сразу возникла проблема: в чьей юрисдикции должен быть этот приход и на каком языке должна вестись служба.

Я перешел во Вселенский Патриархат в надежде, что этот Патриархат живет в соответствии со своим высоким призванием. Но в 1969 году Константинополь образовал Скандинавскую епархию, неправильно назвав ее Скандинавской митрополией. Первым, кто возглавил ее, был митрополит Полиефктос. С этого начались все осложнения. Они начались потому, что большинство православных верующих в Швеции не являются греками. А митрополит Полиефктос сразу ясно дал понять, что он хочет иметь чисто греческую епархию. Так Константинополь не оправдал своего призвания стать объединяющим фактором Православия в Швеции.

Тем временем мною был организован другой приход, приход святой Анны Новгородской в городе Вадстена в Средней Швеции. Митрополит Полиефктос отказался принять этот приход под свою юрисдикцию. Таким образом в затруднительном положении оказались два прихода. Мы хотели создать шведскую ветвь Святого Православия. Но эта ветвь должна иметь прочное каноническое основание. А где мы могли найти это каноническое основание?

В начале 1972 года епископ Сербской Патриархии Лаврентий приехал в Швецию с целью основать сербскую юрисдикцию в Скандинавии. Тогда приход святой Анны Новгородской принял единодушное решение обратиться туда с просьбой присоединиться к Сербскому Патриархату. Это обращение было принято епископом Лаврентием.

Таким образом, шведские православные приходы были на короткое время разделены. Но затем, в 1976 году, приход святой Анны Новгородской попросил меня стать настоятелем этого прихода. Я уже был назначен настоятелем этого прихода архиепископом Афинагором Фиатирским и Великобританским. Но факт принятия прихода святой Анны Новгородской под омофор сербского епископа в Скандинавии потребовал принятия нового решения. До 1974 года, когда епископ Лаврентий начал свою деятельность в качестве епископа Скандинавского, существовало положение, определенное соглашением

1967 года между Патриархом Белградским Германом и архиепископом Афинагором Фиатирским и Великобританским, в соответствии с которым на меня возлагалось духовное попечительство о сербских верующих в Швеции.

Этим соглашением мы достигли определенной степени объединения православных. Каноническое Православие формально было объединено под омофором Константинопольского Вселенского Патриархата. Вскоре это формальное единение оказалось лишь благочестивой надеждой.

С образованием Сербской епархии в Швеции это единство было нарушено. Болгарская, Македонская и Румынская Церкви открыли свои национальные приходы в Швеции. С канонической точки зрения ситуация ухудшилась, как никогда. Сегодня положение в Швеции таково. В стране существуют следующие канонические организации Православной Церкви: Эстонская Православная Церковь, финский православный приход, греческая православная епархия, болгарский православный приход, румынские православные приходы, македонские православные приходы, шведская православная епархия и сербская православная епархия. Кроме того, мы имеем дохалкидонскую сирийскую, коптскую и ассирийскую Церкви. И все эти национальные общины живут почти духовно изолированно друг от друга.

Такова была ситуация, когда я начинал свою деятельность в Православной Церкви Швеции. У меня была идея создания в Швеции канонической Православной Церкви.

Что-то сделать можно было только в Сербской Православной Церкви, поскольку сербы составляют около четверти православных в Швеции. Поэтому я согласился стать настоятелем прихода святой Анны Новгородской. Это означало, что я должен был покинуть греческую епархию в Скандинавии и присоединиться к сербской епархии. С целью объединения Православия в Швеции два прихода (святого Дмитрия и святой Анны) в 1977 году объединились в шведскую православную епархию. Так было положено начало будущей шведской Православной Церкви. Позднее приход святой Анны вышел из этой епархии. Но зато был образован новый приход в Готенберге — приход святой Марии Магдалины.

Может показаться, что создание шведской православной епархии создает неразбериху внутри Святого Православия. Чтобы понять причины создания шведской православной епархии, которая находится канонически в подчинении у существующей канонической Патриархии, необходимо понять ситуацию, существующую в так называемой диаспоре.

Православная Церковь и иммиграция

Святая Православная Церковь была практически неизвестна на Западе вплоть до первой мировой войны. Ее считали какой-то неизвестной восточной формой Католицизма. Некоторое понимание ее пришло через русские православные приходы, разбросанные по Западной Европе. Но эти приходы существовали только для немногочисленных русских: туристов, дипломатического корпуса или коммерсантов, работающих на Западе. И поскольку большинство людей почти ничего не знало о Православной Церкви, то их отношение к ней в целом было негативным. Она была для них Церковью, лишенной жизненности, чьи функции состояли лишь в формальном отправлении непонятных обрядов.

С окончанием первой мировой войны ситуация резко изменилась. В результате политических перемен, которые произошли во многих странах к концу войны, особенно революции в России, миллионы православных бежали на Запад. Эта русская иммиграция не имела большого значения для Швеции. Большинство иммигрантов, которые прибывали в Швецию, уезжали через короткий промежуток времени, для того чтобы поселиться в других европейских странах. Но около двух тысяч русских граждан остались в Швеции. Из них около тысячи были православными верующими.

Но эти люди жили разбросанно по всей Швеции, существовала лишь одна русская община — приход Преображения Господня в Стокгольме.

На Западе же появилось несколько очень активных православных приходов, особенно во Франции и в Соединенных Штатах Америки.

Но если и существовал один или несколько приходов в какой-нибудь стране Западной Европы и Америки, то проблема все равно оставалась. Многим из русских иммигрантов приходилось жить без постоянного духовного окормления и без живительного общения с Цер-

ковью. Святое Православие для них все больше сводилось к посещению пасхальной ночной службы раз в четыре или пять лет.

Для первого поколения иммигрантов такое положение было болезненным. Но они смогли это пережить, так как жили полнокровной православной жизнью в традициях, принесенных с родины.

А как обстояло дело со вторым, третьим и последующими поколениями? Могли ли они оставаться православными? Конечно нет! Слишком сильным становилось влияние на них их шведских и лютеранских друзей. Они забыли свой язык, приняли лютеранские традиции. Иногда они гордились своим православным русским происхождением. Но чаще стыдились его и становились шведскими ультранационалистами и отходили от Святой Православной Церкви. И одной из главных причин такого отхода был язык. Они забыли свой русский, и то малое, что они еще знали, не позволяло им понимать церковнославянский язык, на котором велись церковные службы.

Эта ситуация усугубилась с иммиграцией православных других национальностей, которая началась в 60-х годах. Сразу после второй мировой войны в Швецию приехало несколько тысяч эстонцев и финнов. Эстонцы очень быстро образовали сильную церковную организацию в Швеции, включающую несколько приходов. Но несмотря на их усердие и преданность делу, результат был тот же. Пожилые люди оставались верными Святой Православной Церкви. Но последующие поколения становились все более равнодушными к Православию.

Итак, в начале своей работы православным священником я пришел к заключению, что моей задачей в Святой Церкви был перевод на шведский язык как можно большего числа литургических текстов для тех приходов, где хотели пользоваться во время богослужения шведским языком.

К настоящему времени все основные службы переведены на шведский язык. Я также перевел основные части Октоиха и Триодей и другие части православных литургических текстов. Эти переводы дают возможность православным шведам жить в приходах полной литургической жизнью.

Но в этом отношении сделано еще очень мало. Одному человеку невозможно перевести все православные литургические сокровища. Над этим предстоит потрудиться будущим поколениям.

Другой проблемой в этом деле является несоответствие современного языка языку церковному. В каждом живом языке происходят постоянные изменения, но церковный язык должен быть неизменным, должен быть торжественным и адекватно передавать дух и букву богослужения и быть понятным верующим. Это делает перевод церковных текстов очень сложным.

Любой литургический перевод должен быть верен догматическому значению оригинального текста. Фактически неправильный перевод может стать серьезной ересью. Переводчик прежде всего должен хорошо знать свой родной язык, владеть широким словарным запасом родного языка. Я не могу сказать, что мои переводы православных литургических текстов на шведский язык являются идеальными. Многое еще нужно сделать, и это потребует много времени.

Трудность еще заключается в том, что православное население Швеции состоит из многих наций с разными языками. Так как все они живут смешанно, необходимо пользоваться одним общим для них языком. Таким языком здесь является шведский язык.

Но тут мы сталкиваемся с еще одной проблемой. Иммигранты с детства учились говорить с Богом на своем родном языке. И их смущает, когда приходится молиться на другом языке, которым они не могут полностью овладеть. Последующие поколения первых иммигрантов говорят по-шведски свободно. Но, с другой стороны, они быстро забывают язык своих родителей. Чтобы этим новым поколениям остаться православными, они должны иметь возможность молиться Богу на том языке, на котором могут и свободно общаться с людьми. Это задача первейшей важности.

Такой язык является средством, помогающим преодолеть барьер между их национальным, духовным наследием и их сегодняшней жизнью в явно неправославном окружении.

Как мне это видится, наша задача заключается не в том, чтобы сохранять какую-либо национальную культуру. Можно уважать традиции какой-либо национальной Церкви. Но жить в том, что сейчас является только историей и археологией,— значит предать Святое Православие. Православие не означает

приверженность национальным традициям, которые существовали в определенный период истории.

Миряне, увлекающиеся стариной как таковой, вольны, конечно, выражать свою приверженность к ней. Но Божия Святая Православная Церковь всегда должна жить с народом Божиим, разделять его проблемы, радости и печали.

Таковы мои проблемы. И, что интересно, большинство иммигрантов разделяет мой взгляд на них. Они охотно приходят на наши многоязычные службы. Противодействие исходит в основном от шведских новообращенных. Они познакомились с Божией Святой Православной Церковью или в ее русской традиции, или в греческой, или румынской и сербской. Или в любой другой национальной форме. То, что их научили любить, было национальной формой Православия, которая была для них изначальной и православной по своей сути. И результат очень часто получался довольно нелепым. Некоторые православные шведы не могли сказать «епископ», когда они говорили о нашем иерархе. Те, кто был прорусской ориентации, пользовались словом «Владыка». Если они были под греческим влиянием, хотели употреблять слово «Despota». И так далее и тому подобное.

В результате мы выглядели довольно смешно. И это одна из наших проблем на сегодня. Являемся ли мы действительно православными, или мы есть только романтическая копия культур и обычаев, существующих в других странах?

Эта проблема усугубилась тем, что большинство православных верующих в Швеции жили смешанно. Так, в одном месте могло проживать человек 20 греков, 30 сербов, 10 румын и представители других национальностей. Каждая из этих групп была слишком маленькой, чтобы образовать живущую полнокровной жизнью православную общину. И, изолированные друг от друга, они очень скоро теряли православную принадлежность. И, что еще хуже, они теряли свою христианскую веру. В каждой европейской стране сегодня мы наблюдаем процесс секуляризации. Быть греком-мирянином в Греции или русским мирянином в России — это одно дело. А быть греческим или русским мирянином в неправославном окружении — это совсем другое. В православной стране все всегда окружены православными традициями. Все вокруг тебя говорят о вере, которая создала твою нацию, ее культуру и ее образ мышления. И это та, часто пренебрегаемая нами реальность, которая делает нас теми, кем мы являемся в действительности.

Это проблема не только Православия. Она стоит перед всеми вероисповеданиями и конфессиями. Но здесь я пишу только о наших проблемах, проблемах Православия. А задача Православной Церкви в том, чтобы помочь каждому православному найти себя и, таким образом, обрести Бога, потому что без Бога никто не может обрести себя и свое истинное «я».

В самом начале своей работы я решил сделать приходы, за которые я нес духовную ответственность, многоязычными. Первые иммигранты в Швеции привыкли общаться с Богом на своем родном языке. Но они были разных национальностей, каждая из которых имела свой язык. Как объединить все эти национальности в одну православную семью — духовную семью, где до каждого можно было бы донести Святое Православие в его чистоте?

Я решил попытаться сделать это, чередуя на каждом богослужении языки, которыми я владел. Я пользовался шведским, греческим и церковнославянским языками. Выбор языка зависел от национальности людей, которые приходили на службу. Если это были только люди славянской традиции, я служил на церковнославянском. Если только греки, я служил на греческом языке. Если это были шведы, я служил на шведском. Но несколько раз мне пришлось служить даже на нескольких языках — французском, немецком и английском. Так на каждой службе мы испытывали нечто от чуда на Пятидесятнице.

Конечно, против этого кое-кто возражал. Некоторые хотели, чтобы служба велась только на одном языке, который они считали святым. Как ни странно, такими людьми были в большинстве случаев шведы!

Но существует и еще более серьезная проблема — юридическая.

Юридическая проблема

Есть вопрос, который отчасти парализует деятельность Святого Православия в диаспоре. Ситуация, в которой мы живем, противоречит всем православ-

ным принципам, фактически это еретическая ситуация. Святая Церковь объявила так называемый национализм ересью. Но в диаспоре все православные или почти все живут в атмосфере национализма в церковных делах.

Эта ситуация возникла после первой мировой войны. До этого Святое Православие было представлено на Западе Русской Церковью. И Русская Церковь прекрасно решала национальную проблему. Греческие и румынские приходы, находящиеся под ее юрисдикцией, как и все другие национальности, сохраняли свой язык и национальные традиции. Основным принципом был принцип «один город — один епископ». Это означает, что Святое Православие организовано по региональному признаку, независимо от национальностей, проживающих в этом регионе.

А какова наша действительность в диаспоре? Однажды я сосчитал количество епископов в Нью-Йорке, носящих титул «Архиепископ Нью-Йоркский и всей Америки». Я обнаружил 10 «канонических» православных епископов, носящих этот титул. А в Швеции проживало два епископа и оба носили титул «Епископ Скандинавский». Такая ситуация не только нелепа. Она является опасно еретической. И это мешает жизни и росту Святого Православия на Западе. Это даже мешает нам сохранить тех, кого мы крестили в истинную православную веру. А для многих из тех, кто испытал славу Бога так, как она представлена православным учением и богослужением, это просто трагедия. Для них больным остается вопрос: «К кому нам идти? Мы веруем по-православному. Мы верим, что Святое Православие есть Церковь, которую основал Христос, наш Господь. Но мы также являемся детьми своей истории. К кому нам идти?».

Такова проблема Святого Православия в диаспоре. Мы знаем, что Святое Православие есть путь к духовному возрождению для всего человечества, и, однако, прячемся за свою национальную юрисдикцию.

Но что такое юрисдикция? Она является временным решением вопроса.

По этой причине я считаю, что нужно как можно скорее созвать Вселенский Собор, хотя бы только для того, чтобы решить проблему Православия в диаспоре. Сегодня это вопрос жизни и смерти для многих православных. Православные приходы на Западе должны быть организованы на разных территориях в согласии с церковными канонами.

Для северных стран такая организация фактически очень проста, если мы хотим быть верными принципам Православия. Решениями Соборов в Константинополе 1590 и 1593 годов северные страны были объединены под омофором Патриарха Московского. Следовательно, в северных странах объединение православных может быть осуществлено легко. Мы должны быть под омофором Патриарха Московского.

Дальнейшим шагом должно быть церковные объединение Патриархом Московским северных стран в одно единое целое...

Что же касается остальных стран диаспоры, то решение этого вопроса зависит от мудрости, которую проявят отцы на Вселенском Соборе.

Я очень хорошо знаю все проблемы канонического решения этого вопроса. Но он может быть решен, если Святое Православие выразит свое отношение к духовным проблемам Запада. Сегодня у нас есть еще эта возможность. Но что может произойти завтра?

Моя жизнь в Святом Православии

Стал ли я сразу лучше как христианин и как человек, когда 6 ноября 1964 года я принял Святое Православие? Конечно, нет!

Нашел ли я духовное общение с убежденными христианами и блаженными святыми? Конечно, нет!

Покинули ли мой разум сомнения? Конечно, нет!

В действительности произошло то, что я осознал свою греховность и свою слабость. До этого я произносил Иисусову Молитву так: «Господи, Иисусе Христе, буде милостив грешнику!» Теперь я научился правильно произносить ее. В русском языке нет артикля, персонифицирующего слово «грешник», а Запад всегда переводил эту молитву с русского и потому пришел к неверной интерпретации этой молитвы. Греческий же текст персонифицирует слово «грешник». Таким образом, перевод этой молитвы должен быть таким: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, буди милостив м н е, грешнику».

Это открытие потрясло меня. В Святом Православии я не мог заслониться безымянными грешниками. Перед Богом я теперь предстал единственным грешником. Я был тем, кто нарушил святой и простой Божий Закон в Раю, Закон послушания. Как грешник, я единолично и полностью отвечаю за свою жизнь и свои поступки перед Богом, Единственным Справедливым Судией. Большинство христиан, которые осознали тяжесть греха, согласятся с этим. Грех всегда индивидуален, однако искупление и спасение — всеобщие. *Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3, 16). Бог возлюбил мир! Это есть ответ Бога на смятение и отчаяние человечества. Мы грешим каждый в отдельности. А спасаемся в единении — единении Бога с нами в Его Святом Теле, в Святой Православной Церкви.

Выше я поставил три вопроса. Мне бы хотелось вернуться к ним: Нашел ли я в Православии условия лучшие для того, чтобы стать более достойным христианином? Конечно, я не нашел идеальных условий. Человек всего только человек, какую-бы веру он ни исповедовал. То, что я нашел, была Святая Христова Церковь. Я обрел дом в Его Святом Теле. Я обнаружил, что был единственным хулителем и грешником перед Ним и что в Его Святой Православной Церкви, которая есть Его Святое Тело, все грехи мира отпускаются — даже мои грехи. *Ибо так возлюбил Бог мир!* В Божией Святой и Единой Церкви я обрел новую жизнь.

Святая Церковь в целом является той единственной Церковью, которая с Божественной правотой может сказать: «Так говорит Господь». Она, и только она воспитывает, растит нас в бесконечной Божией любви. Она, и только она может наставить нас на путь личного духовного совершенствования. Она, и только она может дать нам святой закон следования Божией воле.

Святая Церковь не есть общность религиозно и нравственно совершенных людей. Она есть общность святых, основывающаяся на Святых Божиих Дарах, Святых Таинствах. Они — залог святости Церкви. И мы, грешники, освящаемся в Церкви в той мере, в какой являемся участниками Святых Таинств. Святые отцы говорят: «Стань тем, кто ты есть!» Мы созданы по образу Божиему. Мы отпали от Бога. Но в Святых Таинствах Бог восстанавливает нас в Своей бесконечной и спасительной любви, и я могу стать тем, кем я действительно являюсь — чадом Божиим.

Исчезли ли мои сомнения? Конечно, нет! Являясь подобием Бога, я есть мыслящее существо. И это означает, что у меня есть привилегия задавать вопросы даже о самых святых вещах. Но, когда я принял учение о том, что Святая Церковь есть Тело Христово, в котором Бог учит нас правде о Себе и правде о нас самих, мой разум нашел путь к спасению. Нельзя найти спасения, подвергая сомнению то, чему учит Бог. Спасение можно найти только тогда, когда я обращен к Богу и принимаю Богооткровенную Истину и стараюсь сообразовывать свою собственную жизнь с тем, что я узнал и увидел в Божией правде, открытой нам Его Единородным Сыном Иисусом Христом.

Сейчас, в конце моей земной жизни, я восхваляю Бога за то, что Он Своей милостью привел меня в Свою Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. И я постоянно думаю о словах нашего Спасителя: *Так и вы, когда исполните все повеленное вам, говорите: «мы рабы ничего нестоющие, потому что сделали, что должны были сделать»* (Лк. 17, 10).

Слава Богу и благодарение!

Протоиерей Христофер КЛАССОН

Пастырские советы отца Иоанна совершителю богослужения

Современному человеку нелегко представить, что еще совсем недавно, в начале нашего столетия, в Русской Церкви проходил святое служение пастырь, которого без преувеличения называли всероссийским батюшкой,— пастырь, жизнь и служение которого полностью соответствовали евангельскому идеалу. *Пастырь добрый полагает жизнь свою за овец,*— сказал Господь.— *А наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит приходящего волка, и оставляет овец и бежит...* (Ин. 10, 11—12).

Можно ли найти в личности отца Иоанна что-либо противоречащее этому идеалу? Предоставим ответ самому кронштадтскому пастырю.

Однажды один петербургский протоиерей сказал ему: «Вы так утомляетесь, батюшка, совсем не даете себе покоя!» Отец Иоанн ответил: «На что мне покой, друг мой! Покой наш будет там (указал он на небо), если только заслужим его здесь. Да и может ли пастырь быть покоен, когда еще не все овцы глас его слышат, а некоторые и слышать не хотят, другие же стонут и сами умоляют о помощи. Не должен ли пастырь спешить им на помощь? Сколько слез, нужд, скорбей, немощей, сколько грехов у овечек наших! ... Пастырю ли покоиться, дремать, когда их погибель не дремлет».

Еще при жизни современники ставили отца Иоанна Кронштадского в пример всем священнослужителям. Отец Иоанн «составляет достояние истории»,— заметил один из его почитателей. Вскоре после кончины батюшки архиепископ Волынский Антоний сказал: «Отныне каждый ставленник должен считать для себя преступлением не знать беспримерного жития отца Иоанна, должен знакомиться с его сочинениями, должен мыслями его отныне руководствоваться в жизни». Кто прочитал дневники святого пастыря «Моя жизнь во Христе», тот не может не согласиться с мнением Владыки Антония. Поистине, в этих дневниках запечатлена жизнь во Христе, опыт богопознания, богословие пастыря-святого.

Чрезвычайно интересны сохранившиеся до нас две беседы отца Иоанна с пастырями Нижнего Новгорода (1901 г.) и Сарапула (1904 г.), а также слово святого праведника, сказанное им для назидания пастырей и готовящихся к пастырству в день своего семидесятилетия. В этих беседах отец Иоанн рассказывает о своем личном пастырском опыте, которым каждый священник может и должен руководствоваться в своем пастырском служении.

Какие же нравственные и пастырские советы может почерпнуть совершитель богослужения из наследия протоиерея Иоанна Ильича Сергиева?

В самом начале своих бесед отец Иоанн касается главного вопроса — вопроса об основе христианской жизни.

«...Я стараюсь быть истинным пастырем,— говорит он,— не только на словах, но и на деле — в жизни. Поэтому я строго слежу за собой, за своим душевным миром, за своим внутренним деланием. Я даже веду дневник, где записываю свои уклонения от закона Божия; поверяю себя и стараюсь исправляться».

В беседе с сарапульскими пастырями отец Иоанн сказал: «Я исполняю древнее великое правило: познай самого себя. Это, собственно, содержание и всей моей жизни; и доселе я не перестаю «познавать самого себя». Через это я познаю свою беспомощность во всех отношениях, а это меня заставляет смиряться. ...Постоянное изучение своей природы заставляет меня быть и постоянно осторожным и постоянно просить у Бога благодатной помощи для очищения от грехов. И это же знание своих человеческих немощей заставляет меня и помогать другим, и молиться за них, сочувствовать, прощать. Особенно для меня ценно изучение своей человеческой природы, потому что чрез это я познаю главные свойства Божии; я на себе познаю, я испытал, насколько Господь наш мило-

серд, долготерпелив, всемогущ, в помощи нам скоропослушлив. Он Источник нашего здравия душевного и телесного, душевной чистоты, духовных сил».

Вот совет пастырю, как избежать тщеславия и гордости, как научиться смирению и терпению, столь необходимым для духовного окормления вверенных ему душ.

Отец Иоанн высоко ставил священническое служение. «Священник — ангел, не человек», у него постоянно речь с Самим Господом, и «постоянно отвечает на его речи Господь»... Славословя с Ангелами, священник составляет с ними «один собор, одну церковь, одну семью Божию... по благодати Господа Иисуса Христа». Он уполномочен благодатью Всеосвящающего Духа совершать возрождение и освящение грешного человечества. А потому «до плотских ли наслаждений священнику, когда ему надобно неотменно наслаждаться единым Господом, да даст Он ему прошение сердца его? До плотских ли наслаждений, когда у него так много духовных чад, предъявляющих ему свои многоразличные духовные и телесные немощи, в которых нужно им душевно сочувствовать, подавать искренние и здравые советы, когда ему каждый день предстоит подвиг от всего сердца и со слезами молиться о них перед Владыкою, да не набежит на них и не расхитит их мысленный волк, да даст им Господь преспеяние жития и веры и разума духовного! До наслаждений ли плотских священнику, когда ему надо часто совершать службы в храме и предстоять престолу Господню, когда ему так часто надо совершать Божественную пречудную литургию и быть совершителем и причастником Небесных, Бессмертных и Животворящих Таин, когда ему вообще так часто приходится совершать другие Таинства и молитвословия». А если принять во внимание еще и то, сколь часто пастырю приходится произносить всесвятое имя Живоначальной Троицы — Отца, Сына и Святого Духа,— то какими должны быть у него уста? «Еще более, как духовно, чисто должно быть сердце, чтобы вмещать и ощущать в себе сладость этого пречестного, великолепного и достопокланяемого имени! О, как должен священник удаляться от плотских наслаждений, да не соделается плотью, в которой не пребывает Дух Божий»,— так учил святой пастырь.

Приведенные наставления отца Иоанна призывают священнослужителя к борьбе со своим природным естеством и невидимым врагом нашего спасения. Но эта духовная брань не может быть без искушений или даже просто неудач. «Если же случится неудача в деле,— предостерегает святой праведник,— не надо поддаваться унынию». Ведь высоты духа ни одним подвижником не достигались без борьбы. И всякому духовному росту обычно предшествует испытание. Пастырю более, чем кому-либо, необходим опыт этой борьбы. Ему «нужно самому испытать и силу веры, и сладость молитвы, и оставление грехов, и то, когда она бывает безуспешна, и скорби душевные, когда они постигают, и утешения благодатные, чтобы в молитве к Богу о верующих говорить так: «Даруй им такое же благо, как даруешь Ты его всегда мне, недостойному»,— чтобы обо всем просить с собственного опыта».

Помня о неизбежности искушений, пастырь должен постоянно идти по пути совершенствования. *Кто не собирает со Мною,*— сказал Господь,— *тот расточает* (Лк. 11, 23). «Надо подвигаться вперед в духовной жизни, восходить все выше и выше,— говорит отец Иоанн,— увеличивать все более и более запас добрых дел; если же мы стоим на одной точке нравственного совершенствования, на одной ступени лестницы христианского восхождения, то все равно, что идем назад; если не собираем, то все равно, что расточаем».

Отец Иоанн на личном опыте познал, сколь тяжела борьба с бесплотным врагом — диаволом. А ведь священник должен заботиться не только о своем спасении, он — молитвенник, ходатай, посредник между Богом и своей паствой. И вот закономерность: «Чем большему числу людей испрашиваешь благ у Господа,— говорит святой пастырь,— и чем выше эти блага, тем сильнее диавол противодействует молящемуся священнику».

Очень часто в таком случае враг действует через уныние. В беседе с пастырями г. Сарапула протоиерей Иоанн вскрыл три причины появления этого духовного недуга и подал несколько советов к его увращеванию.

— Научите, батюшка, бороться с унынием в деле пастырства,— обратился к отцу Иоанну один из пастырей. — Сначала бывает страшное уныние от собственной греховности, опускаются руки, когда вспомнишь слова: *врач, исцелися сам*, учительство в голову не идет; и сейчас же — уныние.

— Это напрасно,— ответил отец Иоанн.— Тут нужно помнить о долге. Мысль о долге должна принудительно и ободрительно действовать на пастыря. «Ты уполномочен «Церковью, ты должен делать» — эта мысль должна и одушевить пастыря и, конечно, разогнать всякое уныние. И это уныние — от врага!

— Но вот, батюшка, еще вид уныния — от хульных помыслов, которые появляются в голове в самые священные минуты богослужения.

— Ну, а это уныние,— энергично сказал отец Иоанн,— прямо от недостатка веры вашей. Хульные помыслы нужно презирать; борьба здесь не нужна и вредна; просто не нужно обращать внимания! Но если какие бы ни были помыслы доводят до уныния, это бывает уже от слабоволия, значит, вы даете этим помыслам время господствовать над вами, пожалуй, даже ими соуслаждаетесь... Отсюда уже вытекает уныние! Так до уныния не нужно доводить душу свою! Неужели вы не знаете, как Господь скоропослушлив, как быстро Он исполняет все просьбы ваши? И вот вы в самом же начале горячей молитвой отгоняйте от себя всякое смущение душевное; в надлежащее время захваченное молитвой греховное настроение вовсе исчезает и довести до уныния истинно и горячо верующего человека никогда не может.

— Но вот, батюшка, продолжает вопрошающий,— еще особенно тяжелое состояние уныния я переживаю при виде торжествующего зла.

— Вот это другое дело,— сказал отец Иоанн. — Это поистине тяжело переживать; подобное состояние и мне приходится часто переживать. Тут нужно укреплять себя молитвою и твердо верить, что Господь силен даже самое зло обратить Ему Одному ведомыми путями на добро.

«Где умножаются козни диавола, там избыточествует благодать Божия»,— говорил кронштадский пастырь.

Своим личным примером отец Иоанн показал, что пастырство — это подвиг любви. Апостол Павел раскрыл сущность этой высшей добродетели: *Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит* (1 Кор. 13, 4—7). Эти правила и должны лежать в основе пастырского служения. Однако их исполнение лишает пастыря «личной» жизни в житейском смысле этого слова, его жизнь сливается с жизнью прихода. Возникает единая христианская семья. Вот почему отец Иоанн сказал: «Я священник. Чего же тут! Значит, и говорить нечего. Не себе принадлежу, а другим».

Не только священник, но и всякий христианин должен стремиться к стяжанию евангельской любви. А «чтобы тебе испытать себя, любишь ли ты ближнего по Евангелию,— советовал отец Иоанн,— обращай на себя внимание в то время, когда люди обижают тебя, ругают, смеются над тобой, или не отдают должного, принятого в общежитии почтения, или когда подчиненные погрешают против службы и бывают неисправны. Если ты в это время спокоен, не исполняешься духом вражды, ненависти, нетерпения, если продолжаешь любить этих людей так же, как и прежде, до их обид, неисправности, то ты любишь ближнего по Евангелию».

Согласно евангельскому учению, истинно любящий ближнего должен уступать ему первенство; *кто хочет между вами быть бо́льшим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом* (Мф. 20, 26—27). Пример истинной любви и смирения показал Христос Спаситель. Он — Пастыреначальник и Владыка мира — на Тайной вечери, приняв обязанность слуги, умыл ноги Своим ученикам (ср.: Ин. 13, 1—5). Так же должны любить друг друга пастыри — ведь у них — общее дело, общая забота о спасении ближнего. Единение и союз между священнослужителями особенно необходимы для поддержания мира в жизни прихода. Неискренность в пастырских отношениях вызывает соблазн у прихожан. О воздействии пастыря на духовную жизнь пасомых Господь сказал: *Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела* (Мф. 5, 16). Благочестивая жизнь пастыря — самое лучшее назидание. Не случайно и автор «Деяний святых апостолов» уже в первом стихе обратил внимание на то, что сделал Христос Спаситель, а затем — чему научил. Итак, прежде дело, а потом слово. Слово пастыря только тогда будет услышано, если оно подтверждается его благочестивой жизнью. «Чтобы управлять другими,— говорит отец Иоанн,— надо научиться наперед управлять собой; чтобы учить других,

надо самому приобрести знание». Врачующему «надо быть самому здоровым, чтобы не сказали врачуемые: *врач, исцелися сам* (Лк. 4, 23)».

В размышлениях и беседах святого праведника пастырь может найти множество советов, как врачевать свои душевные раны и сохранять мир с ближним.

«Когда ты чувствуешь к кому-нибудь из сослужителей старших, или равных, или низших, или к кому-либо из знакомых или незнакомых неприязнь и ненависть по причине каких-либо пороков и отвратительных качеств характера, немедленно отбрось свое неприязненное чувство и беспристрастно посмотри сам на себя, вспомнив свои бесчисленные, отвратительные страсти и черты характера, и сам себя возненавидь, а ближнего возлюби и помолись за него, ибо все мы во грехах и в бедах».

«Если брат твой сделает что-либо во время службы неправильно или несколько нерадиво, не раздражайся ни внутренно, ни наружно против него, но великодушно снизойди к его погрешностям, вспомнив, что ты сам делаешь в жизни много, много погрешностей, что ты сам человек со всеми немощами, что Бог долготерпелив и многомилостив и без числа много прощает тебе и всем нам неправды наши».

Пастырю нужно помнить о том, что «страсть горяча, смутна, необдуманна, зла, стремительна, и потому человек в страсти, например в гневе, говорит много необдуманного, неверного, вымышленного, злого, чего не сказал бы в состоянии спокойном. Поэтому, зная сам по опыту такое свойство страстей, во-первых, и сам не говори, когда ты в смущении, в злобе; и извиняй горячих и раздражительных людей, когда они сыплют ругательствами и укоризнами несправедливыми и справедливыми». «Не медли,— говорит отец Иоанн,— оставаться в этом пагубном для тебя состоянии, но тотчас приклони колена и исповедуй перед Духом Святым согрешение твое, сказав от всего сердца: «Оскорбил я Тебя, Душе Святый, духом страсти моей, духом злобы и непокорства Тебе. И потом от всего сердца, с чувством вездеприсутствия Духа Божия, прочитай молитву к Духу Святому: *Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде Сый и вся исполняй, Сокровище благих и жизни Подателю, приди и вселися в мя и очисти мя от всякия скверны, и спаси, Блаже, душу мою страстную и любосластную.*

По утверждению отца Иоанна, «каждый священник есть апостол в своем селе или приходе». Ему от Господа «вверено бесценное сокровище — бессмертные души человеческие, искупленные Кровью Его». А потому, «как с солнцем неразлучны свет и теплота, так с лицом иерея должны быть неразлучны святость, учительность, любовь, милосердие ко всем». «Всякого приходящего к тебе человека, особенно с духовной целью,— говорит святой пастырь,— принимай с ласковым и веселым видом, хотя бы то был нищий или нищая, и внутренно смиряйся пред всяким, считая себя ниже его, ибо ты от Самого Христа поставлен быть слугой всех, и все есть члены Его, хотя, подобно тебе, и носят на себе язвы прегрешений». «Старайся дойти до младенческой простоты в обращении с людьми и в молитве к Богу. Простота — величайшее благо и достоинство человека». А «если желаешь доказать преданность Господу Иисусу Христу от всей души и от всего сердца,— охотно и смиренно служи больным в их жилищах, принося им и преподавая Святые Животворящие Тайны Пречистого Тела и Крови Господа. С больными, которых приходится причащать, обходись с нежностью и кротостью, как кормилица с чадами, памятуя, как возлюбил всех нас Господь».

Православный священник — это посредник между Богом и людьми, ходатай за людей перед Богом. Именно так понимал священническое служение отец Иоанн Кронштадский. «Иерей Божий! — восклицает он. — Верь от всего сердца, верь всегда в благодать, данную тебе от Бога, молиться за людей... да не будет вотще в тебе этот великий дар». «Господу, как чадолюбивейшему Отцу, приятно, когда мы искренно молимся о людях». «Молитва за других весьма полезна и самому молящемуся... она очищает сердце, утверждает веру и надежду на Бога и возгревает любовь к Богу и ближнему».

Отец Иоанн молился составленною им самим молитвой перед началом седмичного служения. Текст молитвы мы приведем дословно, чтобы каждый священник, если сочтет нужным, мог использовать ее в своей практике.

Господи, се начинается седмица моего недостойнаго Тебе, Царю Безначальному и прежде век Сущему, служения, моего предстояния страшному и животворя-

щему Твоему престолу, и ходатайства о себе и о людях Твоих, да прегрешения всех очистиши; седмица служения Пренебесным, Пречистым, Всеискупительным Божественным и Страшным Твоим Тайнам, служения правды, служения нетления и безсмертия, обновления и обожения, служения высочайшего, Божественнаго, коего в мире нет ничего святее и выше. Помогай мне в сем служении всякий день непрестанно, да хранит мя благодать Духа Твоего Святого от всякаго греха, соблюдая со святыми.

В храме Божием во время богослужения совершается великая тайна: возрождение человеческой души благодатью Христовой. Но бесплотный враг, пленив человека плотским вожделением и пристрастием к миру, стремится помешать христианину, не дает ему ощутить сладости молитвенного общения с Богом и святыми. Нередко враг вселяет бесчувственность и в сердце пастыря, чтобы его молитва была холодной и невнимательной. «Диавол,— говорит отец Иоанн,— это такая злая спица, которая во всякое время и всюду лезет в твои очи сердечные, затмевая и подавляя их, это такая ядовитая пыль, которая постоянно носится в мысленной атмосфере нашей и садится едко на сердце, изъедая и сверля его». Но «да не унываем от наветов вражиих,— ободряет святой пастырь,— и мужаемся и крепимся, взирая сердечными очами на Подвигоположника Христа, невидимо пред нами стоящего и тайно совершающего возрождение в душах». «Когда смущение и какое-то бессилие сердца препятствует тебе произносить во время богослужения слова молитвы, тогда сочти это смущение и бессилие за мечту вражию,— советует отец Иоанн,— отбрось уныние, малодушие и робость, и о имени Господнем говори не торопясь, спокойно и намеренно громче, и ты... получишь бодрость и силу». Священник во время церковной молитвы должен ощущать присутствие Господа рядом с собою и быть твердо уверенным, «что только он что-либо помыслит и скажет — это и сделается. Так удобно и легко для Владыки исполнять наши прошения, творить или претворять что-либо по нашему слову».

В своих пастырских наставлениях отец Иоанн много говорит о молитве и богослужении. Здесь можно найти и разъяснения отдельных молитвословий, и простые, но убедительные примеры и наставления, побуждающие к чистой сердечной молитве дома и в храме, и советы о том, как сохранить молитвенное настроение, и даже ряд собственных молитв, проникнутых простотой и силой духа. Приведем некоторые советы всероссийского пастыря, которые помогут священнику тщательнее готовиться к совершению Божественной литургии.

Подготовка к этому «неземному служению» начинается для пастыря дома. Церковный устав предполагает исполнение молитвенного правила, которое состоит из нескольких канонов, акафистов и молитв перед Святым Причащением. В канонах и акафистах Спасителю и Божьей Матери, по мысли отца Иоанна, «собраны все великие дела Бога нашего, касающиеся нашего искупления и спасения». Эти молитвословия должны оживить в пастыре веру в боговоплощение и жажду богообщения. Каноны Ангелу Хранителю и святым дня усиливают сознание своей греховности, а канон и молитвы перед Святым Причащением погружают пастырскую душу в созерцание величия Святых Христовых Таин.

Святой пастырь предлагает ряд наставлений для правильного исполнения молитвенного правила.

«Кому хочешь молиться, того прежде молитвы попроси в сердце, чтобы удостоил тебя принести ему сердечную молитву, похвалу или благодарение, ибо только при укреплении от Духа Святого можем молиться, при укреплении от тех святых угодников, через которых хотим молиться Спасителю... Если хочешь молиться Владычице, к Ней воззови от сердца, чтобы Она сподобила тебя нелицемерно всем сердцем принести Ей моление или похвалы и благодарения. Если ангелу — воззови ко Господу, да сподобит тебя достойно принести Ему молитву, воспеть Его благодеяние, светлость и благость Его природы. Если святому — воззови к Духу Святому, Коего святостью они освящены... ибо все мы только при укреплении от Святого Духа Животворящего можем достойно и животворно молиться».

«Когда совершаешь молитву, правило, особенно по книге, не спеши от слова к слову, не прочувствовавши его истины, не положивши его на сердце, но сделай и постоянно себе делай труд чувствовать сердцем истину того, что говоришь; сердце твое будет противиться этому иногда леностью и окамененным нечувстви-

ем к тому, что читаешь, иногда сомнением и неверием...— не будь самолюбив, побеждай сердце твое, дай его Богу в жертву благоприятную... Не поторопись же помолиться кое-как: выиграешь на полчаса молитвы целых три часа самого здорового сна. На службу ли, на работу торопишься? Вставай раньше, не просыпай и помолись усердно — стяжешь спокойствие, энергию и успех в делах на целый день».

Последнее наставление особенно важно для пастыря, так как недостаток времени, иногда нерадение и ленность и так называемая «привычка» к молитве из-за частого совершения церковных служб часто бывают причиной механической, внешней молитвы.

«При молитве,— продолжает отец Иоанн,— держись того правила, что лучше сказать пять слов от сердца, нежели тьмы слов языком».

Не надо думать, будто бы отец Иоанн советует сокращать молитвенное правило. Он говорит о качестве молитвы, о том, что молитва всегда должна исходить из сердца. Но чтобы стяжать теплоту сердца, необходим продолжительный подвиг. «Странно думать,— замечает всероссийский пастырь,— тем более требовать, чтобы замоторевшее в суете житейской сердце могло вскоре проникнуться теплотой веры и любви к Богу во время молитвы... Сам Господь изъявляет волю Свою, чтобы мы молились не кратко, когда представляет в пример вдову, надолзе ходившую к судье и утруждавшую его просьбами своими (ср.: Лк. 18, 2—6)».

«Как же научиться говорить истину в сердце на молитве? — Нужно каждое слово молитвы довести до сердца, положить на сердце, прочувствовать сердцем его истину, познать всю нужду для нас того, чего просим у Бога в молитве».

По мнению кронштадского пастыря, спешно молиться может только тот, кто «научился внутренней молитве чистым сердцем... Но не стяжавшим сердечной молитвы надо молиться неспешно, ожидая соответствующего отголоска в сердце каждого слова молитвы».

Однажды за духовным советом к кронштадскому пастырю обратился один священник. Прежде чем уврачевать его духовную рану, отец Иоанн предложил ему на следующий день сослужить с ним Божественную литургию. Но священник, ссылаясь на свою неготовность, ответил:

— Премного благодарю Вас, Ваше Высокопреподобие... Я с величайшим удовольствием желал бы послужить с Вами, но ведь сегодня мне уже не приготовиться к служению литургии, времени не хватит. Уж позвольте в другой раз!

— В другой раз!.. В другой раз!..— опустивши взор, вполголоса повторил несколько раз отец Иоанн. Потом серьезно посмотрел на собеседника и повышенным голосом спросил: — А когда призовет Господь служить Вечную литургию — скажем ли тогда: в другой раз? Нет! Тогда сразу надо приготовиться и времени для этого просить не будем... Так и здесь... Мы думаем, что приготовление к служению литургии состоит в вычитывании всего положенного по уставу, а иногда и книг богослужебных у нас нет под руками; как же готовиться без книг?! Эх, батюшка, батюшка!.. Нам-то с вами надо бы знать, что для приготовления к совершению литургии требуется немного времени, а именно столько надо, чтобы принять в свое сердце Бога. Господи! Приими и вселися в ны! И книг, по которым можно приуготовиться к служению литургии, много. Посмотрите на небо — небеса поведают славу Божию! Посмотрите на землю — там всякое дыхание и вся тварь хвалит Господа!.. Вот — книга, лишь только заглянув в которую ты сейчас же отворишь свое сердце для Господа!.. Древа полевые, горы и холмы, все звери и птицы пернатые...— все хвалит Господа. И Он войдет к тебе, и тут, в сердце твоем, обитель Себе сотворит. Без Господа же в сердце нельзя служить литургии. А как Его к себе залучить? Одним только исполнением церковного устава этого далеко не всегда удается достичь. Господь всегда близь нас стоит. Зови Его и воздохни о грехах, о твоей порочной жизни, и со дерзновением проси: «Помилуй мя! Согреших, очисти».

Этот эпизод свидетельствует о том, что святой пастырь побуждал священника готовиться к служению литургии постоянно, быть готовым к ней в любую минуту, пребывать в постоянной сердечной покаянной молитве. Ведь и молитвенное правило — это средство для поддержания молитвенного духа и стяжания покаяния.

Для отца Иоанна молитва была дыханием души, а каждое молитвенное слово — дыханием Святого Духа. «Скажите, батюшка,— спросил его один из пастырей,—

во время ваших постоянных разъездов чем Вы заполняете свободное время?» — «Я молюсь,— ответил отец Иоанн,— я постоянно молюсь. Я даже не понимаю, как можно проводить время без молитвы».

Отец Иоанн был великим молитвенником. «Если кто хочет понять правильно отца Иоанна Кронштадтского,— рассуждает митрополит Вениамин,— тот обязан смотреть на него так, как он сам смотрел на себя во все пятьдесят три года священства. И не проповедничество было главным его делом... На первом месте у него должно было быть и было — богослужение в разных видах суточного круга: вечерни, утрени... И особенно, исключительно, превыше всего — Таинство Евхаристии».

В России были и духоносные старцы, к которым тянулись тысячи людей, и святители, богословы, которые мудро правили Церковью, и аскеты, затворники, которые нередко удивляли людей своими подвигами, и даже примерные пастыри, которых почитал православный мир, но не было такого ревностного тайносовершителя, как отец Иоанн Кронштадтский, особенно ревновавшего о Таинстве Евхаристии. «Один день я остался без службы Божией,— как-то сказал святой пастырь,— и почувствовал в себе оскудение духовной жизни, оскудение благодати, присутствие греховной силы, и нужна была немалая борьба с греховными усиливающимися влечениями. Служба и причастие Святых Таин обновили мое существо, и я воспрянул, как от сна. Слава Богу! *Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни* (Ин. 6,53). Истинно слово Владыки и Бога моего».

Отец Иоанн понимал литургию как таинство бесконечной Божественной любви к роду человеческому. А потому и пастырю прежде всего и более всего он советовал стяжать любовь евангельскую. Она нужна ему каждую минуту, каждое мгновение, но особенно во время принесения Бескровной Жертвы. «Ни малейшего огорчения ни на кого не имей во время совершения литургии, кто бы ни погрешился в чем,— говорит святой праведник,— ибо огорчение на человека есть отпадение от любви... Во время обедни, которая есть проявление бесконечной любви Божией к падшему роду человеческому, священник должен быть весь любовь и любовь, снисхождение, терпение, смирение, мир и тихость». «Ты, иерей Божий, служитель Всевышнего Творца,— продолжает святой пастырь,— служи литургию со страхом и должным приготовлением, особенно если служишь ежедневно, смотри, чем ты делаешь свою утробу, бывающую ежедневно, через причастие Святых, Животворящих Христовых Таин, храмом Божиим,— не орудием ли чревоугодия и лакомства, орудием диавола, который через чрево увлек в ад род человеческий и подверг его проклятию. Держись крепко поста, заповеданного Спасителем, внимай себе и другим и спасай себя и народ».

Не случайно отец Иоанн обращает внимание пастыря на пост. Опыт подвижнической жизни показал, что скоромная жирная пища по своей питательности и грубости особенно влияет на духовное состояние человека. Чаще всего душа от чрезмерного пресыщения подвергается унынию и тоске, а в плоти возникают нечистые блудные движения. Поэтому кронштадтский пастырь советует «священнику, ежедневно причащающемуся Святых Таин... мясную пищу употреблять реже и в малом количестве».

Духовный и пастырский опыт святого праведного отца Иоанна Кронштадтского, собранный в его письменных трудах, настолько велик, что трудно передать все его советы и наставления. Но укажем еще одно замечание святого пастыря, которое нужно помнить.

Как известно, отец Иоанн во время совершения Божественной литургии поражал своей сосредоточенностью. Один из пастырей города Сарапула просил его объяснить, как удается ему достигать этого. «Этого я достиг только привычкой,— был ответ. — Научиться быстро сосредоточиваться в молитве, овладеть собою — это большая задача. ...Тут необходимо покаяние, быстрое воспроизведение в своей душе образа Христа или Креста Господня и полное сознание своей духовной загрязненности и беспомощности».

Как свидетельствует в своих воспоминаниях епископ Серпуховский Арсений (Жадановский), он, не будучи еще Владыкой, задал отцу Иоанну аналогичный вопрос и получил следующий ответ: «... для сосредоточенности при Божественной литургии имеет значение сама подготовка к ней, в частности воздержание во всем с

вечера, предварительное покаяние и вычитка положенного правила. Чем внимательнее и воодушевленнее мы его выполняем, тем проникновеннее совершаем обедню. Не следует пропускать дневной канон; я его почти всегда сам читаю и через это как бы вхожу в дух воспоминаемых событий, а когда оставляю, чувствую всякий раз неподготовленность».

Владыка Арсений оставил и еще одно интересное воспоминание. Если отец Иоанн «читал правило, то глубоко вникал в каждое слово, оттого-то и в указаниях его мы встречаем много пометок, вроде следующих: подчеркнуто выражение: «окаянную мою душу соблюди», а на полях написано: «действительно, как я окаянен».

Достигнув высот духовного совершенства, святой праведный Иоанн Кронштадтский к этому совершенству призывал каждого пастыря: «Внемли, внемли себе, своим помышлениям сердечным, о иерей Божий, и не связывайся житейскими похотьми и сластьми! Сладостью твоею да будет единый Бог и душа человеческая; будь душелюбец, а не сребролюбец или сластолюбец».

БИБЛИОГРАФИЯ

А. САМОЙЛОВ,
кандидат богословия

Выставка православной книги

В феврале-марте 1993 года в Российской государственной библиотеке г. Москвы проходила впервые организованная после 1917 года выставка «Православная книга: прошлое и настоящее». Выступивший на ее открытии Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II отметил особое значение данного события и выразил признательность сотрудникам библиотеки, сумевшим в годы гонений на Церковь сохранить бесценные национальные сокровища — книги.

Широк хронологический охват экспозиции: с XII века до настоящего времени. Однако, за исключением нескольких уникальных экземпляров рукописных книг, например «Лествицы» XII века, небольшого числа старопечатных книг, основная масса изданий (приблизительно 2,5 тысячи наименований) приходится на период XVIII—XX веков. Сюда относятся издания Священного Писания, богослужебные книги, литература святоотеческая, житийная, церковно-историческая, религиозно-философская, учебная, справочная, церковная периодика.

Большой интерес вызвали книги, посвященные русским святым и подвижникам благочестия, миссионерской деятельности (как внутри страны, так и за ее пределами), иконописанию в России.

Посетители ознакомились с зарубежными публикациями на русском языке после 1917 года, с образцами отечественного «религиозного самиздата». Как правило, это рукописные, машинописные или ксерокопированные тексты религиозного содержания, за одно хранение которых люди подвергались репрессиям.

Широко была представлена издательская деятельность Московского Патриархата, Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, различных современных издательств.

С особым волнением знакомились посетители с разделом выставки, посвященном новомученикам и исповедникам Российским. Вот лишь некоторые из этих книг: «Обвинительное заключение по делу граждан Беллавина Василия Ивановича, Феноменова Никандра Григорьевича, Стадницкого Арсения Георгиевича и Гурьева Петра Викторовича по 62 и 119 ст. ст. Уголовного кодекса» (М., 1923); Польский М. «Новые мученики Российские» (Джорданвилль, 1957); Дамаскин (Орловский). «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: жизнеописания и материалы к ним» (Тверь, 1992); Корольков И. «Блаженной памяти священномученика Владимира, митрополита Киевского и Галицкого» (Киев, 1918); «Дело» митрополита Вениамина» (М., 1991). Здесь же представлены издания, посвященные Святителю Тихону, в том числе: «Послания Святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси» (М., 1991); Верховский П. В. «Патриарх Тихон» (М., 1919); «Патриарх Тихон» (Одесса, 1919); Вострышев М. И. «Божий избранник» (М., 1991); Журнал «Вечное» (Таллинн, 1992, № 349. Номер посвящен Патриарху Тихону). Проходивший в 1917—1918 годах в

Москве Священный Собор отразил в своих «Деяниях» (М.; Пг., 1918) и в сборнике «Собрания определений и постановлений» (Вып. 1—4. М., 1918), также представленных в экспозиции, отношение Русской Православной Церкви к происходившим событиям. В этом же разделе — книги об убийстве царской семьи и членов Дома Романовых.

История православной книги на Руси теснейшим образом связана с историей Православия. После захвата власти большевиками издательская деятельность Церкви была значительно сокращена. Издавались церковные календари, послания и обращения Патриарха и Священного Синода, образцы которых также были представлены на выставке.

В годы войны, 12 сентября 1943 года, вышел первый номер ежемесячного «Журнала Московской Патриархии», что явилось продолжением издания журнала того же названия, выходившего в 1931—1935 годах.

В 1956 году впервые за время советского режима была переиздана Библия на русском языке.

В настоящее время Издательский отдел Московского Патриархата выпускает сборники «Богословских трудов», в которых публикуются материалы Духовных Академий Русской Церкви.

Помимо журнала, церковных календарей, ряда богослужебных книг, «Богословских трудов», «Настольной книги священнослужителя», «Симфонии», выходит многотомное иллюстрированное издание Русской Библии на русском и церковнославянском языках. С 1986 года издается ежемесячник «Православное чтение», с 1989 года — газета «Московский церковный вестник», с 1991 года — церковный журнал для детей «Пчелка». В последнее время Издательским отделом выпущен не один десяток наименований различных изданий. В их числе — книги Священного Писания, богослужебные книги, святоотеческие творения, житийная, назидательная и истолковательная церковная литература и многое другое.

Остановимся на литературе универсального содержания: справочных изданиях и церковной периодике. Значение этой литературы трудно переоценить.

Дореволюционные энциклопедии и всевозможные словари, в том числе биографические и библиографические, каталоги архивов и библиотек, музеев и выставок, церковные календари и святцы (месяцесловы), различные адрес-календари и памятные книжки, путеводители и обзоры, описи и описания, а также другие типы справочных изданий, представленных на выставке, являются ценнейшими и исключительно важными источниками сведений по истории Православия в России. Значительное их количество учтено в капитальном библиографическом указателе «Справочники по истории дореволюционной России» (М., 1978). В этих изданиях (часто прекрасно иллюстрированных, снабженных обширной библиографией) содержатся обстоятельные сведения об истории Русской Православной Церкви за весь период ее исторического бытия — от начала христианства в России до настоящего времени. В этих книгах можно найти всевозможные данные о церковной иерархии, о епархиях, лаврах, монастырях, церквах, пустынях, скитах, духовных учебных заведениях и т. п. Для лиц, носивших высокий духовный сан (епископы, архимандриты, игумены), часто даются сведения о прохождении службы, которые можно найти, например, в ежегодном издании «Состав Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода и российской церковной иерархии» (за 1882—1917 годы).

Большинство дореволюционных справочных изданий (например, книги Л. И. Денисова, Н. Н. Дурново, П. М. Строева) давно стали библиографической редкостью и недоступны для широкого круга духовенства и мирян. Их переиздание необходимо как для возрождения исторической памяти русского народа, так и для практической работы по восстановлению духовной культуры. Начавшаяся в последние годы работа по репринтному воспроизведению справочных изданий («Библейская энциклопедия», «Полный православный богословский энциклопедический словарь» и некоторые другие) — лишь первые шаги на этом пути.

Среди работ, появившихся в условиях гонений на Православную Церковь в «религиозном самиздате», а также за рубежом, имеется ряд изданий, которые обязательно должны быть опубликованы на родине (например, «Биографический словарь митрополита Мануила (Лемешевского)», содержащий сведения об иерархах Русской Православной Церкви за период с 1893 по 1965 год). Хорошим образцом справочного издания является изданный во Франции и переизданный ныне в России справочный альбом о храмах Москвы «Сорок сороков» П. Паламарчука.

Православная церковная периодика до революции 1917 года — это огромный по количеству названий, необозримый по содержанию, бесценный по значению и в то же время почти не изученный пласт духовной литературы. С достаточно большой, хотя и не исчерпывающей полнотой эта литература отражена в капитальном указателе Н. М. Лисовского «Русская периодическая печать, 1703—1900 гг.» и в справочнике «Библиография периодических изданий России, 1901—1916 г.».

Тексты Священного Писания, творения святых отцов и учителей Церкви, жития вселенских и русских святых и подвижников благочестия — все это находило отражение в журналах, «трудах», «известиях», «докладах», других видах периодических изданий. Большую издательскую деятельность осуществляли Лавры и монастыри, Православные братства, Духовные Академии

и Семинарии. В церковной периодической печати публиковалось огромное количество всевозможных источников и разнообразных сведений по истории России и ее населяющих народов. Но конечно, главное место занимали судьбы Православия, вопросы церковной, религиозно-нравственной жизни народа.

В многочисленных изданиях имеются ответы на актуальные вопросы богословия, религиозной философии, истории Церкви и текущей церковной жизни. Периодика была рассчитана на самые различные слои православного народа. Печатались богословские и церковно-исторические работы, проповеди, беседы и поучения. Некоторые журналы специально посвящались защите Православия, служили миссионерским целям как внутри страны, так и за ее пределами.

Назовем лишь некоторые из этих изданий: «Вера и разум», «Руководство для сельских пастырей», «Странник», «Христианин», «Богословский вестник», «Миссионерское обозрение», «Душеполезное чтение», «Русский паломник», «Православный собеседник», «Бог Помочь», «Радость христианина при чтении Библии», «Православно-русское слово», «Вестник военного духовенства», «Кронштадтский пастырь». «Донская церковная старина». К церковно-периодическим изданиям относились и печатные органы епархий Русской Церкви — «Епархиальные ведомости». Созданные по инициативе знаменитого богослова, проповедника и церковного писателя архиепископа Херсонского Иннокентия (Борисова), эти журналы — первыми (1860 г.) были «Ярославские епархиальные ведомости» — имели, несомненно, особо большое значение в деле духовного просвещения. Значительный интерес вызывают представленные на выставке экземпляры «Церковных ведомостей» — официального органа Святейшего Синода, продолжавшего выходить до июля 1918 г., и некоторых «Епархиальных ведомостей» (в ряде случаев выходили до 1919—1920 гг.), в которых открыто и правдиво сообщалось о тех страшных гонениях, которые обрушились на Церковь после октябрьского переворота. Почти уничтоженная после революции церковная периодика сегодня возрождается. И необходимо, чтобы все лучшие традиции, которые были в дореволюционных изданиях, органично вошли бы и в нашу сегодняшнюю практику периодических изданий.

Духовный писатель А. Н. Муравьев, чьи книги, представленные на выставке, только сейчас становятся доступными широким слоям читателей, еще в середине прошлого века отмечал: «Но часто мне приходила на сердце прискорбная мысль: отчего же некоторые из соотечественников наших, восхищаясь искренно великими деяниями минувшего, увлекаются более гражданскою их стороною, нежели церковною, срывая плоды, как бы пренебрегают самим деревом, и делают себя чуждыми той живительной стихии Православия, которая одна, можно сказать без ошибки, одна лишь совершила все великое в нашей Родине» (Муравьев А. Н. Мысли о Православии при посещении святыни русской. СПб., 1850, с. XV).

Настоящая выставка, на которой за недостатком места удалось представить лишь малую часть тех духовных сокровищ, которые копились веками, и представляет собой попытку приблизиться к этой «живительной стихии Православия». Выставка, инициаторами которой выступили Православный Свято-Тихоновский Богословский институт и Братство во имя Всемилостивого Спаса, вызвала интерес общественности. И конечно же, она явилась примером плодотворного сотрудничества Русской Православной Церкви с учреждениями культуры, издателями и распространителями православной литературы.

Остается добавить, что практически весь массив дореволюционных изданий, показанных на выставке, был взят из фондов Российской государственной библиотеки. Экспозиция современных православных изданий в основном была создана усилиями издательских отделов Московского Патриархата и Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, а также сотрудниками магазина «Православное слово». Отдельные экземпляры из своих собраний предоставили Синодальная библиотека, Государственный архив Российской Федерации (бывший ЦГАОР), Московская независимая общественная библиотека, а также частные лица. Возрождая лучшие традиции русской благотворительности, ощутимую материальную помощь в организации выставки оказало издательство «Воскресение».

К. ТАРАСОВ

О достоверности Предания

(По поводу книги «Чин и устав, како подобает приимати приходящих от жидов к правей вере христианской». СПб., 1993)

Наше время — время репринтных переизданий. Прерванность традиции и связанный с этим духовный голод стали причиной того, что, стремясь как можно скорее дать книгу читателю, издатели предпочитают механическое воспроизведение уже написанного кропотливому труду подготовки новых книг. Тем больший интерес вызывают опыты введения в оборот новых текстов, подготовка комментариев, адресованных современному человеку.

Выпущенный Союзом православных братств «Чин и устав, како подобает приимати приходящих от жидов к правей вере христианской» относится к работам такого рода. В книгу входят 8-е правило 7-го Вселенского Собора (об условиях, необходимых для перехода из иудаизма в Православие), предписания славянской Кормчей по этому вопросу и, наконец, новый церковнославянский перевод составленного во второй четверти VI века «Чина принятия евреев в христианскую веру» и созданного на рубеже X и XI веков «Изложения более точного того, как следует принимать приходящих из евреев к христианской вере». (Далее для краткости мы будем называть эти памятники «Чин...» и «Изложение».) Славянский текст дается с параллельным русским переводом, причем издателям удалось, преодолев немалые технические трудности, набрать славянский текст кириллицей, избежав искажений изысканной орфографической системы церковнославянского языка. В основу книги положен подготовленный проф. В. Н. Бенешевичем греческий текст «Чина...» и «Изложения...»[1]

Издатели сообщают, что перед нами издание «древнего, опрометчиво преданного забвению» чина. Однако анализ книги показывает, что тексты заимствованы, по крайней мере, из двух источников. Общая композиция и часть текста — из изданной по благословению Святейшего Синода «Книги чинов присоединения к Православию»[2]. Помещенные в этой книге чинопоследования содержат анафематствование учений тех конфессий, к которым прежде принадлежал присоединяемый. Чин присоединения иудеев соответственно содержит отречение от иудаизма и анафематствование иудейского вероучения. Издатели исключили эти анафематствования и поставили на их место перевод древнего текста «Чина...» и «Изложения...». На наш взгляд, исключенный текст синодального издания для человека XX века более уместен, чем предложенная замена. В частности, в новом варианте присоединяемый, среди прочего, должен анафематствовать «новых иудейских нечестивых учителей: Лазаря, придумавшего беззаконный праздник так называемого единобожия, и Илию, по нечестию не меньшего, Вениамина, и Зеведея, и Аврамия, и Сумватия, и прочих». Сомневаюсь, что нашим современникам что-нибудь говорят приведенные имена иудейских ересиархов VII—X веков. По крайней мере, такой знаток, как В. Н. Бенешевич, вынужден был предпринять специальное исследование, чтобы хотя бы приблизительно установить, о ком идет речь. Анафематствовать давно забытые ереси, вводить в богослужебную практику текст, содержащий отсылки к абсолютно неизвестным реалиям, едва ли уместно.

Издатели пишут, что тексты «Чина...» и «Изложения...» были ими заново переведены на церковнославянский язык. Мы бы не решились в данном случае говорить о новом переводе, так как в значительной части этот новый перевод оказывается текстом славянской Кормчей по изданию В. Н. Бенешевича[3]. Последовательно исправлены лишь орфография и морфология. Происхождение некоторых вставок нам не удалось установить. Так, на с. 30 мы читаем: «Аще нецыи уже крещени по чину Православныя Церкве обретаются, утверждают святое крещение сим отречением, исповеданием и клятвою»[4] (с. 30). Кто автор этого текста: один из церковных писателей VI—X веков или современные издатели? Не соответствует истине и утверждение издателей, согласно которому «Чин...» составлен еще в начале христианской истории: едва ли можно считать VI—X века по Рождестве Христовом — время создания «Чина...» и «Изложения...» — началом христианской эры. Неверно и утверждение о соборной рецепции этих текстов, так как VII Вселенский Собор (8-е правило этого Собора приведено на с. 1) говорит лишь о том, что присоединяемые из иудеев должны торжественно отвергать иудейские обряды. Утверждения соответствующей формулы анафематствования это правило не содержит. Никакого отношения к публикуемому Чину не имеет и 7-е Правило II Вселенского Собора, на которое неоднократно ссылаются издатели. Оно посвящено особенностям присоединения к Православию из различных ересей. «Присоединяющихся к Православию и к части спасаемых из еретиков приемлем по следующему чиноположению и обычаю: ариан, македониан, савватиан и наватиан, именующих себя чистыми и лучшими, четыренадесятидневниками или тетрадитов, и аполинаристов, когда они дают рукописания и проклинают всякую ересь, не мудрствующую, как мудрствует Святая Божия Кафолическая и Апостольская Церковь, приемлем запечатлевая, то есть помазуя святым миром, во-первых, чело, потом очи, и ноздри, и уста, и уши, и запечатлевая их, глаголем: «Печать дара Духа Святаго». Евномиан же, единократным погружением крещающихся, и монтанистов, именуемых здесь фригами, и савеллиан, держащихся мнения о сыноотчестве и иное нетерпимое творящих, и всех прочих еретиков (ибо много здесь таковых, наипаче выходящих из Галатския страны), всех, которые из них желают присоединены быти к Православию, приемлем, якоже язычников. В первый день делаем их христианами, во вторый оглашенными, потом в третий заклинаем их, с троекратным дуновением в лице и во уши: и тако оглашаем их и заставляем пребывати в церкви и слушати Писания, и тогда уже крещаем их»[5]. Мы видим, что в тексте 7-го правила II Вселенского Собора нет ни слова о присоединении иудеев. В рецензируемой книге ссылка на это правило неизвестно почему заменена цитатой из менее

авторитетного и трудно доступного толкования славянской Кормчей.

«Необходимость издания «Чина...»,— пишут издатели,— не в последнюю очередь диктуется участившимися (и совершенно беспочвенными) обвинениями Православия в антисемитизме и нетерпимости. Книга должна послужить «для ознакомления русской общественности со взглядами Православия в вопросах межрелигиозного общения». Ставя перед собой такую задачу, издатели берут на себя огромную ответственность, рискуя выдать собственные ошибки и заблуждения за мнение Церкви. И в этой связи ничего, кроме недоумения, не может вызвать приверженность издателей к слову «жид». В греческом тексте «Чина...» и «Изложения...» используются слова ιουδατος — иудей и εβραῖος — еврей. В церковнославянском языке этим словам соответствуют три слова: *иудей, жид (жидовин)* и *еврей*. Слова *иудей* и *жид* происходят от ιουδαῖος, при этом слово *еврей* пришло непосредственно из греческого, а *жид* заимствовано через балкано-романские языки из *итал* giudeo, *лат*. jiudeo[6]. В церковнославянском языке слово *жид* не имеет уничижительного значения: *Глагола ему жена самаряныня: како ты жидовин* (ιουδαῖος) *сый от мене пити просиши* (Ин. 4, 9). В русском языке значения этих слов разошлись: слово *иудей* сохранило значение греч. ιουδαῖος, в то время как слово *жид* приобрело уничижительный оттенок. Сохранение в сделанном издателями переводе славянского текста на русский язык слова *жид* (в соответствии с греч. εβραῖος является искажением смысла).

Совершенно непонятными кажутся исправления молитвословий, которые издатели заимствуют из других богослужебных книг. Например, помещенный на с. 28—29 текст клятвы, которая произносится после отречения от иудейства, заимствован из выпущенной в начале века «Книги чинов присоединения к Православию» с тремя изменениями: дважды слово *иудей* заменено на *жид* и одна грамматическая форма исправлена на более архаичную. Аналогичную замену находим в тексте 8-го правила 7-го Вселенского Собора: «Так как некоторые лица жидовского исповедания, заблуждаясь, вздумали подвергать осмеянию Христа Бога нашего...» (с. 1). В славянской «Книге правил» этот текст выглядит следующим образом: «Поелику некоторые из европейского вероисповедания, блуждая, возмнили ругатися Христу Богу нашему»...[7]. Издание сокровищ литургического предания требует бережного отношения к духу и букве оригинала. По характеристике издателя греческого текста, «весь тон и стиль «Чтения и «Изложения...» отличается спокойствием и деловитостью. Сколько-нибудь поносительные эпитеты по адресу евреев отсутствуют»[8]. Мы видели, что, к сожалению, в этом отношении переводы уступают оригиналам, которые, по словам того же исследователя, «могут служить недосягаемым образцом корректности для активных борцов за политические и религиозные права вплоть до XX века».

Еще одной существенной ошибкой является механический перенос реалий, отделенных от нас более чем тысячелетием, в наше время. Для Византии конфессиональная и этническая принадлежности совпадали. Крещеный иудей становился ромеем, полноправным подданным империи. Поэтому слова ιουδαῖος и εβραῖος часто воспринимались как синонимы и могли смешиваться. Говоря εβραῖος (еврей), византийский писатель не сомневался, что по вероисповеданию εβραῖος иудей. Сейчас ситуация совершенно иная. Национальность и вероисповедание ныне связаны куда меньше, и из-за того, что современные издатели вслед за византийскими книжниками смешивают национальность и конфессиональную принадлежность, современный читатель может сделать совершенно неверный вывод, что любому еврею (не иудею) перед принятием крещения следует анафематствовать иудаизм.

Отметим в заключение, что осуществленное издателями соединение богослужебной практики X и XX веков не представляется удачным. Между тем предложенный ими вариант этого чинопоследования не является единственно возможным. Можно было бы обратиться, например, к богослужебной практике Русской Церкви XVI века, когда «Чин...» и «Изложение» употреблялись, но чинопоследование было иным. Присоединение иудеев к Православию в XVI веке описано А. А. Дмитриевским[9]. Вообще, непонятно, кому адресована эта книга. Если она преследует только просветительские и миссионерские цели, то неясно назначение славянского текста. Если же имеется в виду замена этим текстом уже существующего чина[10], то такая замена не может быть осуществлена Союзом православных братств.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Приложение к статье В. Н. Бенешевича «К истории евреев в Византии VI—X вв.» — Еврейская мысль. Л., 1926.

[2] Книга чинов присоединения к Православию. Т. 1. СПб., 1915.

[3] Бенешевич В. Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 2. София, 1987, с. 148—167.

[4] Из этой вставки следует, что в каких-то случаях анафематствовать иудаизм должны те, кто уже принял Святое Крещение.

[5] Книга правил Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных и Святых Отец. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992, с. 44.

[6] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1986, с. 6 и 55.

[7] Книга правил Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных и Святых Отец. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992, с. 125.

[8] Бенешевич В. Н. К истории евреев в Византии VI—X вв.— Еврейская мысль. Л., 1926, с. 211.

[9] Дмитриевский А. А. Богослужение в Русской Церкви XVI в. Ч. 1. Казань, 1884, с. 321—322.

[10] Книга чинов присоединения к Православию. Ч. 1. Пг., 1915, с. 39—56.

А. Г. КРАВЕЦКИЙ

ХРИСТИАНСКАЯ СЕМЬЯ И БРАК. Составители А. Зеленцов, Л. Исакова. М.: Воскресенье, 1992. 80 с.

Эта небольшая книжка сегодня необходима буквально всем. Она не содержит новых откровений, в ней все старо, как мир. Но именно тем она и примечательна, что привлекает внимание к вечным ценностям: браку, семье, воспитанию детей, взаимоотношениям жениха и невесты, мужа и жены, учит строить семью, сохранять в чистоте и святости семейные отношения.

За последние десятилетия нам чаще преподавали уроки того, как разрушать семьи. Уже не первое столетие в жизнь внедряется так называемая эмансипация, и до того дошли, что эмансипацию перепутали с проституцией... Перепутали понятия «равенство» и «равноправие», так что в конце концов поставили знак равенства между мужчиной и женщиной. И жили мы, увы, по законам князя мира сего. Настало время собирать, время строить христианскую семью, ибо без возрожденной семьи никакое возрождение общества и государства невозможно.

Открывается книга молитвой-воздыханием матери о своих детях, текст которой раздавался паломникам в Козельской Амвросиевской женской пустыни при селе Шамордино. Далее идут поучения, в которых рассматриваются обязанности христианских супругов; размышления о «Таинстве брака» (из настольной книги священнослужителя), проповедь для новобрачных, рассматриваются семья и брак в православном понимании, приводится глава из «Домостроя», слово святителя Иоанна Златоустого о воспитании детей. Всего в книге семнадцать материалов из святоотеческого наследия. Поучения святых отцов о семье и браке полезны людям любого возраста, но особенно, конечно же, молодежи. И лишь одна главка вызывает недоумение — выдержки из «Духовных традиций русской семьи» Николая Арсеньева. В главе воспевается жизнь патриархальной московской семьи XIX века: высокий материальный достаток, няни, бонны, музицирование, тихое чтение, детские слезы на исповеди и т. д. Все это мило, но не следовало бы забывать, что время изменило нашу жизнь до неузнаваемости, да и в былые времена не у всех ведь такая жизнь была. И знакомство с чрезвычайно полезной книгой на этой главе может и прерваться. Правда, главка эта — лишь досадный просчет, в целом же книга заслуживает внимания читателей.

Б. С.

Иеромонах Дамаскин (Орловский)
Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия.
Жизнеописания и материалы к ним.
Кн. 1. Тверь, «Булат», 1992, 237 с.

Настоящее издание является первым собранием жизнеописаний российских мучеников, исповедников и подвижников XX века. Подобно древним агиографам, автор тщательно собрал и многочисленные свидетельства очевидцев, и документальные материалы из фондов государственных архивов, которые стали доступны только в последние год-два.

Продолжая древнюю традицию, автор расположил собранный им материал по дням церковного календаря; не имея возможности издать сразу все собранное, автор в соответствии с церковной традицией *отечников* или *цветников*, включавших жизнеописания подвижников какого-либо одного монастыря или города, одной епархии или исторической области, выбрал для 1-го тома только жития мучеников и подвижников Нижегородских (в нынешних границах Нижегородской области), собранные им с исключительной полнотой. Хотя автор избегает каких-либо обобщений, книга дает представление о масштабах и особенностях гонений на многочисленных (более 200 имен) примерах исповедников и мучеников, при этом содержит исчерпывающие и, как правило, ранее неопубликованные сведения о многих из них.

Почти все эти подвижники подвизались или претерпели мученическую кончину после 1917 года. Исключениями стали блаженная Прасковья Ивановна (Паша) Саровская († 22.IX.1915), в житии которой описана ее встреча с Царем-мучеником во время саровских торжеств 1903 года и священник Алексей Бортсурманский (1762—1848), жизнеописание которого дается по книгам 1913 и 1942 годов, но с дополнениями, основанными на устном предании. Это единственное житие, выпадающее из хронологических рамок книги (XX век), которое корректнее было бы поместить в приложении или даже издать отдельно.

Из сонма Нижегородского духовенства и монашества, церковнослужителей и благочестивых мирян, пострадавших от богоборцев, жития или краткие сведения о которых помещены в книге, внимание историка Церкви несомненно привлекут жизнеописания исповедника и духовного писателя епископа Варнавы (Беляева) и его духов-

ных чад священномучеников митрополита Нижегородского Феофана (Тулякова), архиепископа Семипалатинского Александра (Щукина, в 1923—1929 гг. епископ Лысковский, викарий Нижегородской епархии), епископа Балахнинского Лаврентия (Князева), архиепископа Нижегородского Иоакима (Левицкого), епископа Ветлужского Неофита (Коробова), митрополита Нижегородского Евгения (Зернова), существенно дополняющие и уточняющие сведения о них, приведенные в каталоге *Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы*, составленном митрополитом Мануилом (Лемешевским) (Erlangen, 1979—1989). Весьма интересные сведения приведены о священнике Василии Адаменко (иеромонахе Феофане, 1885—1937?), известном своими издававшимися в Н.-Новгороде в середине 1920-х годов переводами на русский язык богослужебных текстов, и его приходе.

Ревнители подвижнической жизни найдут немало назидательного в жизнеописании нижегородских, саровских, дивеевских и ветлужских блаженных, подражавших подвигам древних Христа ради юродивых, добровольно претерпевших труды и лишения, которые отказывается понимать современное рационалистическое сознание, явно прославленных Богом даром исцелений, прозорливостью и иными чудесами.

Соединяя записанное церковное предание с архивными документами, его подтверждающими и дополняющими, автор не стремился добиться стилистического единства ценой фактических утрат, поэтому в одних житиях слышится взволнованное и сочувственное повествование очевидца, в других проступает стиль также не подвергшегося литературной обработке палаческого протокола (пояснения этих стилистических неровностей текста даны автором в *предисловии*).

К недостаткам книги безусловно можно отнести отсутствие отдельного очерка истории церковной жизни в пределах Нижегородской епархии в XX веке (краткий хронологический обзор был бы, наверное, очень полезен, особенно для неискушенного читателя) и алфавитных указателей имен и географических названий. Будем надеяться, что эти недостатки будут восполнены, а немногочисленные фактические ошибки устранены при переиздании.

Судя по издательскому анонсу в конце книги, этот огромный труд, проделанный как во исполнение решений Поместного Собора 1917—1918 годов, так и в соответствии с решениями последних Архиерейских Соборов и деятельностью Синодальной комиссии по канонизации, а также по изучению материалов, касающихся реабилитации духовенства и мирян Русской Православной Церкви, будет продолжен: уже подготовлен 2-й том новых *Жизнеописаний и материалов к ним*.

А. Т.

Митрополит ВЕНИАМИН (Федченков). Божии люди. М.: Современник, 1991.

Она живет и сегодня, Святая Русь...

Митрополит Вениамин (1880—1961) за последние годы открывается нам не только как богослов, но и как духовный писатель. В центре его творчества — человек. И в «Божиих людях» перед читателем проходит галерея живых образов: от общепризнанных духовных авторитетов до малого ребенка, который чистым сердцем увидел Христа. Скажут: но ведь в жизни — не только Божии люди.

Свою позицию автор поясняет сам: «Не будем много останавливаться на наших темных сторонах: это не поучительно... Читателю же действительно нужно и полезно не забывать, что высоте и святости угодников Божиих и предшествует и сопутствует духовная борьба, иногда очень нелегкая и некрасивая... Человек есть образ Божий... И когда этот образ восстанавливается в человеке, тогда его чтут»...

В книге «Божии люди» мы видим и оптинских старцев, являющих миру свою святость, и приходских батюшек, обремененных семьями, и монашек, несущих подвиг в миру, и простых прихожан, жизнь которых нередко озаряется светом Христовым. А о таких, как епископ Иннокентий Херсонский и другие крымские подвижники, митрополит Вениамин повествует, как о святых. Автору дано видеть в людях святость. В стремлении обрести образ Божий и заключается общенациональное подвижничество, этим и жива Святая Русь. Борьба добра и зла, света и тьмы в русском народе продолжается. Мы видим окружающую нас мерзость запустения, нищету — и впадаем в уныние, сомневаемся в том, что Россия возродится, спасется и поможет другим спастись. Но, должно быть, мы забываем, что все вместе взятые христианские государства не дали миру столько святых, сколько дала многострадальная Россия.

Автор «Божиих людей» силой своего писательского таланта помогает нам понять самих себя, угадать свое предназначение, увидеть и распознать Святую Русь в ее сокровенном повседневном подвиге.

Б. С.

Сдано в набор 04.06.93. Подписано в печать 13.08.93. Заказ 832. Индекс 71157.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
Министерства печати и информации Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской области

МОЛЕБЕН В ДАЛЬНЕЙ ПУСТЫНЬКЕ (САРОВ) ВО ВРЕМЯ ПЕРЕНЕСЕНИЯ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО,
июль 1992 год

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ